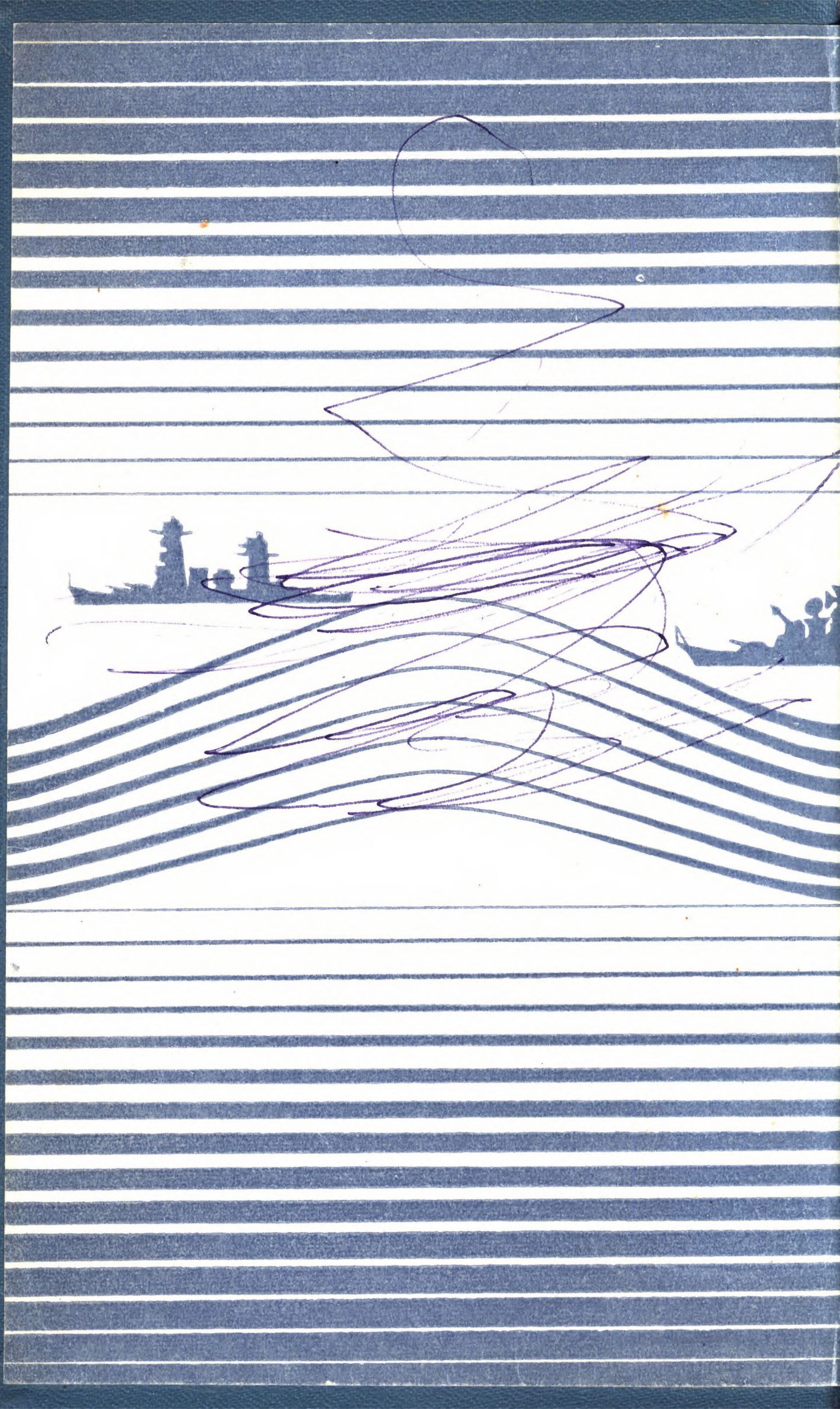

В. Крупаткин

Поют черноморские волны

Б. Крупаткин

Поют черноморские волны

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Свердловск
Средне-Уральское
книжное издательство, 1976

Р2
К84

Художник
А. КАЗАНЦЕВ

К $\frac{70803-072}{М158(03)-76}$

* * *

Посаженные дедом деревца,
Как сверстники твои, вступали в силу
И пережили твоего отца,
И твоему еще предстанут сыну
Деревьями.
То в дымке снеговой,
То в пух весенний только что одеты,
То полной прошумят ему листвой,
Уже повеяв ранней грустью лета...

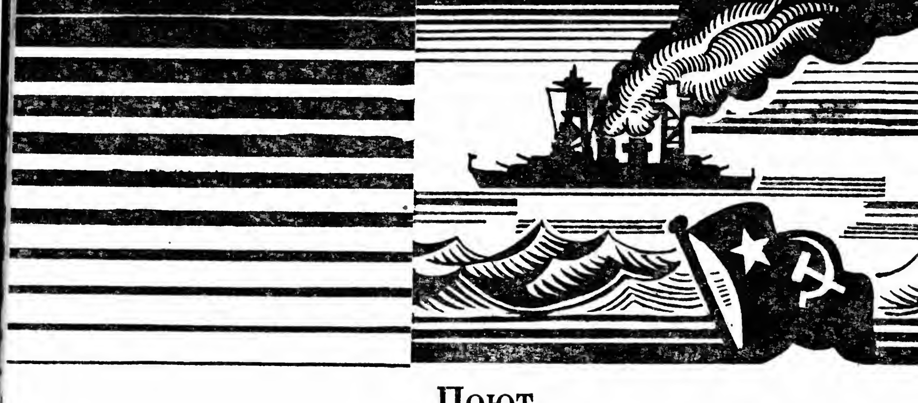
Ровесниками века становясь,
В любом от наших судеб отдаленье,
Они для нас ведут безмолвно связь
От одного к другому поколенью.

Им три-четыре наших жизни жить.
А там другие сменят их посадки.
И дальше связь пойдет в таком порядке...

А. Твардовский

Военные ветры

Поют черноморские волны

ПОВЕСТЬ

Посвящается Константину Ивановичу Агаркову, бывшему старпому гвардейского крейсера «Красный Кавказ», гвардии капитану I ранга в отставке

Письмо из Севастополя

Вместо пролога

Много есть прекрасных мест на земле. Побывать там — наша мечта. Красная площадь, Набережная Невы, Тихвинские леса, Золотые пески, Северные моря, берега Дуная, Донецкие степи, острова Океании...

Мы: это — дедушка, ветеран Отечественной войны, немало повидавший на своем веку, но всегда готовый съездить, слетать, поплыть к новым берегам, и внук Валера — друг и сподвижник деда в путешествиях по суше, морю и воздуху.

Вот уже несколько лет подряд, едва долетят до Урала весенние ветры, мы с внуком начинаем мечтать о летнем путешествии.

Поздней северной весной мы сидели с ним на мшистых камнях у озера Шарташ. Неподвижная вода казалась разливом холодной стали. В ней четко отражались светлое, безоблачное небо, темная зелень старых елей и трепетная яркая свежая листва молодых берез. Казалось, они не стоят на месте — то взбегают на вершинки невысокой горной гряды, раскинувшейся по ту сторону озера, то осторожно сходят к самой воде.

Валера удобно устроился на выцветшей плащ-палатке. В легком спортивном синем свитере с двумя белыми полосками, в расклешенных черных джинсах, туго опоясанных черным морским ремнем со сверкающей бликами медной бляхой с якорем, он выглядел юнгой. Он и хотел, страстно хотел выглядеть моряком! Я невольно залюбовался им — высокий, крепкий, темноволосый, с большими яркими глазами. Да, наверное, в его груди билось звонкое сердце моряка, морская душа определяла его характер, устремления, интересы и мечты. И это было загадкой — одной из тех, которые так любит загадывать жизнь.

В самом деле — почему уральский мальчик, едва научившись кое-как рисовать и читать, изображает только военные корабли, а повзрослев, читает только книги о море, о военных судах, собирает все, что может достать, о фрегате «Владимир», о «Варяге», «Стерегущем», «Авроре» и «Червоной Украине», знает строение и вооружение десятков эсминцев, крейсеров, линкоров, подводных лодок, влюблен в героев морских баталий разных времен? Почему?.. А может быть, нет в этом никакой загадки! Разве не проложены тропы из неприметных глухих сел — в космос?!

А в том, что касается Валеры, дедушка (иногда удобнее говорить о себе в третьем лице), наверное, и хитрит. Ведь и сам он лет сорок назад так же бредил морем и был всего на десяток лет старше своего внука, когда ходил уже в дальний поход на прекрасном и могучем крейсере... И хоть не довелось ему стать моряком, никогда не расставался он с морем в мечтах своих, и каждая встреча с ним радует деда до сих пор... Наверное, передалась внуку дедова любовь к морю, и если станет Валера настоящим моряком — значит, воплотится в нем заветное и несбывшееся.

От дальней гористой кромки леса по гладкой свинцовой воде несется в нашу сторону суденышко. Уже через две-три минуты мы видим белый теплоходик. Он гудит и свистит, как «большой», и, замедляя ход, приближается к шаткой игрушечной пристани. Жители поселка Изоплит приехали на наш берег, чтобы двинуться в город. Они, как по команде, расходятся по лучистым тропинкам сосновой рощи, за которой шумит полноводной рекой широкая лента шоссе.

— Смотри-ка, откуда люди взялись! — говорит Валера. В самом деле, удивительно: казалось, пустынный берег вдруг ожил и теплоходик быстро наполняется и, сотрясая тишину озера довольно мощным гудком, скоро исчезает в белесой дали.

— Ну, Валерик, пора уже раскрыть тайну. Я, кажется, язык прокусил — так долго терпел и молчал!..— Два блестящих темных глаза вопросительно уставились на меня.

Мне хочется обнять внука, но я знаю, что он уже давно считает себя взрослым и к тому же суровым моряком.

Слегка прикасаюсь к волосам мальчика.

— Вот письмо из Севастополя. Нас с тобой приглашают мои старые друзья.

— В Севастополь! — радостно воскликнул Валера (я бы даже осмелился сказать: взвизгнул...). Он вскочил, бросился обнимать меня, и еще неизвестно, кто из нас был счастливее в эти минуты.

— «Красный Кавказ», — проговорил внук, став вдруг серьезным.

— «Красный Кавказ»!

Это был наш давний пароль, путеводный компас среди многих кораблей, о которых мы говорили, читали, спорили. Это был вестник моей юности — самый красивый, самый могучий, вечно живой, незабываемый боевой корабль — «Красный Кавказ»!..

Графская пристань

Кажется, девиз жизни Валерика (да и всех наших подростков, наверное) — все познать и ничему не удивляться!.. Окажись Валера вдруг на Марсе, пошел

бы искать таинственные «каналы», нисколько не удивляясь тому, что очутился здесь... «Нормально!»... Три дня назад мы сидели на берегу уральского озера Шарташ, а вот уже в который раз бродим в тени колоннады Графской пристани в Севастополе, снова и снова приходим к ней ранним утром, солнечным днем, вечером.

Могло ли быть иначе? Разве могли мы не приехать сюда?

Море!.. Сверкающее, синее, голубое, зеленое — вот оно переливается и плещет у наших ног, рассыпается звучными брызгами на белых камнях широкой лестницы. Спокойные волны ритмично покачивают у самой пристани корабли. Бок о бок с белоснежной громадиной туристской «России» пришвартовались другие суда...

Я сижу на теплом камне, прислонившись к ребристой колонне Графской пристани, и не могу оторвать глаз от бухты. Как и много лет назад, она живет напряженно и кипуче. Грузные барки и юркие теплоходики бегут на Северную сторону и быстро возвращаются обратно.

Опережая резкий звук сирены, военные катера лихо мчатся в ореоле морской пены в сторону Приморского бульвара, где в другой уже бухте и в открытом море ждут их корабли.

— Дедушка, покажи, где стоял «Красный Кавказ»... — Валерик прикоснулся к моему плечу.

Мы спускаемся к самому морю, на деревянный причал пристани, ощущаем влажное, свежее, трепетное дыхание волн.

— Видишь, напротив мысок, Павловский мысок называют его. Там и стоял он всегда...— Валерик впился глазами в этот ничем сейчас не примечательный мыс, и я убежден, что он видел, несомненно видел мой крейсер: столько раз я рассказывал о нем внуку, показывал десятки рисунков и фотографий корабля.

— Там, напротив, обычно стоял он. Самый красивый, самый новый, самый мощный советский военный корабль! — Я не мог иначе говорить о «Красном Кавказе», и Валерик уже давно привык к этому. Но тут, на Графской пристани, где, кажется, сам воздух ове-

ян славой Черноморского флота и волны неумолчно поют о кораблях-героях, внимание внука рассеивалось. Вот, совсем рядом, рукой подать, гребни волн осторожно касаются мемориальной доски на правой стенке пристани — в память «Червоной Украины». Крейсер — родной брат «Красного Кавказа» — погиб здесь, у Графской, в ноябре 1941 года, в неравном бою с вражескими самолетами. В этих водах, бок о бок со старым морским богатырем — линкором «Парижская коммуна», прославили свои боевые флаги новый крейсер «Красный Крым» и лидер «Ташкент», а на самом памятном Павловском мыске белеет в зелени обелиск в честь героев легендарного эсминца «Свободный»...

Как-то на уроке рисования Валерик изобразил однажды, как гибнет в бою весь в огне этот эсминец. Только кормовой мостик с зениткой виден в волнах, и последний матрос «Свободного» продолжает вести огонь и сбивает фашистский самолет...

Но мое первое знакомство с «Красным Кавказом» произошло задолго до Великой Отечественной, и тогда наш крейсер был действительно самым новым, самым мощным, а уж самым красивым он оставался всегда. (Об этом скажут на этих страницах и другие авторитетные свидетели.)

— Смотри! — воскликнул Валерик. К причалу пристани подлетел, развернулся боком и мгновенно пришвартовался командирский катер. На корме у бело-голубого военно-морского флажка застыл матрос в парадной форме. Ни качка, ни развороты не могли пошатнуть его. На катер уверенно шагнули с берега несколько командиров. Раздалась негромкая команда, и изящное судно так быстро отшвартовалось и рванулось вперед, что уже через несколько секунд только неподвижная фигура матроса на корме едва виднелась над пенистым следом. Метнулись над волнами ленточки его бескозырки, и катер исчез в сверкающем море.

— Вот бы прокатиться на таком,— мечтательно проговорил Валера, и глаза его заблестели.

— Как раз на таком я и прибыл тогда на «Красный Кавказ». И как раз отсюда же, с Графской пристани...

Внук посмотрел на меня долгим взглядом, и нетрудно было догадаться, о чем он думал, стоя рядом со мной над севастопольской бухтой.

«Боевой до места!»

Воспоминания

То были тридцатые годы, когда все было первым: первая пятилетка, первый трактор, первый колхоз... Военно-морской флот получал со стапелей советских заводов первые советские крейсеры и эсминцы и готовился к дальним плаваниям. Над военным флотом шефствовал комсомол, и не было на кораблях важного события, в котором не участвовали бы и шефы. Так, летом 1933 года с группой комсомольских работников и журналистов довелось мне приехать в Севастополь для участия в большом походе флота.

Нас тепло встретили, одели в легкие синие кителя морского покроя без всяких знаков различия (их вообще тогда было очень мало — погон еще не носили, у командиров на рукавах были лишь нашивки и звезды). Особенно приятно было надеть морские фуражки с белым верхом и серебряным крабом... Мы сразу стали казаться (самим себе, конечно!) настоящими морскими волками.

Меня определили в распоряжение редактора флотской газеты «Красный черноморец» Павла Мусьякова. Очень высокого роста, он был виден издалека, а еще раньше был слышен его звонкий голос, тоже очень высокого тембра. Мусьяков сильно заикался, но так выразительно жестикулировал, что многие незаконченные фразы, повисая в воздухе, все-таки не делали его речь непонятной. Свое первое и самое прочное знакомство с Севастополем и флотом я получил через Павла Мусьякова и никому не желал бы лучшего наставника. Мы в первые же дни исходили и изъездили весь город, повидали все его памятники и памятные места, побывали на кораблях. Наверное, это было хорошей подготовкой к морскому походу.

То, что редактора флотской газеты знали всюду, где бы мы ни бывали — в учебном отряде и на линко-

ре, в политотделе соединения и на маленькой подводной лодке,— не удивляло. Мусьяков был здесь своим уже много лет. Впечатляло умение комиссара говорить с людьми. Он мог обменяться несколькими словами с большим командиром (с широкой золотой нашивкой на рукаве), быстро доведя до конца короткий деловой разговор, заикаясь и не закончив фразу. Но никогда я не видел, чтобы Мусьяков на ходу разговаривал с рядовым матросом. Всегда находилось у него время для душевной беседы, если нужно было — уходили в сторонку и долго прохаживались или садились, пристроившись где придется... Достаточно было увидеть, как встречали и провожали Мусьякова краснофлотцы, как крепко жали его руку, чтобы понять: приходил друг.

Видимо, присмотревшись ко мне, Мусьяков на третий день пребывания в редакции вдруг сказал:

— Словом, вот так. На корабли переедем завтра. Поход флота скоро. Наша редакция идет на «Парижской коммуне». Мощный линкор, но старый, тебе не будет интересно. Договорился в политотделе бригады крейсеров,— ты пойдешь в поход на «Красном Кавказе». Это новейший корабль — завтрашний день флота. Пока в печати его не называем. Пишем — «Крейсер Н». Что будешь делать? Вместе с товарищем Ворсистым выпускать газету.

— Стенную? — спросил я. Мусьяков рассмеялся:

— Зеленый ты, брат. Стенгазета — это самодеятельность. Никто за краснофлотцев не танцует, не поет, не рисует газеты.

Редактор вынул из стола листок — чуть больше тетрадной страницы. Это была маленькая газета, густо населенная печатным шрифтом, «шапками» и даже крошечными клише. Заголовок гласил: «Боевой до места!» Орган бюро коллектива ВКП(б) крейсера Н».

Я никогда не видел такой газеты, долго рассматривал ее и, вернувшись к заголовку, вслух вопросительно прочел: «Боевой до места!»

— Удивляешься? — проговорил Мусьяков.— Подучиться надо бы, на флот едучи. Тогда знал бы, что сие значит. Это морской сигнал. И смысл его примерно таков: дойти в полной боевой готовности до места назначения. И выполнить любое задание... Разуме-

ешь? Боевой — до места! Это и тебя касается, друг, коль идешь в поход на боевом корабле.

Назавтра Мусьяков проводил меня на Графскую пристань. У колоннады над морем собрались молодые шефы. Прибывают командиры разных кораблей флота, один за другим пришвартовываются и уходят в море военные катера.

— Вот и твое начальство прибыло,— говорит Мусьяков. Мы подходим к группе командиров «Красного Кавказа», знакомимся.

— Комиссар Савицкий.

— Старпом Кузнецов...

Мусьяков представляет меня. Доброе улыбающееся лицо комиссара и строгое, даже суровое молодое лицо старшего помощника командира корабля.

И вот — наш командирский катер! Сверкающие металлические поручни и деревянные панели вдоль бортов, солнечные блики на каждой медной шайбе, надраенной до блеска, богатырь рулевой и замерший, как статуя, краснофлотец на корме у флага... — все промелькнуло мгновенно.

— Прошу на катер,— раздался чей-то приветливый голос. Кто-то поддержал меня за локоть, кто-то подал руку и вовремя усадил. Мотор рванул катер с такой силой, что, казалось, я неминуемо вылечу через борт. Катер развернулся, легкие брызги обдали всех нас, и мы летим над волнами... Бухта расширяется. На рейде в ослепительных лучах солнца замерли крейсера, эсминцы, сторожевые корабли.

— Вот прямо, у мыска, наш крейсер. Спутать его с другим кораблем нельзя.— С удивлением вижу, что это строгий старпом обращается ко мне...

Таким и запомнился мне «Красный Кавказ» на всю жизнь!

Силуэт крейсера был действительно необычным. Над широким размахом носовой части неожиданно вздымается огромная трехногая мачта — такой не увидишь нигде — она прорезается несущими площадками для дальномеров и других приборов и завершается на вершине своей командным пунктом, словно орлиным гнездом. Округлые башни главного калибра, ажурные мачты, катапульта для самолетов — все это, густо облитое сверкающим золотом яркого солнца,

создает неповторимое ощущение легкости, красоты и скрытой силы.

Впервые поднимаюсь по трапу военного корабля и почти сразу включаюсь в напряженный ритм его размеренной, четкой жизни. Побудка, подъем флага, склянки, отбивающие время, и при этом каждый человек знает свое место и свое дело как бы в двух измерениях: в обычной обстановке и по боевой тревоге. Пока все спокойно. Медленно разворачиваются тяжелые башни, и орудийные расчеты что-то разбирают, чистят, сверяют. Зенитчики колдуют над прицелами. Дежурные команды драят палубы и трапы до невозможного блеска, машинисты и турбинисты снова и снова прослушивают механизмы, а в глубине служебных кают штурманы исчерчивают карты морских путей, рассчитывая и пересчитывая тот самый верный маршрут, который строго соответствует сигналу: «Боевой до места!» Словом, как в старой матросской песне: «Корабль несется полным ходом, машины тихо в нем стучат...» (А крейсер — уже в открытом море, машины действительно тихо стучат, и весь корабль дышит и вибрирует им в такт.)

Особой жизнью живет наша маленькая каютка. Здесь мы поселены с Виктором Ивановичем, редактором, здесь и наша редакция, что обозначено на медной табличке на узкой двери: «Боевой до места!» (Табличка всегда была у нас надраена до блеска, как и все на корабле.)

Койки убраны, и вокруг закрепленного железного столика у раскрытого иллюминатора сгрудился наш актив, все свободные от вахт. Машинист Авдеев настаивает, чтобы в первом походном номере газеты «звучало», как он говорит, машинное отделение.

— Не будет хода — не будет похода! — восклицает молодой светловолосый, но неожиданно темнобровый машинист. И, радуясь своему умению говорить в рифму, добавляет: — Вот и «шапочка» готова к материалу. Чем плохо?..

— «Чем плохо?» — иронически повторяет слова Авдеева орудийный наблюдатель с запоминающейся фамилией Свирепый.— Ход дает и пассажирский теплоход, а орудийные башни?! — Он уничтожающе смотрит на Авдеева.— Орудийные башни — это и есть крей-

сер. «Чем плохо!» — Свирепый так повторяет авдеевскую поговорочку, словно вбивает заклепку...

Виктор Иванович прерывает спорщиков.

— Только сейчас был у комиссара. Установка: первая страница — политика. Фашисты грозятся, скажем наше краснофлотское слово в ответ: будем решать две задачи, как одну — боевую и политическую подготовку — на «отлично»! А оборотку газеты поделим между всеми: коротко, четко... После ужина сдаем в набор. Сразу после побудки — считка, к завтраку «Боевой до места!» — на всех палубах, в котельных, в машинном. Такая установка. А сейчас — пошли на беседу старпома с молодыми. Вообще интересно, здорово рассказывает Кузнецов. И для газеты пригодится.

Первый день на военном корабле, полный незабываемых впечатлений, пополнился еще одним, может быть, самым сильным, острым и памятным.

Палуба крейсера на фоне открытого темно-синего моря. В тени орудийной башни сидят молодые краснофлотцы. Бескозырки на коленях, и свежий ветер пытается запутать черные ленточки с якорьками. Все взгляды устремлены к Кузнецову. Старший помощник командира крейсера стоит, опираясь на опущенный ствол орудия. Он высок, строен, подтянут. И речь его такая же ясная, четкая, стройная.

В то время старпом «Красного Кавказа» был немногим старше своих слушателей — ему едва минуло тридцать лет. Но за плечами уже нелегкий жизненный путь — твердый и неуклонный путь к морскому совершенствованию.

Николаю Кузнецову не было семнадцати, когда он в 1919 году пришел добровольцем на Северо-Двинскую военную флотилию. До этого он знал лишь свою речушку Ухтомку, где жил в затерянной в северных лесах деревушке. Три класса церковноприходской школы — не великое образование, но Революция — лучший университет. Молодой моряк, как на штормовых волнах, попадает из Архангельска в Ленинград, жадно овладевает знаниями, и вот он уже — курсант военно-морского училища, вот и — красный командир.

Плавал на суровой Балтике на старом линкоре «Парижская коммуна», на «Авроре»... А затем Чер-

ное море, становление Черноморского флота. Дальние походы на крейсере «Червона Украина». Годы учебы в Военно-морской академии — и «Красный Кавказ»...

Старпом рассказал молодым морякам о необычной истории крейсера. Еще до Октябрьской революции его по заказу Российкого морского штаба начала строить английская фирма. Строили долго, плохо, равнодушно, хотя будущему крейсеру дали громкое имя «Адмирал Лазарев». В России началась революция. Недостроенный корабль ржавел в Николаевском доке. А когда через несколько лет вспомнили о крейсере, оказалось, все чертежи увезли англичане в девятьсот семнадцатом... Теперь ясно, что было это к лучшему. Советские корабелы создали совсем другой, новый крейсер, вложили в него смелые мысли и мечты. От старого не осталось ничего. В 1932 году в море был спущен новейший крейсер «Красный Кавказ»...

Как сейчас вижу эту палубу, молодых матросов, их открытые, ясные лица с горящими глазами. Помню, как Кузнецов любовно провел рукой по стволу орудия, и как удивило меня плохо скрытое волнение в голосе этого сурового человека, влюбленного в свой корабль, во флот... Он вплотную подошел к башне и сказал, что на крейсере все новое, новейшее, но гордость наша — его вооружение.

Англичане проектировали для «Лазарева» двенадцать пушек среднего калибра под слабыми броневыми щитами. На «Красном Кавказе» — всего четыре орудия. Но какие! Мощные, дальнобойные, точной стрельбы, в непробиваемых башнях, с механизмами, о которых морские артиллеристы могут пока лишь мечтать. Наводка — центральная, приборами, пушки бьют и по невидимой цели... А нужно — на помощь артиллеристам придут свои корабельные самолеты...

Самолет, взлетающий с авиаплощадки крейсера,— это было тогда совсем новинкой. Штурманы, минеры, гидроакустики — все гордились новым и новейшим оборудованием. Даже радиоголос дежурного командира, звучащий одновременно по всему кораблю — от палубы до трюма,— тоже был новинкой в те годы. На многих кораблях пока по-старому команды доносили боцманская дудка, труба да рупор-усилитель...

«Пока»... Кузнецов подчеркивал это. Широким жестом он как бы хотел показать, что строятся, сходят уже со стапелей и другие новейшие военные корабли, пополняют наши флоты и флотилии на всех морях — Черном, Балтийском, Северном, Каспийском, на Тихом океане... Дело молодых моряков — познать до тонкостей боевую технику крейсера, быть готовым к походам, а если понадобится — и к боям.

Пройдут немногие годы, и старпом «Красного Кавказа» даст первый бой фашистским морским пиратам, защищая республиканскую Испанию, станет Героем Советского Союза, адмиралом флота и главнокомандующим Военно-Морскими Силами Страны Советов, министром Советского Военно-Морского Флота... В моей же памяти Николай Герасимович Кузнецов неизменно видится старпомом крейсера, в кругу молодых моряков.

Двадцать дней в открытом море

Воспоминания

С какой скоростью проносятся воспоминания?

Есть восточная притча. Некий могущественный шейх в старости призвал к себе прославленного звездочета и потребовал чуда.

Кудесник поставил перед шейхом солнечные часы и наказал всей свите следить за движением времени, соблюдая молчание.

— Закрой глаза, о Повелитель Вселенной,— обратился звездочет к шейху.— Не открывай их до моего прикосновения.

...Шейх увидел себя ребенком. Он дремлет на руках матери в богатом шатре, меж верблюжьих горбов. Желтые пески пустыни качаются, как морские волны, яркое синее небо режет глаза. Тишина вдруг взрывается дикими криками, враги его отца напали на караван...

Медленно тянутся долгие годы рабства. Вместе со своими ненавистными завоевателями он кочует по бескрайним пескам. Живет то в грязном шатре у

оазиса, то в глинобитной хижине в неведомом кишлаке, то в беломраморном дворце в шумном городе. Ему запрещено отходить от своего повелителя дальше десяти шагов, малейшее нарушение карается палочными ударами. Он давно уже забыл свое имя, забыл, что он — сын шейха. Он раб, его кормят для того, чтобы он стал бесстрашным и жестоким воином.

Идут годы, он уже юноша, потом — зрелый муж... Но ничто не вечно, и по воле аллаха в одной из схваток конница противника перебила его хозяев, а сам он захвачен в плен и ждет казни... Старый шейх — Повелитель победивших — по приметам, известным только отцу, узнает в нем своего сына...

Проходят еще годы, отец умирает, завещая сыну свои владения. И вот он сам — Повелитель. В его дворцах любимые жены и сыновья, и старший сын всегда здесь, рядом. Борода Повелителя поседела, он схоронил многих близких и все чаще ощущает тяжесть прожитых лет... Годы идут за годами, по воле аллаха черная оспа косит тысячи правоверных, унесла она в черные пески и любимого сына, а шейх — стар и немощен. Неужели это конец его дней? Холодный пот выступает на лбу.

— Открой глаза, о Повелитель Вселенной.— Звездочет едва прикасается к его плечу. Шейх в страхе поднял веки. Рядом сидели любимый сын, визирь, свита... Узкая тень солнечных часов едва передвинулась от одного деления к другому. Лишь мгновения прошли за то время, когда шейх закрыл и открыл глаза. А в грезах со скоростью бешеного скакуна пронеслась перед ним вся его долгая жизнь...

С какой же скоростью проносятся воспоминания?

Мы сидим с внуком на теплых камнях широкой лестницы у моря.

Валерик не сводит глаз с бухты и кораблей, радуясь сбывшейся мечте: он в Севастополе, на Графской пристани!..

Я слежу за взглядом внука, как будто вижу ту же бухту и те же корабли, но волны катятся вдаль, в открытое море, дальше, дальше, и звучат в сердце воспоминания.

Раннее утро на крейсере. Стоим на якорях. С левого борта грозно покачивается линкор, вдалеке — строй эсминцев. Нам кажется, весь корабль с самого утра читает первый номер «Боевой до места!». Его разносят по кораблю прямо из типографии — из крошечного кубрика, в котором тесно размещаются неподвижные стойки с типографским шрифтом и маленькая круглая печатная машина...

По радио объявляется авральная уборка. И вот выходим в открытое море. Сквозь облачное небо пробиваются лучи солнца. Море становится голубым и розовым, и необозримый простор — море и небо! — незабываем.

Звучат характерные прерывистые звуки трубы. Радио сразу же доносит их во все отсеки корабля. Боевая тревога!.. Мгновенно жизнь крейсера переходит в то второе измерение, которое является главной целью его существования. В первые секунды создается ощущение чего-то тревожно-неясного: по всем палубам, по всем трапам бегут, бегут — вверх и вниз, навстречу друг другу. Топот ног в полном безмолвии. И лишь все тот же беспокойный резкий звук трубы... Но очень скоро становится ясным предельно четкий, идеальный порядок. Каждый на своем месте!

— Задраить все люки и иллюминаторы!

— Есть задраить все люки и иллюминаторы! — эхом отвечает крейсер. Грозно разворачиваются башни, орудия нацелены в одну сторону. На горизонте корабли «противника». Медленно двинулись встречным курсом. Сейчас грянет морской «бой»...

Серым ветреным утром подошли к эскадре. Море свинцовое. Тяжелые волны медленно перекатываются, глухо ударяют о борт корабля. С трудом занимаем свое место, видимое в волнах только опытному глазу военных моряков... И сразу же крейсер включается в бесшумный разговор прожекторов. Мигают, зажигаются и гаснут, и снова вспыхивают мощные прожекторы флагманского линкора. По радио звучат расшифрованные команды. И вот уже на борту крейсера, обращенному к флагману, так же как и на всех других кораблях эскадры, неподвижно замерла ровная черно-белая кайма. Это выстроилась команда (в форме № 2 — черные брюки, белые матроски и кителя).

Командирский катер под стягом командующего флотом отваливает от трапа линкора и, ныряя в волнах, объезжает эскадру. Вместе с брызгами волн ветер доносит приветственное «ура!», звуки оркестров.

Всплыли подводные лодки. На их узких спинах вмиг вырастает такая же черно-белая кайма: подводники в парадной форме приветствуют командующего.

Вечером огни эскадры — словно огни большого города в открытом море.

На кораблях звучат песни, музыка. Звучат они и на юте «Красного Кавказа». Разносятся по морю песни новые: «Ты, моряк, красив сам собою — тебе от роду двадцать лет», песни старые, извечные матросские песни «Раскинулось море широко...». Уносятся в ночь и совсем странные песни, ведь советская морская песня только нарождалась в те годы:

Солнце уж садилось, море глухо злилось,
вечер опускал свою завесу...
Штурман молодой, с русой головой
покидал красавицу Одессу...

Или:

Оружьем на солнце сверкая,
на рейде стоят крейсера.
Команда, приказ дожидая,
готова поднять якоря...

А то зазвучит и залетевшая из далекого прошлого грустная песня матросов старого русского флота:

Горит свеча дрожащим светом,
матросы все, понурясь, спят.
Корабль несется полным ходом,
машины тихо в нем стучат...

И еще более старая, развеселая:

Забелела в море пена —
будет, братцы, перемена.
Братцы, перемена...

А с рассветом крейсер живет одним — подготовкой к полным ходам. Все начальство корабля — в машинном, в котельных. Турбинисты, машинисты — герои дня. Наш «Боевой до места!» вышел под звонкой «шапкой»: «Полный вперед!..» Военкор машинист Авдеев успел дважды вечером забежать в типогра-

фию, прочел от строчки до строчки маленькие странички и уверенно сказал:

— Готовьте новую «шапку» про наше первенство. Полным ходом — победа в походе! Чем плохо!..

С утра пошли всей эскадрой. Кажется, нет ничего красивее. Вот идут могучие военные корабли в кильватер — строго в затылок один другому. Сигнал прожектористов и флажков: «Поворот все вдруг», и линкор, и крейсера, и эсминцы, и канонерки быстро и слаженно идут уже развернутым фронтом...

Снова сверкнули молнии прожекторных сигналов с флагманского линкора, и вся эскадра рассеялась по морю. В ряд, нос к носу, стали три морских богатыря — три крейсера: «Красный Кавказ», «Червона Украина», «Профинтерн».

— Вперед!

Глубоко рассекая волны острыми носами, в бурунах пены, крейсера рванулись, понеслись!.. 20 узлов, 25 узлов, 28 узлов.

— Самый полный!..

Крейсера мчатся, как торпеды. Кажется, море вокруг кипит и дымится. Но вот нарушается строй кораблей, на миг вперед вырывается «Профинтерн», его быстро обгоняет «Червона Украина», но мы уже вровень с ее носом, и вот рывок за рывком (кажется, мы все слышим тяжелое, напряженное дыхание наших машинистов!..), еще рывок — и мы обгоняем!

Вот она, скрытая сила второго измерения!.. «Красный Кавказ» стрелой мчится в открытое море, уже из голубой дали доносятся приветственные молнии прожекторных сигналов флагмана флота — со скрытого в морской дымке, чуть видимого линкора.

Эскадра держит путь на Одессу. А в пути — стрельбы. И снова весь крейсер в напряжении. Теперь внимание — артиллеристам. Наверное, прав наблюдатель Свирепый: крейсер — это орудийные башни. Здесь скрыта его огневая мощь...

Артиллеристы корабля для меня воплощались в те дни в одном человеке: командире второй башни. Константин Агарков — молодой лейтенант — коренастый, с круглой коротко стриженной головой, с крупными чертами крестьянского лица, скорее походил на колхозного тракториста.

В действительности же Константин Иванович, хотя в юные годы и крестьянствовал на Орловщине, с девятнадцати лет — фрезеровщик на ленинградском заводе... Были двадцатые годы, Нева, Балтика, волнующая, зовущая романтика нарождающегося Красного Флота. И молодой рабочий пошел по пути многих. Как и Николай Кузнецов, всю жизнь свою решил он отдать морю, военному флоту. Правда, нелегок и нескор путь к Кораблю. Артиллерийская морская школа, Военно-морское училище, годы учения, овладения орудием, теорией и техникой стрельб, морского боя... И, как Кузнецов, как и многие балтийцы, Агарков — на Черном море. Здесь крепнет флот, вступают в строй новые корабли, и непередаваемо было счастье молодого лейтенанта-артиллериста, когда он вступил на палубу новейшего крейсера, пришел к могучей орудийной башне. Пройдет совсем немного времени, и Константин Агарков уже «БЧ-2» — командир дивизиона главного калибра крейсера. Он — один из богов морского боя, уверенно владеет всеми специальностями крейсерской артиллерии — может и зорко наблюдать, и ловко заряжать, и метко вести огонь. А грозную орудийную башню свою лейтенант знает не хуже, чем обжитый кубрик. И вот сейчас он держит экзамен не только за себя, за весь корабль... Но Константин удивительно спокоен, хотя стрельбы ожидались очень сложные — на больших скоростях, по движущейся мишени.

Длинноствольное дальнобойное орудие давно «на взводе», Агарков не раз проверил механизмы наведения, поговорил с наводчиками, с электриками — в их руках электромоторы, спускался в «элеватор», откуда подаются снаряды, проверял и порядок в «погребах», посидел и на своем командном пункте... А сигнала все не было.

Наступил синий вечер, быстро наползла на море и густая темная ночь. Наверное, облачно: ни луны, ни звезд. Крейсер мчится в ночь, строго по курсу. Жизнь постепенно замирает. Все решили, что стрельбы перенесены на завтра.

И вдруг боевая тревога! По радио передается короткий приказ — быть готовым к артиллерийским стрельбам. Ночным!.. Мгновенно вспыхивают прожек-

тора, лучи вырывают из темноты эсминец, буксирующий на длинных тросах щиты. Они быстро движутся, пропадают в волнах и снова появляются, исчезают в ночи и возникают в луче прожектора, как призрачные суда. Но это — реальные цели, и их нужно поразить.

Крейсер на боевом курсе. Едва светятся приборы башен. Не свожу глаз со второй башни. Где Константин? На своем командном пункте? А может быть, поднялся выше — на формарс?

— Залп!..— Весь корабль и вся команда ощутили силу могучих выстрелов. Кажется, крейсер слегка отпрянул назад. Стволы осветились вспышками желтых огней, снаряды умчались в ночь.

— Первая башня!..

— Вторая башня!..

— Залп!..

Труба сыграла отбой. Корабль осветился огнями. Наш катерок отошел от крейсера для встречи с наблюдателями у целей, узнать результаты стрельб. Когда через час я встретил у трапа легко поднимающегося Агаркова, вопросы были не нужны. Улыбающееся лицо Константина ясно говорило об успехе:

— Все цели накрыли. Порядок!..

— Теперь отдыхать... Заслужили.

Но не успели мы разойтись по каютам, как вновь тревожно и резко заиграла труба.

— Боевая тревога! Задраить все люки и иллюминаторы! Погасить все огни!.. Все по местам!..

Ощутимо меняется курс, впереди вырастает темный и грозный силуэт линкора. Пристраиваемся в кильватер, следуя за чуть заметными зелеными огоньками на корме и мачтах. За нами, почти невидимо, также в кильватерном строю, вся эскадра.

И вдруг ночь разрывается как вспоротая кинжалом.

— Внимание! Внимание! Поворот все вдруг!.. Отразить торпедную атаку!

— Огонь — всеми видами оружия!..

— Залп!

— Залп!

Заметались по волнам яркие лучи, и мы увидели, как со всех сторон из ночной тьмы мчатся на эскадру

десятки черных ревущих молний. Торпедные катера!.. Стальные москиты, готовые выпустить свои смертоносные жала, они метались среди пенящихся волн, стремились выскользнуть из лучей прожекторов и невидимо приблизиться к борту корабля...

В настоящей боевой схватке такой ночной налет «москитного флота» дорого стоил бы эскадре, хотя неминуемая гибель ждала бы и большинство бесстрашных катерников,— они несутся почти на верную гибель во имя победы над врагом.

Для нас всех это была лишь ночь учений, но память будет цепко хранить мечущиеся лучи прожекторов над ночным морем, безмолвие могучей эскадры, готовой к отражению торпедной атаки, и беззаветную удаль летящих из тьмы молниеносных катеров.

Через 35 лет:

«Припоминаю трагическую ночь на 22 июня 1941 года. В 3 часа 07 минут немецкая авиация совершила налет на Севастополь... Война началась. Но в ту роковую ночь мы не потеряли ни одного корабля. Эта способность Черноморского флота отразить нападение гитлеровцев приобреталась годами, нелегкими боевыми учениями и маневрами кораблей и соединений, постоянно выковывалась в борьбе за «первый залп».

Н. Г. Кузнецов — адмирал, министр Военно-Морского Флота СССР, Герой Советского Союза, 1966 год.

Цветы и музыка!.. Музыка и цветы!.. Это Одесса впервые встречает корабли советского Черноморского военного флота в июне девятьсот тридцать третьего. Для нас стоянка на Одесском рейде и радостный праздник, и большой труд. С утра до вечера гости на кораблях, и все должно не только блестеть, как обычно, но сверкать, сиять сверхчистотой... Дружеские встречи, взволнованные речи, восхищение и радость... И песни и пляски — флотские и одесские. Знакомство с городом и снова дружеские встречи. Краснофлотцы в окружении гостеприимных хозяев заполняют сверху

донизу знаменитую одесскую лестницу, Дерибасовскую и Морскую, все скверы и парки, все театры и музеи...

Праздники пролетают быстро. Солнце склонилось к горизонту, море стало розовым и бирюзовым. По отсекам корабля прозвучала команда: «С якоря сниматься!..» Вся Одесса украсилась флагами расцвечивания, на всех балконах — яркие ковры и цветы, на пристани разноцветный, поющий, приветствующий поток людей...

Корабли, медленно разворачиваясь, прощаются с Одессой, уходят в открытое море.

«Боевой до места!» вышел под «шапкой»: «Поход продолжается. Курс — на базу флота».

Выходим в ночь, притушив все огни, задраив иллюминаторы. Лишь на мачте мерцает зеленый кильватерный огонек. Вдали — чужие берега, над ними бушует далекая гроза. Море слегка штормит, откликаясь на дальнюю бурю. Вдруг ослепительно яркий свет открывает корабли, черные громады волн и странные очертания на горизонте. Будто огненный шар взлетает вверх, разрывается длинными молниями... Гроза пришла...

С утра шторм усилился. Крейсер бросает с боку на бок, огромные волны перекатываются по верхней палубе. С мостика видно, как тяжело режет носом бушующие волны «Червона Украина», как совсем утопают в волнах эсминцы... Но эскадра четко свершает различные эволюции. Поход в шторм — суровая, но неоценимая школа военных моряков.

В эти дни штормит и международная жизнь. Поднимает свою змеиную голову нарождающийся фашизм, прощупывает нашу стойкость гитлеровская дипломатия. И в конце долгого похода, на подступах к Севастополю, на верхней палубе команда собралась на митинг. Под жерлами орудийных башен слова моряков особо весомы.

По рукам ходит наш «Боевой до места!» — «Специальный выпуск 21 июня 1933 года». На первой странице — крупный шрифт:

> «Из радиорубки. Планы германских фашистов»:
>
> «На мировой экономической конференции германская делегация выступила с планом

порабощения Советского Союза. Представитель германской делегации вручил председателю конференции меморандум (заявление), в котором требует возврата отобранных после мировой войны германских колоний и представления для колонизации новых земель за счет территории Советского Союза...»
«Боевой до места!» призывал:
«Помни о планах врага!
Командир, краснофлотец!
Береги свою технику, овладевай ею, показывай образцы боевой работы, крепи железную, революционную дисциплину. Помни, что мы встали на страже первого в мире пролетарского государства...
Международная обстановка требует удесятерения бдительности, подлинно ударного отношения к делу. Образцовое проведение учения — вот боевая задача каждого бойца и командира!..»

...Четыре десятилетия хранится у меня «Боевой до места!» тех дней. Друзья и внуки осторожно рассматривают иногда маленький пожелтевший листок. С радостью вижу, как волнует он всегда Валерия... Долго и молча держит он в руках эту неказистую газетку, овеянную славой легендарного крейсера...

* * *

В конце дня стали на рейде, у своего Павловского мыска, на виду Приморского бульвара Севастополя. На мачтах флаги расцвечивания. Крейсер приветствует родной город. Позади двадцать дней в открытом море, дни и ночи боевых учений.

К вечеру на палубе построение всех, кто сходит на берег. У трапов ждут катера и баркасы. Слова прощания и пожеланий и — сюрпризом: перед строем оглашается письменная благодарность шефам «Боевого до места!» от командования бригады крейсеров флота.

Последний раз обхожу «Красный Кавказ», подхожу к трапу. Сегодня вахтенный командир — Константин

Агарков. Последнее, что вижу на крейсере,— его широкая добрая улыбка. Катерок отваливает с левого борта, Агарков сверху салютует: «Прощайте!» Через несколько минут сверкающий командирский катер «Красного Кавказа» (тогда еще «Крейсера Н») лихо подошел к причалу, на ходу развернулся, мгновенно пришвартовался, и я вступил на землю Севастополя.

Это было сорок лет назад — здесь, на этом вот причале, на этих вот белых лестницах Графской пристани.

Башня Ветров

— Вот вы где, голубчики! Конечно же, на Графской... Чем плохо! — По белым ступеням, к затененному колоннами углу причала, где сидели мы с Валерой, спускался, постукивая палочкой, Авдеев — тот самый Авдеев — машинист с «Красного Кавказа». Бывший машинист с бывшего «Крейсера Н», ныне заслуженный учитель, Анатолий Федорович Авдеев, ветеран флота, инвалид Отечественной войны, один из наших гостеприимных друзей и хозяев в Севастополе.

Конечно же, Авдеев изменился, постарел, сдал здоровьем. Но нельзя не признать в нем былого машиниста. По-прежнему шевелюра у него светлая (теперь-то уж серая), а брови — черные-пречерные. Тот же быстрый взгляд и совсем тот же говор, те же прибаутки... Наверное, интересно слушать его ученикам в школе на уроках истории.

— Давно на пристани? — спрашивает Анатолий Федорович, присаживаясь рядом.— Чем заняты? Спустились бы ниже, рыбку половили.

— Да нет. Валерик наблюдает, а я вспоминаю. Все чудится — вон там «Красный Кавказ» стоит...

— Обычное дело. Воспоминания, как минный трал: начнешь тащить, не знаешь, чем кончишь... Пройдешь, скажем, с младшим классом в Артиллерийскую бухту, ждешь теплоходика в Учкуевку переехать — на прогулку. Ребятишки бегают, веселятся, песни поют, сочиняют... Вот вчера что-то такое вдруг

запели: «Перед нами, перед нами Константиновский редут. А направо и налево — пионерчики идут». Чем плохо!.. А я вот тоже смотрю на Константиновскую батарею и вижу свой «Красный Кавказ» — пришвартовывается, встает на бочку... Воспоминания — обычное дело. Все ими болеют... Ну а сейчас по намеченной программе — к Башне Ветров. Оттуда весь Севастополь — как на ладони. А куда дальше, сама Башня подскажет.— Авдеев хитро подмигнул внуку. Но Валерка даже не улыбнулся. Он весь полон впечатлениями, и ему не до прибауток. Да и Башня Ветров сразу занимает его воображение.

От Графской пристани выходим на площадь Нахимова. По мнению Авдеева, это самая красивая площадь в мире, ведь она бесконечна,— ее продолжает море...

Бесспорно, площадь величественна и никого не оставит равнодушным. Часами можно стоять у памятника адмиралу Нахимову. Можно смотреть на него с пристани, со стороны бульвара — он изумительно вписывается в панораму белого города, поднимающегося вверх. А как волнующе прекрасна спокойная, уверенная фигура адмирала на голубом фоне моря...

Мимо окаймленного густой зеленью памятного мемориала Авдеев ведет нас к Матросскому бульвару. Это совсем особый бульвар (встарь называли его Мичманским). Он вознесен высоко над морем, над Приморским бульваром, над первым кольцом севастопольских улиц. Здесь — тишина, чистота, бульвар чем-то напоминает верхнюю палубу огромного корабля... Кто не знает знаменитого памятника капитану Казарскому и бригу «Меркурий», его своеобразный облик: на высоком пьедестале — силуэт античного военного корабля, а под ним — ставшие афоризмом слова: «Казарскому. Потомству в пример». Памятник установлен у входа на Матросский бульвар. Подвиг «Меркурия» — несравненный блистательный и победоносный бой двухмачтового парусника с турецкой эскадрой. 184 крупнокалиберных орудия в неравном бою против небольшого брига нанесли «Меркурию» около трехсот повреждений, но бриг вышел победителем... Корма «Меркурия» украсилась георгиевским флагом, впервые в Российском флоте.

— Так и наш «Красный Кавказ» первым на всех флотах получил звание гвардейского,— заметил у памятника Авдеев.— Потомству в пример... Обелиска достоин наш крейсер, памятника...

Мы прошли небольшой Матросский бульвар. Нагорную площадь за ним открывает памятник Ленину. Он принадлежит всему Севастополю. Его видят с кораблей, входящих в бухту с Северной стороны...

На Нагорной площади, в тени старых деревьев,— весь в снарядных осколках старый собор. Он давно уже не служит церковникам, но место это свято в памяти народной. Никто не помнит, как когда-то именовали собор, давно зовут его Адмиральским и приходят к нему с цветами: здесь схоронены великие адмиралы — Лазарев, Нахимов, Корнилов, Истомин.

Обо всем этом рассказывает Авдеев, постукивая на ходу своей палочкой, и мы видим в нем теперь учителя истории Анатолия Федоровича. Ему нравится наше внимание, и он продолжает как на уроке:

«Ветер веков проносится над Усыпальницей Адмиралов, и время не властно над их бессмертными именами. И Башня Ветров хранит их вечный покой... Вот она перед вами, рядом с собором,— слепок древнейшей мраморной башни в Афинах...»

Мы действительно увидели высокую старую башню среди остатков былых строений, не мраморную, но достаточно загадочную.

— История объясняет все на земле,— как бы отвечая на наши вопросы, снова заговорил Авдеев.— Башня Ветров — наш севастопольский долгожитель, ей почти полтораста лет. Когда-то она служила для вентиляции книгохранилищ старой морской библиотеки. Библиотека давно разрушена, осталась одна башня. Живет сама по себе, командует ветрами, хранит Усыпальницу Адмиралов. Чем плохо!..

Мы подошли к Башне. Вестником прошлых веков она возвышалась над городом, старая, но необветшалая. Как страж города-крепости непоколебимо стояла Башня, и морские ветры звучали в ее створах на разной высоте даже в этот тихий солнечный день.

— Присядем в тенечке,— Анатолий Федорович опустился на ступеньку Адмиральского собора под приземистой акацией. Видимо, ходить ему нелегко,

хоть и бодрится старый моряк. Мы сели. Башня Ветров против нас, казалось, тихо покачивалась на фоне плывущих облаков.

— Плывет...— проговорил и Авдеев.— А вот когда на море заштормит да задует здесь, на Нагорной, на все голоса поет башня, будто к морю рвется....

Валерик не сводил глаз со старой башни, запоминая каждый выступ, каждую трещину.

— Читал я, что в первую оборону Севастополя Корнилов и Нахимов наблюдали с этой башни за морем,— он то ли отвечал своим мыслям, то ли спрашивал Авдеева.

— Могло статься, юнга,— старый моряк повернулся к Валерию.— Да, был здесь тогда главный наблюдательный пункт — это точно. Корнилов и Нахимов бывали здесь. А в библиотеке госпиталь находился. Сам Пирогов орудовал... Жаль, молчат камни,— тихо, раздумчиво произносит Авдеев.— Заговорили бы, не только о Нахимове, о второй обороне рассказали б такое! В нашу Отечественную тут, на Нагорной, каждый камень воевал... Все вокруг горело...— Анатолий Федорович встал, подвел Валерика к самой Башне. Старый моряк и мальчик коснулись руками ее теплых камней.— Вниз смотри, красив наш Севастополь, видишь! — Авдеев оперся рукой о плечо Валерика.— Вот Большая Морская — шумит, кипит, к морю бежит. Даже в Одессе нет такой улицы! А когда пришли мы в Севастополь в сорок четвертом, прошли по развалинам до самого Приморского бульвара, по всей Большой Морской насчитали только три дома... Представь, парень!..

Так, с Башни Ветров начали мы знакомство со старым и новым Севастополем.

«Зеркало морей»

Глава размышлений
о штормах, якорях
и швартовке

— Что ты читаешь, Валера? — Мы сидели у самой кромки берега, в тени обвитой плющом каменной арки на Приморском бульваре. Против нас, над причудли-

вой грудой камней в море, распростер широкие крылья орел на вершине памятника Погибшим Кораблям.

Море было всюду, куда ни кинешь взгляд. Мы ждали Авдеева.

— Нашел в книжном шкафу у Анатолия Федоровича. Интересно...— Валера передал мне потрепанную книгу в ярко раскрашенной обложке.— Джозеф Конрад. «Зеркало морей»...

Что-то дрогнуло во мне: тоже вестник далекой юности. Помню, в молодые годы мы увлекались Конрадом. Нас сближало не только море, но и то, что хотя Джозеф Конрад считался английским писателем и книги его переводились с английского, но был он не англичанином, а своим, почти русским... Я точно помню, звали его Юзеф и фамилия была у него то ли польская, то ли русская — Коженевский. Родился Конрад (пусть уж он именуется так, как на книгах) на Украине, в Бердичеве, отец его был ссыльным польским революционером, и детство Юзефа прошло в Вологде, а с морем он впервые встретился в Одессе... И море властно позвало юношу. Юзеф порывает с подневольной жизнью в России, бежит в Марсель, нанимается матросом, затем перебирается в Англию и становится английским моряком, а потом и английским писателем. И мы зачитывались его морскими романами и повестями, в которых действовали смелые, гордые люди, влюбленные в море: «Фрейя Семи Островов», «Тайфун», «Лорд Джим»... Но «Зеркало морей» я не встречал никогда. Рассеянно пробегаю первую страницу:

«В книге, откровенной, как предсмертная исповедь, я пытался раскрыть сущность моей ненасытной любви к морю... Это не исповедь в грехах, а исповедь в чувствах. Это — наилучшая дань вечному морю, кораблям, которых уже нет, и простым людям, окончившим свой жизненный путь».

Я давно знаю, что каждый человек читает книгу и слушает музыку по-своему. Одни и те же слова и звуки кого-то оставят равнодушным, у другого вызовут в душе бурю... «Зеркало морей» сразу же затронуло какие-то струны сердца, отозвалось в нем.

«...Ветер — великая душа мира. Одним шумным вздохом срывает высокие крепкие мачты, как осенние

паутинки... А машины должны делать свое дело, даже если душа мира обезумела.

Когда современный корабль плывет по морю, укрытому тенями ночи, корпус его дрожит пульсирующей дрожью, и где-то в глубине его по временам слышится лязг, словно в этом железном теле бьется железное сердце».

Море для Конрада — живое существо. И все, что происходит на море,— дыхание, голос, крик, радость, ненависть, гнев, отчаяние живой жизни волн, ветра. Море — друг или враг человека, и он роднится с ним или борется с ним, покоряя его своей силой, мужеством.

Арена извечного поединка Человека и Моря — шторм. Но и воспоминание о самом грозном шторме у Конрада «радует своей гордой суровостью». «Так вспоминаешь с удовольствием благородные черты незнакомца, с которым когда-то скрестил шпаги в рыцарском поединке».

Как все живое — штормы многообразны. Но отличает их не сила вихря и не высота несущихся волн. «Их отличаешь по чувствам, которые они в тебе вызывают». Одни угнетают, давят, нагоняют уныние, другие, свирепые и жуткие, «пугают, как вампиры», третьи — поражают «каким-то зловещим великолепием».

Но каким мощным ни был бы голос штормового ветра, в сущности, он ничего не говорит. «Только человек меткой фразой характеризует стихийные страсти своего врага, как бы говоря за него».

Бесконечно разнообразны бури на море. Но как бы ни ревели, ни стонали, ни выли они, только голос Человека, противостоящего Буре, его волевая команда, перекрывающая гул урагана, только мужественный человеческий голос «придает нечто одушевленное шторму, морю»...

Увлекшись, я не мог оторваться от «Зеркала морей», вспоминая, сравнивая, размышляя.

А Валера, видимо, внимательно и придирчиво следил за теми страницами, которые приковывали мое внимание.

— Не там ты читаешь, дедушка,— наконец не выдержал внук. Он взял у меня книгу и стал раскрывать

ее на тех строках, где как раз не было отвлеченных рассуждений.— Вот, послушай, как здорово о якоре написано...

Старый моряк-писатель с волнением говорит о якоре, именуя главу о нем «Символ надежды».

«Прежде чем сняться с якоря, необходимо якорь «отдать». Это совершенно очевидная истина». И с презрением и гневом клеймит моряк тех, кто неуважительно говорит вместо этого — «бросать якорь»...

Якоря — остроумное изобретение, они невелики по размеру и весу по сравнению с кораблем. «Будь они золотые, они сошли бы за безделушки, за драгоценные украшения, не больше сережки в женском ухе». А между тем от якоря часто зависит участь корабля.

Конрад воспевает якорь. Валерик читает многозначительно:

— «У этого грубого, но честного куска железа, такого простого на вид, больше частей, чем у человеческого тела членов: кольцо, шток, пятка, веретено, лапы, зубцы... На него можно рассчитывать. Дайте ему за что зацепиться, и он будет держать судно вечно»... Якорь — символ надежды,— задумчиво повторил Валера. И быстро пролистал книгу дальше:

— «Отдать якорь!» — последняя торжественная команда морского похода,— четко прочел он и посмотрел на меня поверх раскрытой книги.— «Отдать якорь»...— повторил внук тихо.

Мы долго молчали, глядя на море и корабли.

Подошел Авдеев, присел рядом. Валера и ему с удовольствием прочел о якорях.

Анатолий Федорович усмехнулся, взял книгу Конрада.

— Да, любил море человек, ничего не скажешь... Душевно любил. И про якорь правильно написал. Но большому кораблю — швартовка главное. Вон, смотрите, корабли на «бочках» стоят.— Мы вместе с Авдеевым взглянули на бухту. Военные корабли были почти неподвижны. Стальные тросы крепко держали их у небольших «бочек».— А как стать на эту маленькую «бочку» тяжелому крейсеру? — Авдеев хитро улыбается.— Море — не асфальт и корабль — не автобус. Волны, ветер, а то и штормит — относит, разворачивает. Не просто даже подойти к «бочке». Нужно

ведь тросы закрепить за кольцо. А «бочка» не ждет, пляшет в волнах. Сколько кораблей — столько и швартовок. Посмотришь, как кто швартуется — сразу узнаешь, чего стоит команда. Видел бы Конрад, как швартовался «Красный Кавказ»! Вся эскадра любовалась. Поэма!..

Авдеев долго молчал, не сводя глаз с памятного Павловского мыска.

— Как сейчас вижу и слышу... Резко командует швартовку старпом Кузнецов. Боцманская команда берет ходовой конец троса, крейсер еще режет волны, а шлюпка с матросами и тросом уже в море, мчится к «бочке». Вот она обогнала крейсер, затихают машины, корабль подходит к «бочке», а швартовая команда уже на «бочке». Трос закреплен мгновенно, и пусть беснуются волны — крейсер на аркане. Пришвартовались по-своему — по-кавказски,— как говорили на флоте. Думаете, хвастает старый моряк. Нет! Я вот теперь учитель истории и могу засвидетельствовать как исторический факт: на дымовой трубе «Красного Кавказа» до самой войны сияла Красная Звезда с золотой окаемкой. То значило — первый корабль на всех флотах, победитель Всесоюзного социалистического соревнования. Неплохо!.. Агарков подтвердит. А вот представь, юнга,— Авдеев повернулся к Валере,— представь, крейсеру швартоваться надо под обстрелом снарядов и мин. Не только волны и ветер, артиллерия бьет прямой наводкой, люди гибнут, а швартовка идет... Крейсер высаживает десант. Сноровка пригодилась, и это уже подвиг. И это тоже — «Красный Кавказ»! Но о том уж не мне рассказывать, а Агаркову. Повидаемся с Константином Ивановичем — не то услышишь. Легенда!

Песнь о крейсере

Черноморская быль

Мы ждали встречи с Агарковым.

Конечно, я не забыл молодого лейтенанта, командира второй орудийной башни крейсера. Помнится округлое лицо крестьянского парня, его уверенная по-

ходка, его изумительное спокойствие при труднейших ночных стрельбах... Я и сейчас вижу молодого командира на наблюдательном пункте, слышу громовой басовый голос и протяжную команду: «О-гонь!..»

Наконец именно Агарков был вахтенным командиром, когда я прощался с крейсером после похода.

Но минуло больше четырех десятилетий. Сколько волн перекатилось... В войну Константин Иванович Агарков был уже старпомом — старшим помощником командира крейсера. «Неплохо!» — сказал бы наш дорогой Анатолий Федорович Авдеев.

Мы ждали встречи с Агарковым. Вчера он приехал в город, сегодня мы созвонились. В трубке тот же агарковский артиллерийский бас:

— Коль разговор о крейсере, да еще внучек здесь, давайте поначалу встретимся в музее флота, в комнате ветеранов,— предложил Константин Иванович. Что забылось — легче вспомнится.

...Авдеев сидит в сторонке, улыбается. Доволен: не плохо получилось. Валера устроился в глубоком кожаном кресле — его не слышно и не видно, но он все видит, слышит, запоминает. Он уже бегло осмотрел музей флота (потом побывает здесь еще много раз), долго стоял перед моделью «Красного Кавказа», осторожно прикоснулся к его гвардейскому знамени... Сейчас он не сводит глаз с Агаркова.

Долго не могу начать разговора и я... Если бы нужны были громкие слова, конечно же, капитан первого ранга достоин их. Разве не является он живым воплощением традиций флота?.. Но для меня Агарков и вестник нашей комсомольской юности («Ты, моряк, красив сам собою — тебе от роду двадцать лет»...). Я тоже не могу отвести от него глаз. Бритоголовый, загорелый, с крупными чертами лица, с резкими складками на лбу и глубоко сидящими глазами, он все тот же простой человек из народа, похожий на много потрудившегося крестьянина, но только теперь уже не на тракториста, а на многоопытного колхозного председателя...

И я смотрю на коренастую, ныне уже и несколько грузную фигуру Константина Ивановича, в легком

белом пиджаке с короткими рукавами (в таких ходит летом весь «гражданский» Севастополь) и вижу его то юным лейтенантом тридцатых годов у своей орудийной башни, то в форме капитана первого ранга со всеми морскими регалиями, на ходовом мостике крейсера... Это о нем командир «Красного Кавказа» контрадмирал Гущин скажет потом: «Железный старпом».

А сейчас «Железный старпом» смущенно улыбается, по-стариковски покашливает, несколько раз вытирает большим клетчатым платком бритую голову.

Первый корабль — как первая любовь. Где бы ни довелось впоследствии служить и плавать, первый — незабываемый. А если этот первый — один из лучших кораблей флота! Если это — корабль-герой! Если он входит в бессмертие!..

У Константина Ивановича при этом огромное, ни с чем не сравнимое превосходство перед нами: для него «Красный Кавказ» — первый и единственный корабль за все долгие годы учений, походов, боев.

И разговор о своем крейсере Агарков ведет как о живом существе, неразрывно связанном со всей его жизнью.

— То, что уже до войны был он самым красивым, самым совершенным, самым быстроходным, самым чистым кораблем флота — о том написано не раз,— говорил Константин Иванович.— И о красной звезде с золотой каймой на трубе крейсера вы слышали... Авдеев, наверное, все порассказал... Но то была юность нашего «Красного Кавказа», подступ к главному делу...

Если б можно было передать все, о чем поведал бывший старпом! И если бы был среди нас поэт! Какую звучную песню можно бы сложить о прекрасном боевом корабле, о его богатырской команде, обретших бессмертие!

С первых же часов войны «Красный Кавказ» — в полной боевой. Уже утром 23 июня крейсер вышел в море на постановку мин. Самолеты со свастикой тут же появились над ним. Молодые зенитчики отбили атаку. Впервые испытывалось в эти часы и хладнокровие старшего помощника командира крейсера.

Клубок войны разматывался быстро и грозно. «Красный Кавказ» — в Новороссийске, прорывается с

подмогой в Севастополь. Снова Новороссийск и рейд с десантом морской пехоты на Одессу. Орудия главного калибра крейсера ведут огонь по позициям врага, по его танкам и укреплениям, зенитчики отбивают пикирующих «хейнкелей», пороховой дым окутывает корабль, появляются пробоины, под огнем увозят тяжелораненых...

В боях герои рождались на море и на суше. Помнит Агарков, как отбирали первых добровольцев в сводный полк морской пехоты. Требовалось человек тридцать, рвались в бой сотни... Бесстрашно сражались моряки под Одессой.

Помнит Константин Иванович и подвиг на земле Одессы корабельных артиллеристов Михаила Мартынова и Филиппа Бовта. Крейсер вел огонь орудиями главного калибра. Каждый снаряд должен бить в цель, помогать нашим частям в тяжелых боях. А это трудно, почти невозможно. Над «Красным Кавказом» бесновались «юнкерсы», зенитчики крейсера поднимали вокруг корабля стену огня, море буквально кипело. И в эту кипень от трапа крейсера отошла шлюпка, и в ней два артиллериста. Как удалось героям пристать к берегу, как сумели они скрытно наблюдать за врагом — трудно представить. Но в радиорубке «Красного Кавказа» уверенно зазвучали позывные крейсерских разведчиков, снаряды с корабля загремели с точным прицелом — по танкам, по пушкам врага... Мартынов и Бовт видели в стереотрубу, как поднялись в контратаку защитники Одессы. Где-то среди них была и морская пехота... Ночью шлюпка героев-разведчиков пристала к крейсеру, задание высшей трудности было выполнено.

Подвиг из подвигов свершается в штормовые дни и ночи конца декабря, в канун нового 1942 года. «Красный Кавказ» выступил ведущей силой в легендарной Керченско-Феодосийской десантной операции — одной из самых крупных и самых смелых за всю войну.

Константин Иванович поднимается и медленно прохаживается среди шкафов, набитых книгами, мимо моделей военных кораблей, реликвий морских баталий.

— Все помнится, а рассказывать трудно... Не упустить бы главное. А что главное?.. Как Гущин в шторм

и под огнем управлял крейсером? Как не переставал держать связь весь израненный сигнальщик Печенкин у фонаря-ратьера?.. Как гремели под градом осколков счетверенные пулеметы Буркина?.. Как уносили с ходового мостика раненого военкома крейсера Щербака?.. Как гасил своим телом горящие пороховые пакеты краснофлотец Покутный?! Все стоит перед глазами...— Агарков тяжело опустился в кресло. Он долго молчал. Взгляд его стал суровым. Кажется, он забыл о нас, погрузившись в нахлынувшие воспоминания... Мы увидели перед собой «Железного старпома» военных лет.

Тут подал голос Авдеев. Он сидел у круглого музейного столика и сосредоточенно рассматривал подшивку фотокопий газет и листовок.

— Константин Иванович! — обратился он к Агаркову.— Вот листовка, что мы, помнишь, искали. Лежит меж газет, не заметишь. Три раза листал, не увидел. Вот она. Издание политуправления флота. Год 1942. «Прочти и передай товарищу. Распространяй среди населения».— Авдеев читал, сам заражаясь волнением:

— «Грозный и могучий, ходит по Черному морю «Красный Кавказ». Внезапно появляясь у берегов, занятых противником, он обрушивает на головы фашистских захватчиков тонны смертоносного груза...»

— На песнь о Соколе похоже...— вдруг неожиданно для всех и, наверное, для себя произнес Валера, покраснел и еще глубже ушел в свое спасительное кресло.

— Да... Безумству храбрых...— отозвался Авдеев. И вновь наступило долгое молчание.

Агарков взял у Авдеева фронтовую подшивку газет и листовок.

— «Грозный и могучий»... Как о «Варяге» или «Меркурии» написано. Если б могли услышать те, кто погибли!.. А мы, живые, продолжали выполнять боевой приказ. И поначалу даже не ощутили всего размаха операции. Каждый делал свое дело — наверное, так и слагался подвиг крейсера. Помню, вдобавок к фашистским снарядам полетели с неба мины. Запомнились зеленые парашюты, на которых они спускались. Как раздутые жабы... А крейсер воевал и бил врага... Так слагался подвиг.

Пока Константин Иванович Агарков собирается с мыслями, сделаем небольшое отступление.

Тем, кто родился и вырос после войны, приходится порой встречать в книгах описания первых месяцев Отечественной как сплошное отступление наших войск. До самых деталей, дотошно изображают некоторые авторы окружения и поражения... Было это? Было, конечно. Война пришла тяжелая и грозная. И самым тяжелым и грозным был Сорок Первый, когда вся подлая сила коварной внезапности и превосходства отработанной фашистской военной машины обрушилась на наши войска. Но «чудо» победного Сорок Пятого могла свершиться потому, что Красная Армия и Флот воевали и били немцев и в Сорок Первом, и родная земля из месяца в месяц наращивала, умножала силы своих богатырей.

В декабре Сорок Первого мне выпало счастье быть среди тех, кто громил, обращал в бегство фашистские дивизии под Тихвином и Волховом. И до нас явственно доносился гром победного наступления Красной Армии под Москвой — в том же декабре. И в том же декабре далеко на юге со сказочной отвагой, беззаветным героизмом и умением громили укрепления фашистских войск корабли Черноморского флота. Буревестниками они неудержимо неслись на врага.

И все это был декабрь Сорок Первого.

...Ночь. «Красный Кавказ» полным ходом идет на Феодосию. В кильватере — крейсер «Красный Крым», идут эсминцы «Шаумян», «Незаможник», «Железняков», мчатся катера-охотники, тральщики. Сбылась мечта моряков — корабли идут в наступление!

По всем отсекам «Красного Кавказа» радио доносит голос военкома Григория Ивановича Щербака. Идем освобождать Феодосию, прорываемся прямо к стенке порта. Десант с ходу — в бой, крейсер воюет всеми видами огня.

Корабль гудит тысячами взволнованных голосов. Да кроме команды крейсера старпом сумел принять

на борт тысячу восемьсот десантников вместо положенных пятисот.

«Красный Кавказ» — на виду Феодосии. Там уже ведут бой эсминцы. Вражеский берег отвечает снарядами, минами. Смертоносные осколки летят всюду. Крейсер врывается в порт. Нужно швартоваться и высадить десант... Наверное, в эти минуты и получил Агарков почетное звание «Железный старпом». Прожекторы немцев освещают крейсер и яростно и прицельно бьют по кораблю. Старпом руководит швартовкой. Его видят и на носу и на юте. Горит сигнальный мостик, гибнут один за другим связисты, сигнальщики. Пожар — на ходовом мостике. Гибнет старшина группы Колесник... А крейсер, несмотря на резкий обжигающий ветер, обстрел и пожары, неотступно идет к молу. По палубе бьют уже с берега немецкие автоматчики. Падают раненые из боцманской команды... Агарков стоит во весь рост, командует швартовкой: на бушующих волнах баркас с тросом, с левого борта гремит якорь. Громада крейсера у самого мола... Все, что нужно, еще полностью не закреплено, а уже спущен трап, и десант устремился на катера — к берегу.

Первые группы десантников вели бой на пристани, а «Красный Кавказ» подавлял огневые точки врага, вступал в поединок с его дальнобойной артиллерией. Счетверенные пулеметы корабля вели смертельную дуэль с немецкими минометчиками и автоматчиками.

С каким-то особым волнением бывший старпом называет фамилию командира отделения зенитного дивизиона Моценко. Его спаренная установка без устали била врага на земле и в воздухе. Пять фашистских самолетов загорелись от метких очередей Моценко, несколько вражеских батарей подавлено...

— Ежели б довелось вам ныне встретить Моценко в праздничный день — залюбовались бы. Да, он живет, здравствует тут, в Севастополе,— улыбается Агарков.— На груди старшины наград, наверное, больше, чем у кого бы то ни было в городе. За милю сверкает Моценко. Орел!..

Прерывается и снова течет беседа, и снова перед нами грозные картины десанта.

— На рассвете тридцатого декабря,— вспоминает

Агарков,— я смог доложить командиру, что готовим сходни — с кормы на мол... Дорога́ была каждая секунда, а между молом и кораблем все еще была вода, довольно широкая полоса. И тут вдруг, без всякой команды, краснофлотец Михаил Федоткин пронесся перед нами, как на крыльях, и оказался на причале. Мгновенно закрепил последний трос, поставил сходни и кинулся обратно, ухватившись за канат. Мы втащили героя на корму, вокруг свистели пули и осколки, и я не знал, как поступить: ругать Федоткина или обнимать... Фашисты бесновались в бессильной злобе, но громада крейсера непоколебимо нависла над Феодосийским портом, над городом, и никакая сила не могла уже остановить выполнение боевой задачи...— Агарков помолчал.— Наверное, за всю историю войны не довелось крейсеру так швартоваться во вражеском порту.

Да. «Красный Кавказ» выполнил главную боевую задачу командования. План штурма Феодосии, вся мощная Феодосийско-Керченская десантная операция (ей не будет равной во всю войну) — в действии. С широких сходней героического крейсера десантные части рванулись на берег, на улицы города. Вслед за ними выгружались боеприпасы и машины. Задача крейсера выполнена, но он продолжает бой, выводит из строя орудия и танки немцев, обращает в прах их укрепления, помогает продвижению десанта. И враги усиливают и без того шквальный огонь по неподвижному, но грозному кораблю.

Под огнем фок-мачта, боевая рубка. Вспыхивает порох у зенитной установки, горит палуба. Раненые зенитчики бесстрашно гасят огонь. Снаряды пробивают борт в нескольких местах, пробоины быстро закрывают пробковыми матрацами... Орудия крейсера не прекращают бить по врагу. Но вот замолкла вторая башня — родная агарковская. И он с ужасом узнает, что фашистский снаряд взорвался внутри башни, что есть убитые и раненые и огонь угрожает пороховым зарядам. А это угроза всему кораблю!..

Как же при этом не вспомнить краснофлотца — героя Василия Покутного — одного из тех, кто не щадя

своей жизни спас людей, спас крейсер от гибели! Он пришел в себя после взрыва в башне — в боевом отделении. Все остальные убиты или контужены. Рядом — груда зарядов, под ними зарядный погреб... Первое, что увидел в дыму, в полумраке Покутный,— горящий верхний пакет с порохом. Вот он разгорится, и пламя охватит всю взрывчатку. И крейсер взлетит на воздух... Собрав последние силы, комендор сдвинул пылающий уже пакет в сторону и лег на него своим телом... В эти же секунды электрик Павел Пилипко и комендор Петр Пушкарев через узкий лаз, сквозь пламя и дым пробрались в башню и спасли товарища. Так же, как и он, рискуя жизнью, все в ожогах, они успели убрать из башни горящий запал... Миновали тревожные минуты, быстро собрали новый расчет, и вторая башня снова в строю, снова ведет огонь по врагу.

— Весь крейсер вздохнул с облегчением, а я был особенно рад, что «моя» башня живет,— говорит Константин Иванович.— Но сердце жгло — погибли товарищи...

— Покутному было тогда лет двадцать с небольшим,— завершает Агарков.— Когда сдавали его в тяжелейшем состоянии в Туапсе, не знали, выживет ли. Но Василий Матвеевич выжил, весь израненный, обгоревший — жив наш богатырь и сегодня. И хотя на инвалидности числится, но работает по мере сил.

Серое зимнее утро осветило пристань и город. Туда передвинулось наступление десантников. «Красный Кавказ» получил команду сниматься с якоря. На рейде Феодосии оставался крейсер «Красный Крым», поддерживая наступление десанта.

— Думаете, наш раненый крейсер ушел из боя? Нет! — говорит Агарков.— Он только получил возможность двигаться. Так, собственно, и должен воевать военный корабль!.. В маневре, а не на привязи. Весь день орудия били по фашистским батареям. Не раз крейсер с нарушенным управлением едва уходил от обстрела, и тут же разворачивал свои башни, и сметал с лица нашей земли фашистскую нечисть.

Боевой экзамен мужества «Красный Кавказ» выдержал с честью. В новогоднюю ночь 1942 года крейсер пришел в Новороссийск с едва заткнутыми пробои-

нами и тяжелыми следами пожаров. Предстоял срочный ремонт. Но творимая легенда раскрывала свои новые страницы...

«Красный Кавказ» получает задание — немедленно вернуться в Феодосию. Там срочно необходимы зенитные дивизионы для охраны порта освобожденного города. Других кораблей в распоряжении командования не было... И снова «Железный старпом» размещает на крейсере 1200 бойцов и орудия. Снова в морозную ночь израненный корабль уходит в море... В зимний шторм весь — с носа до верхушки мачт — обледенелый крейсер прибыл в невероятно тихую после боев Феодосию, с огромным трудом разгрузился и готов в обратный путь. Но здесь ждет его самое тяжелое испытание. Внезапно налетают фашистские пикировщики. Зенитные пушки и пулеметы крейсера бьют метко. Два самолета загораются, но бомбы летят и летят: неподвижный крейсер — отличная цель для стервятников.

Бомба взрывается у самой кормы. Корабль валится набок, ломаются механизмы, катятся пушки, гаснет свет... Еще взрыв! Огромная пробоина в правом борту,— вода прорывается к дизелям, во многие отсеки корабля. Но уцелевшие пушки ведут по пикировщикам шквальный огонь. Оглушенный, почти тонущий «Красный Кавказ» ни на минуту не прекращает бой. Вспыхивает еще один пикировщик, и самолеты врага поспешно уходят.

Кажется, биение человеческих сердец передалось израненным турбинам. Крейсер, обрубив тросы, вышел в море.

— Никогда не забыть то, что увидели мы в это утро с мостика,— глухо проговорил Агарков.— Корма крейсера опускалась, вода заливала корабль. Все возможные и невозможные аварийные средства были пущены в ход. Вся команда спасала крейсер.

Снова разносится тревожное: «Воздух!» На тонущий крейсер снова налетают бомбардировщики. Поредевшие зенитки открывают огонь. Самолеты явно опасаются пикировать. Но бомбы летят, и новые раны получает корабль. Оторвало винт, заглохла одна из турбин, вода проникает повсюду... Пикировщики, отбомбившись, уходят, и все мужество и мастерство

команды переключены на борьбу с водой. Радио молчит. Команды подаются по цепочке, смертельная опасность ежеминутно рождает героев.

— Мы узнаем о них не сразу,— говорит Агарков.— О том, как электрик Алексеев телом своим прикрывал струю ледяной воды, ограждая приборы... О том, как краснофлотец Колосов, принимая команды, погиб в воде, не выпуская из рук телефонной трубки...

Вот море заливает уже и каюту командира корабля, но тонущий крейсер идет вперед и вперед. Восемь, шесть узлов... Кажется, крейсер движет несгибаемая воля героев. И седые черноморские волны поднимаются вокруг «Красного Кавказа» почетным эскортом.

Адмирал Корнилов, матрос Кошка и краснофлотец с «Красного Кавказа»

Черноморская легенда

«...И уже подходят немцы к самой вершине Малахова кургана. Вдруг в тот миг зашевелился Корнилов на своем пьедестале. Опустил руку, обеими уперся в камень, ноги вниз спустил и слез к матросу Кошке. Берет его под руку, значит, и говорит: «Пора, Петр! Наше время пришло. Уходить надо! Мы с тобой старые севастопольцы. Постояли за Родину в свой час честно, до конца, и народ нас за то почтил. Мы и честному врагу с тобой не сдавались, матрос, а чтоб нас фашисты в плен взяли — этому позору не бывать! Уйдем, Кошка!» Кошка, понятно, руку под козырек и отвечает: «Правильно говорите, товарищ адмирал!»

...Сошли они на землю вдвоем — адмирал с матросом. Огляделись вокруг, и опять Корнилов говорит: «Пойдем по кургану, пока есть еще время. Посмотрим да послушаем, не бьется ли еще где жаркое краснофлотское сердце. Хорошо дрались наши внуки, дедовской чести не посрамили, себя перед народом оправдали не хуже нас. И народ им спасибо скажет.

А ежели есть тут между ними кто-нибудь живой, то никак не можем мы своего внука немцу на муки оставить. Мы с тобой моряки и живем по морскому нашему закону: «Все за одного, один за всех». И должны живого спасти...»

Анатолий Федорович Авдеев прервал чтение и поверх очков оглядел своих слушателей. На вершине Малахова кургана у пьедестала памятника героям первой Севастопольской обороны — адмиралу Корнилову и матросу Кошке —разместились пионеры авдеевского класса, пионерский отряд имени «Красного Кавказа». Собственно, памятника не было, его взорвали фашисты. Сохранились лишь пьедестал и выложенный на земле крест из ядер — на месте, где смертельно ранили адмирала. Невдалеке горел Вечный огонь славы, осеняя негасимым светом исторические реликвии и два современных корабельных орудия. Эти пушки главного калибра, снятые с подбитого в боях за Севастополь в сорок втором году эсминца «Совершенный», стали на земле знаменитой батареей капитан-лейтенанта Алексея Матюхина. До последнего вздоха сражались на Малаховом кургане краснофлотцы и красноармейцы...

Здесь, у Вечного огня славы, дают военную присягу молодые черноморцы. Сегодня здесь торжественный сбор пионерского отряда имени «Красного Кавказа». Авдеев читает ребятам «Черноморскую легенду» Лавренева. Непередаваемо звучит она на Малаховом кургане, глубоко западает в юные сердца.

«...И пошли они тихонько по кургану (адмирал Корнилов и матрос Кошка). Подойдут к кому, наклонятся, послушают, вздохнут и дальше идут, а на вершине тихо-тихо стало. Видно, немец наконец сообразил, что никого уже не осталось на вершине, и стрелять перестал.

Так вот идут они медленно по гребню кургана, и нет кругом них жизни. Только вдруг слышит Корнилов — будто дыхание. Подошел — видит, раскинулся парень. Собой красивый, молодой, глаза закрытые, волосы от крови слиплись, а на голове бескозырка, и

на ленточке — «Красный Кавказ», и широкая грудь его под тельняшкой чуть заметно колышется.

«Смотри, Петр, — говорит Корнилов,— живой! Да красавец какой! Возьмем его, Петр, укроем от немца». И подняли они того комендора с «Красного Кавказа», неизвестного по имени, взяли с обеих сторон под руки и повели. И прошли сквозь немецкие цепи севастопольский адмирал Корнилов, матрос Петр Кошка и краснофлотец, прошли невидимками. Спустились с кургана, перешли балку и тихим шагом дошли до Инкермана.

А там поднялись по каменной лестнице до самой высокой пещеры в скале, вошли в нее, и как вошли, то опустилась за ними каменная глыба и накрепко прикрыла вход от врага.

И остались они там ждать того часа, как придут наши опять в свой Севастополь. В тот самый миг, как войдут на Северный рейд дорогие наши корабли и забьется на них по ветру наш боевой морской флаг, подымется тот тяжкий камень, откроет вход, и пойдут назад тем самым путем Корнилов, Кошка и наш браток краснофлотец.

Взойдут на Малахов курган и встанут на свой гранит, все трое, рядком, рука об руку, два деда и внук, чтобы навечно хранить от врага наш Севастополь...»

Долго молчат ребята. Замер среди них потрясенный всем виденным и слышанным Валера. Тишина на Малаховом кургане. А далеко внизу стоят боевые корабли Черноморского флота. Над морем звенят склянки, отбивающие время.

Самое памятное

Сбор отряда завершался приемом в пионеры. У Вечного огня славы взволнованно дают ребята Торжественное обещание. Красные галстуки одевает им почетный гость сбора гвардии капитан первого ранга в отставке ветеран «Красного Кавказа» Константин Иванович Агарков.

В полной морской форме, со всеми регалиями, орденами и медалями на груди. Вот он, «Железный старпом»! — нестареющий, подтянутый, крепкий...

И он, видимо, рад тому, что ребята в новых ярких галстуках взяли его в кольцо, не отпускают.

Но, наверное, больше всех доволен классный руководитель Анатолий Федорович. Торжественный сбор явно удался. Не плохо!

Все располагает к беседе. Но о чем бы ни шла речь, словно к магниту снова и снова клонится разговор к «Красному Кавказу», его славным делам и людям.

— Товарищ гвардии капитан первого ранга,— тянется, подражая военным людям, девочка с мальчишечьей прической,— расскажите, что вам больше всего памятно из пережитого?

Константин Иванович смотрит на ребят. Их глаза ждут совета. Что более всего памятно?.. Что важнее всего знать ребятам?

Проносятся в памяти картины прошлого — одна за другой: походы, десанты, подвиги живых и мертвых уже друзей... Все волнует сердце моряка. Но если выбирать,— наверное, самое волнующее — неожиданный финал трагического перехода тонувшего крейсера от берегов Крыма на Кавказ. Своим ходом (и это было чудом!) корабль пришел в Туапсе. На ремонт нужно было идти в Поти. Там стояла эскадра. Но без винтов, с многими пробоинами крейсер дальше двигаться уже не мог. И гордый «Красный Кавказ» повели на буксире... Когда втягивались в Потийскую гавань, на крейсере все, кто не был занят, опустив головы, уходили с палубы. И вдруг крики «Ура!», звуки музыки. Вся эскадра, весь город приветствовали героев «Красного Кавказа».

— Не забыть эту трогательную встречу! Сколько бодрости вселила она в наши сердца! — говорит Константин Иванович. Он не может скрыть волнения и сейчас, через много лет.

Памятны и иные минуты. Памятны острой печалью о тех, кого не стало. Стоит перед глазами мрачная зимняя ночь, далеко от берегов. Крейсер замедлил ход. С воинскими почестями в море опускали первых погибших в неравном бою... Короткие слова

прощания, и команда снова в боевом походе. Щемит сердце, а глаза еще острее. Бить врага! Мстить за друзей!

Придет время, и корабли будут приспускать здесь свои флаги и бросать в волны живые цветы в память о тех, кто погребен в море...

— А многие воспоминания радуют,— говорит Агарков.— Разве можно забыть тот час, когда пришла на корабль весть о том, что «Красный Кавказ» стал первым гвардейским крейсером Военно-Морского Флота?..

По своей старпомовской привычке Константин Иванович не мог долго сидеть на одном месте. Он встал, и вместе с ним поднялись пионеры. Ветер с моря теребил их новые красные галстуки.

— А знаете, ребята, наверное, самое, самое... Самое волнующее случилось уже после войны. Прошло время, кончил свою боевую жизнь наш крейсер. Многие из нас тоже вышли в отставку и в запас, но все тут как бы осиротели... И вдруг узнаем: спущен на воду «Красный Кавказ!» — новейший Большой противолодочный корабль, и нарекли его именем нашего крейсера, с передачей гвардейского звания. Помолодели в тот день ветераны,— улыбается Агарков.

Сказка

Мы будем на празднике Дня Военно-Морского Флота! Ура!..

— Если хотите все хорошо видеть, приходите пораньше на Приморский бульвар, устройтесь повыше, чтобы бухта перед глазами,— напутствовал накануне Анатолий Федорович. Валерик готов был идти к морю с ночи.

Ранним солнечным летним утром мы на бульваре. Народу уже много, все жмутся к самому берегу, но мы по совету Авдеева поднимаемся выше. Перед нами чистая гладь бухты, строй кораблей — краса, гордость и сила Флота. Фантастическими кажутся загадочные очертания ракетных, противолодочных кораблей, лопасти гигантских антенн на высоких стройных опорах. Застыли блестящие, как черные космические

ракеты, подводные лодки, возможно пришедшие сюда из сказочно дальних странствий, и грандиозные, кажется, необъятные десантные суда. Видим мы и множество небольших, изящных, ослепительно красивых кораблей и корабликов разного назначения... Всюду красочные флаги и неподвижный парадный строй моряков на верхних палубах.

Легкий бриз доносит далекие раскаты «Ура!..» Гул приветствий нарастает. Со стороны Графской пристани стремительно мчится катер под флагом командующего флотом. Он принимает морской парад.

— Дедушка, смотри, это же сказка! — Внук с трудом сдерживает себя. Ему хочется вскочить, кинуться к берегу, кричать от счастья.— Это же сказка, дедушка! — повторяет он, не сводя глаз с бухты. А там действительно творится чудо из чудес.

К причалу приплывает стая красивых разноцветных чудо-рыб. Это — замаскированные лодки. На флагманской рыбине — бог морей Нептун. Звучит резкий сигнал, Нептун вызывает из глубин моря тридцать три богатыря. Из волн выходит отряд десантников в шлемах, в полном вооружении, с развернутым знаменем, с автоматами. Богатыри дают залп, и море вновь поглощает их... А сказка мчится дальше.

Всплывает на поверхность огромная подводная лодка, и с Северной стороны низко над морем несется к ней красно-белый вертолет, опускает непромокаемый пакет — боевое задание. Его подхватывают на мостике лодки, и она мгновенно бесследно исчезает в волнах. Грозно надвигается могучий противолодочный корабль, стремительны его обводы, изящен и могуч океанский корпус, зашевелились округлые лопасти вездесущих антенн, ощетинились пусковые установки...

— Может, это наш новый «Красный Кавказ»? — тихо проговорил Валера, не отрывая глаз от корабля. И «наш» прозвучало естественно — от всей души.

— Может, «Красный Кавказ» такой же, но наш-то сейчас в дальнем плавании.

С просторной палубы корабля с характерным рокотом размашистых пропеллеров взмывают поисковые

вертолеты, ястребами устремляются за подводной лодкой, быстро обнаруживают ее, спускают на воду опознавательные приборы, бросают первые бомбы. И вот уже вихрем преследуют лодку противолодочные катера, и глубинные бомбы, одна за другой, до дна ворошат море... «Противник» выявлен, обнаружен и обречен.

Морское сражение развивается в вихревом темпе. Подана команда десанту, ему расчищают путь бронекатера, вздымая волну за волной. И вот величаво и спокойно движутся ни с чем не сравнимые десантные громады. На ходу открываются трюмные заслоны огромных судов, и десятки танков идут прямо в море и уверенно плывут по волнам к берегу, танки на плаву ведут огонь и, отряхнувшись, как океанские черепахи, уже по земле мчатся в «бой».

Феерическое, сказочное, но совершенно реальное современное морское сражение развивается с нарастающей силой. В бурунах пены на больших скоростях идут крейсера, противолодочные корабли, вертолеты садятся и взлетают, сверкая в лучах солнца... Их обгоняют военные катера... Голубое небо закрывают эскадрильи самолетов, и море вдруг расцветает яркими куполами парашютов.

...Ветер уносит гул сражения в открытое море, а в бухту бесшумно влетают белые, как альбатросы, парусники. Морская сказка продолжается... Здесь она родилась, здесь прописана, тут живет она и здравствует на радость друзьям, на страх врагам.

— «Красный Кавказ»?
— «Красный Кавказ»!

Вместо эпилога

Классное сочинение Валеры «Как я провел лето» было признано одним из лучших. Он писал его, а перед глазами было ярко-синее море, военные суда, праздник Флота... Даже жаль было расставаться с тетрадкой, когда прозвенел звонок, возвестивший конец урока. Хотелось написать еще о многом: о том, как неумолчно, на разные голоса, поют морские волны; как

командует норд-остами старая Башня Ветров; как день и ночь мелодично звенят склянки; как незабываемо красивы корабли и ни с чем не сравнимы их грозные силуэты; как величаво режет штормовые волны «Красный Кавказ» — самый прекрасный корабль на всех морях...

Кажется, ничто и никогда не заменит Валерию моря. Он неотступно думал о нем. Его книжная полка пополнилась новыми томиками: о Нахимове и советском адмирале Исакове, «Корабли-герои». Он считал месяцы до новой встречи с морем... И часто, вечерами, я заставал внука на большом диване, окруженного со всех сторон книгами и журналами, раскрытыми на страницах с изображениями кораблей. Чего здесь только не было в этой домашней морской галерее: прославленный «Азов» Лазарева, нахимовская «Императрица Мария», подводная лодка «Пантера», линкор «Севастополь»... Валера рассеянно приветствовал меня и, лежа на животе, продолжал рассматривать свой флот. Любил внук вместе с товарищами листать и свою коллекцию марок. Их было уже много, а какой-либо четкой системы коллекционирования пока не ощущалось. Но две серии марок — предмет особой заботы и внимания Валерия — определились давно: «Корабли» — красочные марки разных стран с изображением португальских и испанских каравелл, парусников Колумба и Васко де Гама, военных судов разных эпох, а рядом — наши пассажирские лайнеры — «Лермонтов», «Иван Франко», «Тарас Шевченко» и последний набор советских марок о военных кораблях нашего флота — от «Авроры» до «Красного Кавказа» включительно. Вторая любимая серия — это «Острова»: марки островов Океании, Гаити, Фиджи, Гондураса, Антигуа, Бермуды, Мальты... радужные марки, несущие аромат океанов, дальних стран — они не оставляли равнодушными и взрослых...

Однако такова уж особенность юных сердец: жить одними воспоминаниями они не могут. Наглядевшись на корабли, Валера лихо гонял на велосипеде, а когда выпал снег, носился на соседнем катке на коньках, ломал хоккейные клюшки и страстно играл в сборной баскетбольной команде школы, радуясь победе и глубоко переживая поражения... С горячим интересом

изучал он историю и географию (хотя речь в них шла сейчас отнюдь не о морских баталиях, а о городах средневековья, о природе африканских пустынь); с неменьшим интересом все глубже познавал внук язык алгебраических формул и геометрических теорем, охотно приобщался к строгой и красивой науке черчения, вооружался батареями специальных карандашей — «конструктор», циркулями, рейсфедерами. Много доброго шума в семье вызывала Валерина подготовка к выступлениям на школьных литературных диспутах о тургеневском рассказе «Бежин луг» и тем более об индийском вожде Оцеоле — вожде семинолов — майнридовском герое борьбы против угнетателей...

А каким событием стал день, когда отец, инженер-металлург, повел Валерика на свой завод, где недавно вступил в строй новый огромный цех холодной прокатки электростали — одно из чудес современного Урала. Дух захватывает, когда вдруг открывается на берегу Верх-Исетского пруда светлая громада из стали, бетона и стекла. Глазом не охватишь! Больше километра длиной главный цех. По морским сравнениям — необъятный док в океанской гавани. А внутрь войдешь — убедишься: вместился бы сюда не один линкор и не один крейсер... Громада-цех! А механизмов — больше, чем на любом корабле: прокатные станы, травильная линия, горизонтальные, колпаковые и башенные печи (при слове «башенные» Валерий вздрогнул и особенно внимательно посмотрел на печь, которую сравнивают с орудийной башней). Бывал Валера с отцом в старых цехах — все дымило вокруг, а здесь — чистота!.. С удивлением смотрел мальчик на скромных, ничем не выделяющихся людей. Они подавали негромкие команды, и все вокруг работало, вертелось, жужжало, а у стены лежали сверкающие листы готовой трансформаторной стали... Чувство уважения переполнило сердце Валеры: управлять всем этим не легче, чем механизмами крейсера!..

Словом, любовь к морю, подогретая недавним пребыванием в Севастополе, по-прежнему занимала свое постоянное место в его душе, но не заслоняла всего многообразия той интересной жизни, которой он жил вместе со своими сверстниками.

А тут пришла зима!.. Воспоминания о море прекрасны, но как радует первый снег, как чарует живая, светлая и тихая красота молчаливого уральского леса — темно-зеленого и ослепительно-белого! Кажется, ничего нет приятнее ласкового прикосновения морских волн, но что может сравниться с ощущением счастья, легкости, почти невесомости, когда лыжи без всяких усилий с твоей стороны несут тебя между замерзшими голубыми елями, по самому чистому в мире ковру, и белоснежные хлопья бесшумно опускаются на плечи, едва касаются твоего лица... А где еще на земле так легко дышится, как в зимнем уральском лесу!..

Так шли дни за днями, и в один из дней (его с полным правом можно назвать прекрасным) Валерий ворвался ко мне в пальто и ушанке, запорошенный снегом, едва сбросил валенки у дверей и тревожно и радостно закричал:

— Письмо с моря!

Если память о море подобна приливам и отливам, то весть с далеких берегов возвестила час большого прилива.

Письмо было от Авдеева. Оно радовало и волновало.

«Деду и внуку привет с «Красного Кавказа»! Да, я только что сидел в кают-компании нашего воскресшего, молодого «Красного Кавказа» под старым гвардейским флагом. Когда катер пришвартовался к его трапу, я долго не в силах был подняться, все смотрел и смотрел на буквы на борту, никак не мог сложить их в слова: «Крас-ный Кав-каз»!.. Ступил на палубу, огляделся вокруг — сила! Конечно, орудийные башни впечатляли, но тут все другой мерой меряется. Куда ни глянешь — механизмы, аппараты... Стояли мы на палубе, вдруг высоко, над высоченными мачтами, как зашелестит, зашумит что-то, будто стая орлов взмахнула крыльями: это пришли в движение «уши» огромных антенн...

В долю секунды поразит «Красный Кавказ» врага — в воздухе, на море и на суше. А главное его дело — закрыть путь в наши воды подводным лодкам,

находить их, уничтожать, заслонить от скрытного и внезапного удара наши гавани и города, военный и торговый флот... «Красный Кавказ» — не просто корабль, а Большой противолодочный корабль — врага он может настигнуть и у наших берегов, и в дальних морях, и океанах. Не плохо!..

Все это больше для внука написал. Такого он еще не видел. Чудо-корабль! Сказка, фантастика,— я на все своими глазами глядел, руками трогал.

Ну а приехали мы сюда не на экскурсию, а по делу — для нас сердечному, волнительному и притом государственному. Ветеранов «Красного Кавказа» пригласили на корабль вручать молодым матросам гвардейские ленточки к бескозыркам и почетные знаки «Гвардия».

Подробно описывать, как все это было, сейчас не стану... Надо было видеть, какими орлами выглядели наши старики-гвардейцы! Какими глазами смотрели на нас, на боевые ордена и медали молодые моряки! И вот каждому вручены почетный знак «Гвардия» и матросские ленточки с золотым отливом. И молодая гвардия корабля выстраивается под нашим старым гвардейским знаменем!..

Слезы радости застилали глаза, и в тумане казалось, что вернулась наша комсомольская морская юность, что это мы сами стоим под флагом нашего «Красного Кавказа»!

А в общем, разволновался и я, конечно, даже нога заныла. Пишу вам сразу, как добрался домой, а в открытое окно видно наше родное Черное море, как говорят, «самое синее в мире...»

Хотел уже поставить точку и вдруг подумал: черт возьми! А что, если довелось бы мне вот так же вручать и Валерию знак «Гвардия» на палубе нашего «Красного Кавказа»! Не плохо?!

А пока — приезжайте летом. Встретимся на Графской пристани...»

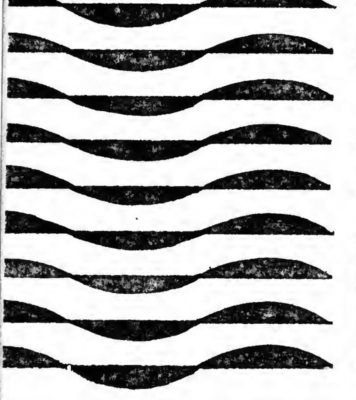
Эта небольшая повесть начиналась письмом из Севастополя. Пусть и завершится она письмом с Черного моря. Наверное, таким и следует быть обрамляющему мотиву повествования, главным героем которо-

го является легендарный крейсер, обретающий бессмертие. А флаг корабля — мужество человека.

Валерий долго читал письмо Авдеева. В глазах внука переливалось море. Наверное, мы вместе видели в этот час, как прекрасный и могучий корабль под старым гвардейским флагом гордо ходит по морям и океанам и волны всех широт слагают о нем песни.

— «Красный Кавказ»?
— «Красный Кавказ»!

1973—1975 гг.

Опергруппа

ПОВЕСТЬ

Внуку Валерию и его юным сверстникам посвящаю

Наверное, я никогда не смог бы написать эти страницы, если бы не сохранилась моя старая фронтовая записная книжка. Это потрепанный блокнот с двумя отделениями, на выцветшей обложке с трудом можно разобрать стершиеся, некогда золоченые буковки: «Делегату XIV окружной партийной конференции Ленинградского военного округа. Декабрь 1940 г.» Страницы блокнота густо исписаны химическим карандашом, местами карандашные записи обведены чернилами разных цветов (какие удавалось найти в короткие часы затишья между боями). Некоторые записи очень кратки:

«8. XI. 1941 г. Алеховщина — Сарожа (под Тихвином). На «Дугласе» с ком. арм. Мерецковым и др.»

«10—11. XI. Сарожа — Бор. Подготовка наступления»...

Другие записи подробнее. А есть и совсем непонятные непосвященному:

«13. XI. В боях. «Огоньки» — Короленко»...

Эти полустершиеся строки старой фронтовой

записной книжки военного комиссара 1941 года помогли вспомнить то, о чем рассказано здесь.

* * *

«Записки комиссара» были впервые напечатаны несколько лет назад в ленинградском журнале «Звезда». За эти годы я получил много писем от читателей с просьбой подробнее рассказать о событиях и людях. Приходили письма и от ветеранов-однополчан, от тихвинцев, не раз я встречался с ними. Естественно, собралось много нового интересного материала. А недавно в Ленинграде вышла большая книга «Тихвин, год 1941-й». В ней собраны воспоминания сорока участников знаменитой Тихвинской операции — маршалов, генералов, офицеров, солдат, партизан (среди них статья и автора этих строк — «Счастье первого удара»). Старые «Записки» стали основой этой документальной повести. Написать ее мне помогли волнующие страницы воспоминаний ветеранов, памятные беседы с друзьями-однополчанами. Сердечное фронтовое всем им спасибо!

Часть первая

Десант с командармом

Шел пятый месяц войны. Тяжелые бои велись на западе и севере, на юге нашей страны. Мы еще не знали о героях Брестской крепости. Севастополь и Одесса еще не названы были городами-героями, но весь мир уже видел, что в этих упорных боях Красная Армия похоронила гитлеровский «блицкриг» — болтовню о победной войне, «быстрой, как молния»... Не только города, каждая деревушка, каждая высотка на родной земле оборонялись и уничтожали врага. Но пере-

вес сил был пока еще на стороне фашистов, взамен разбитым они посылали новые войска, танки, самолеты из всех захваченных ими европейских стран. Они рвались к Москве, к Ленинграду, вопили о своих фашистских парадах в день нашего Октября на Красной площади у Москвы-реки, на Дворцовой площади на Неве. Они напечатали даже черные пропуска со свастикой для входа на наши главные площади, готовили парадные мундиры...

Но Москва стояла «неколебимо, как Россия», над Кремлем холодный ветер ноября, как всегда, развевал красный флаг. Правда, вечерами он не освещался прожекторами, как в мирные дни. Москва была затемнена....

И все понимали, что в эту годовщину Октября впервые за двадцать четыре года Советской власти парада на Красной площади, наверное, не будет.

Вместе с комиссаром Воздушных Сил армии полковым комиссаром Александром Алексеевичем Званским мы прибыли ранним утром 7 Ноября на заснеженный полевой аэродром наших бомбардировщиков провести праздничный митинг. Званский был уже в летах, среднего роста, полный, но авиационная форма, которую он всегда носил с двадцатых годов, шла комиссару — иным его трудно было представить.

Мы знали друг друга с первых дней войны. В самые трудные минуты комиссар был воплощением спокойствия. Но сегодня Званский нервно ходил по летному полю и молчал, не отвечая даже на вопросы.

— Товарищ полковой комиссар!.. Товарищ комиссар!.. Вас срочно просят в радиорубку! — Офицер связи выбежал из штабной землянки без шинели и шапки, он задыхался от волнения и быстрого бега, и снег сразу накрыл его темные волосы белой тюбетейкой.— Скорее, скорее! — выкрикивал он на ходу.— Москва передает сообщение о параде...

Мы побежали к землянке.

Да! Знакомый голос диктора Левитана торжественно и гордо сообщал, что только что на Красной площади закончился военный парад в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, с трибуны Мавзолея Ленина с речью выступал Верховный Главнокомандующий Сталин!..

Митинг, который состоялся в этот час на далеком аэродроме, мы не забудем никогда! Еще не унесли запорошенное снегом полковое знамя, а бомбардировщики один за другим поднимались в воздух — на врага!

Мы с комиссаром направились в политотдел своей Седьмой Отдельной армии. Вечером здесь, невзирая на фронтовую обстановку, будут отмечать двадцать четвертую годовщину Октябрьской революции. В этот час особенно хотелось быть среди друзей...

Густой снег шел и в Алеховщине, на Свири, где располагался политотдел. Наш самолетик мягко затормозил на лыжах, и мы тут же пересели на вездеход-«козлик». Юркая автомашина уверенно петляла меж высоченных сосен, освещая себе путь синими подфарниками... Мы вошли в политотдельскую землянку и, пожимая руки друзьям, сразу ощутили тревожное настроение собравшихся: под Тихвином — плохо...

Если вы взглянете на карту северо-запада СССР, недалеко от Ленинграда увидите два голубых пятна — Ладожское и Онежское озера, а между ними — синюю нитку реки Свирь. Тут среди не замерзающих и в лютые морозы болот, среди вековых сосен, прерывающихся гранитными валунами, дивизии, полки и батальоны Седьмой Отдельной армии дни и ночи вели ожесточенные бои с финскими войсками.

По гитлеровскому приказу белофинны злобно рвались через Свирь, стремясь соединиться с немецкими корпусами у Волхова. Отрезанная от соседних фронтов, Седьмая Отдельная стойко отбивала атаки финнов. Здесь, на Свири, мы прикрывали дальние подступы к городу Ленина.

Небольшой мирный городок Тихвин был у нас далеко в тылу, но он стал важным звеном в коварных фашистских планах удушения Ленинграда.

Здесь гитлеровский удав стремился замкнуть двойное смертельное кольцо блокады вокруг героического города. На Тихвин, на соединение с финнами шел армейский корпус генерала Шмидта — около пятисот танков, моторизованные дивизии, самолеты. Они теснили части нашей Четвертой армии, рвались к Тихвину. А потеря Тихвина означала утрату последней железной дороги, по которой снабжался Ленинград,

открывала путь фашистским армиям на Ладогу — в тыл нашей армии, и дальше — на Вологду, в глубокий советский тыл...

Торжественное заседание наше было коротким. Начальник политотдела бригадный комиссар Василий Михайлович Шаров поздравил с праздником, рассказал о параде на Красной площади в Москве, об обстановке на фронте и призвал всех быть в полной боевой готовности... После заседания небольшую группу политработников (в их числе и меня) бригадный комиссар попросил задержаться. Он сообщил, что генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков получил распоряжение Верховного Главнокомандующего срочно принять командование Четвертой армией (оставаясь командующим и нашей, Седьмой Отдельной), остановить и разгромить немцев под Тихвином. Завтра Мерецков вылетает в район Тихвина. Сформирована штабная оперативная группа, а вместе с нею и группа политработников. Шаров обрисовал наши задачи, добавив, что виднее все станет на месте, по обстановке, которая пока представляется сложной и неясной.

— Задача ваша будет нелегкой, но вам выпала большая честь. Уверен, что вы будете достойными боевыми комиссарами... Не посрамите и нашей Седьмой Отдельной...

Двери землянки широко распахнулись, вошел командующий в своей известной всей армии бекеше и член Военного совета. Они сели за наш небольшой самодельный стол, и Мерецков сказал, что ему хотелось особо поговорить с политотдельцами, едущими на Тихвин.

Командарм расстегнул бекешу, снял папаху, спросил, найдется ли в этом доме ради праздника кружка горячего чаю, и повел спокойный и уверенный разговор. И хотя речь шла о том, что нам предстоит нанести один из первых в этой войне удар по фашистским дивизиям, причем в обстановке очень неясной и весьма трудной, мы обязаны разбить врага, что этого ждет от нас Ленинград, Родина, что отступать нам некуда. Кирилл Афанасьевич встал, прошелся по землянке, снова сел и, внимательно глядя на нас, очень доверительно и просто сказал о том, что штабники

нашей опергруппы, несомненно, успешно разработают эту операцию, а мы — комиссары — должны вселить в каждого красноармейца и офицера уверенность в том, что сможем ее осуществить и добиться победы!

Ранним утром 8 ноября тревожные вести, в которые не хотелось верить, подтвердились. Накануне немцы прорвались к Тихвину, заняли город и, преследуя наши отступающие части, движутся на север и на восток... Суровая сосредоточенность охватила каждого. Через несколько часов наша оперативная группа выехала на аэродром. Но весь день снежный буран метался по открытому полю, игольчатый ледяной ветер свирепо набрасывался на людей, рвал тросы самолетов, лихорадочно наметал сугробы... Наш «дуглас» — небольшой двухмоторный самолет — долго не мог подняться в воздух, бульдозеры не успевали очищать взлетную полосу от сугробов... Пока летчики и техники готовили полет, штабники не теряли времени. Телефоны и рации всех аэродромных землянок заработали с невероятной нагрузкой — штаб оперативной группы пытался уже отсюда установить связь с частями Четвертой армии.

К концу дня буран стих, все разместились в самолете, машина поднялась в воздух, взяв курс на Тихвин. Я осмотрелся. Кирилл Афанасьевич Мерецков о чем-то тихо беседовал с дивизионным комиссаром Зеленковым, генерал Павлович, комбриг Стельмах и батальонный комиссар Лесняк искали что-то на карте, сидя у обледенелого иллюминатора. Штабные офицеры были сосредоточены и молчали, вдоль фюзеляжа разместилась группа автоматчиков — все наше воздушное и земное боевое охранение... Мы — будущий политотдел оперативной группы — сидели рядом, поддерживая друг друга, когда «дуглас» внезапно проваливался или кренился на крыло.

Напряженно всматривались мы в мутные стекла иллюминатора. Самолет шел невысоко над землей, а вокруг кипела серая пена облаков, а если случались разрывы — где-то внизу мелькали лесные массивы и плешины болот... Что ждет нас в этих лесах?.. Как справимся мы с задачей остановить и разгромить фашистские дивизии, неудержимо рвущиеся на восток?.. Как найдем свое место в этой операции?..

Но рядом, на борту этого уверенно летящего самолета, была как бы вся наша Седьмая Отдельная: командиры, генералы, офицеры, комиссары, солдаты. По земле в том же направлении мчатся наши танки, пушки, на марше — наши полки и батальоны. Нас послал сюда Верховный Главнокомандующий, на нас надеется Ленинград... И хотя за бортом сгущались сумерки, на душе светлело. Чувство боевой, напряженной целеустремленности охватило наши сердца, когда самолет пошел на снижение...

Был уже поздний вечер восьмого ноября 1941 года, когда наш «дуглас» тяжело сел на полевом аэродроме у деревни Сарожа, в двадцати километрах севернее Тихвина. Нас никто не встретил, вокруг пустынно, слышны недалекие гулкие звуки артиллерийской канонады, темное небо тревожно вспарывается зарницами взрывов. Невдалеке темнеют какие-то строения, молчаливые, без единого огонька...

Сейчас, через много лет вспоминая этот изумительный десант опергруппы во главе с командармом, этот лихой бросок одинокого и, по существу, беззащитного самолета в неизвестность, в лоб наступающему бронетанковому немецкому корпусу, поражаешься поистине беззаветной смелости генерала Мерецкова и всех организаторов нашей Тихвинской операции. У нас не было точных данных о продвижении противника, и вся оперативная группа могла в тот же вечер оказаться в руках у немцев... Но об этом никто не думал, все — от командарма до автоматчика охранения — жили одной мыслью: остановить, разбить врага! Да, в те часы многое было неясно и тревожно, но высочайшая ответственность рождала непоколебимую уверенность: мы должны освободить Тихвин, сорвать коварные фашистские планы удушения Ленинграда! И мы это сделаем!..

На Сарожском аэродроме оказался последний, еще не успевший эвакуироваться батальон аэродромного обслуживания (БАО), и он явился базой развертывания нашей оперативной группы. Связисты сразу же

стали налаживать аппараты и рации, топографы занялись картами.

Запомнился командир взвода связи этого батальона. Среди неизбежной суеты первых тревожных часов он выделялся каким-то особым спокойствием, уверенной размеренностью движений... Казалось, он ждал наш самолет, чтобы тут же протянуть нити связи по нужным направлениям.

Все уже знали фамилию, имя и отчество этого пожилого лейтенанта — Иванов Алексей Иванович. Знали и то, что он работал мастером на ленинградском заводе, был депутатом своего районного Совета... Вместе с нашими армейскими связистами Иванов налаживал аппараты и рации, и задолго до рассвета командарм Мерецков мог уже связываться с Москвой, с Алеховщиной, с Волховом. А мы, политработники, вместе со штабными офицерами получили задание — пользуясь любыми средствами передвижения, установить, где находятся отступающие части Четвертой армии, связаться с ними и, действуя по обстановке, немедленно прекратить отход, занять оборону и готовить контрнаступление.

Формирование на ходу

Верхами, на санях и мотоциклах всю ночь разъезжали мы по лесным дорогам и тропкам. Останавливали отступавшие группы войск, назначали командиров и политруков, от имени командарма предлагали занять оборону, выставить охранение и — ни шагу назад!.. Усталые, голодные, бойцы приказу подчинялись охотно, расспрашивали об обстановке вокруг. И надо было видеть, как загорались глаза красноармейцев, когда узнавали они о том, что отсюда будем наступать и Тихвин вернем обязательно!

Просто и даже обыденно звучит сегодня рассказ об этой первой ночи Тихвинской операции, но память хранит живые, волнующие картины...

Разбитая дорога в лесу. По-лягушечьи прыгают один за другим два мотоцикла с колясками. Синий свет фары медленно ползет меж мачтовыми соснами,

проваливается в колдобины, скользит по снежным сугробам... «Стой! Кто такие?» — нас окружают люди в военной форме. «А вы кто такие?» Два наших автоматчика берут оружие на изготовку. Мы с Николаем Томзовым выходим, напряженно разглядываем встречных, видим красные звездочки на ушанках. Спрашиваем командира. Опираясь на суковатую палку, прихрамывая, вперед выдвигается офицер с двумя кубиками на петлицах, молча направляет он на нас тонкий луч карманного фонаря, освещает красные звезды на рукавах наших шинелей... Мы представляемся:

— Батальонные комиссары из политотдела оперативной группы Тихвинского направления. Доложите обстановку.

Печальный доклад... В группе — сорок семь человек, красноармейцы разных рот. Отходят от Тихвина второй день. Что случилось, толком сказать не могут: внезапно появились немецкие танки, все перепуталось, поначалу стреляли, потом, когда замолкли наши пушки, разбрелись по окрестным лесам и вот собрались кто уцелел, у лесного кордона, решили дождаться рассвета и двигаться на север — должны же быть где-то здесь наши части... Услышали мотоциклы, подумали — немцы, решили «пассажиров» уничтожить, машины использовать для раненых...

Лейтенант предъявил свое офицерское удостоверение и комсомольский билет: Светлов, из Луги. Договорились, что отныне он — командир роты, предложили занять оборону как положено. Раздали сухари, консервы, леденцы — все, что удалось захватить с собой... В группе оказались два коммуниста и еще пять комсомольцев. Поговорили с ними, назначили временных парторга-политрука и комсорга... Нас окружила вся группа. Мы вглядывались в лица красноармейцев, видели, как изменились они даже за короткое время нашей встречи — исчезли настороженность и подавленность, а когда мы твердо заверили, что утром новая рота получит приказ штаба о дальнейших действиях, раздался гул одобрения.

Мы тепло простились с бойцами.

— Теперь легче будет,— проговорил Николай Томзов.— Встретим кого, будем направлять в роту Светлова.

Много таких рот было сформировано в эту ночь и назавтра. Они обрастали все новыми одиночками и группами, еще вчера потерявшими в отступлении свои подразделения, своих командиров. Усталые, голодные, подавленные поражением, люди тянулись к боевой организации — лишь бы снова быть в строю, давать отпор ненавистному врагу, бить его.

Пополнялись эти новые формирования и с тыла. Все, кто были способны носить оружие — выздоравливающие в медсанбатах и госпиталях, работники складов, писари, повозочные (их решили оставлять одного на трое саней),— все они направлялись в роты и батальоны, где-то поблизости занимавшие оборону, готовящиеся к контрнаступлению... В лесной глуши, простреливаемой минометным и артиллерийским огнем и авиацией противника, в непосредственной близости от его подвижных передовых танковых отрядов, шло формирование — скрытное, быстрое, энергичное, сразу же, с первых встреч и разговоров нацеленное на близкое и неизбежное наступление.

Комиссары. Политруки. Политбойцы

В эти дни особенно важна была роль комиссаров и политруков.

Главная наша задача состояла в том, чтобы сразу же взять правильный — спокойный и уверенный — тон. Каждый солдат и офицер всем сердцем должен был осознать, что мы обязаны вернуть Тихвин и что сделать это возможно, что немцев можно бить, если противопоставить им силу нашего наступательного порыва, помноженного на умение.

Комиссаров, политруков всегда недоставало — они вели за собой в бой, первыми поднимались в атаки и часто, очень часто выбывали из строя... В те дни и появились в частях политбойцы.

Скромное это звание пришло к нам с времен гражданской войны. В Первой конной армии Буденного, в дивизиях Фрунзе, Чапаева, Блюхера так именовали самых верных и самоотверженных солдат револю-

ции — большевиков. Теперь это были их сыновья и внуки — рядовые красноармейцы-коммунисты, боевые, смелые, авторитетные в своем взводе или роте. Никаких документов, никаких знаков различия им не полагалось. И никаких прав, кроме единственного права и единственной обязанности,— быть всегда и во всем впереди. Политбоец по распоряжению, а часто и по своей инициативе заменял выбывшего из строя политрука... Подбору и назначению политбойцов уделяли мы особое внимание. Они становились опорой командира и политрука, из них в будущем вырастали и комиссары.

Я вспоминаю одну из встреч тех дней... Вновь сформированная рота была уже приведена в порядок, окопалась немного, разместилась у перекрестка дорог. Группа бойцов, которую назвали ударной, готовилась к разведке боем. Вместе с новым командиром роты и политруком мы подошли к бойцам.

— Ну, как жизнь на новом месте? — спросил командир, присаживаясь на пенек.— Как жизнь-то?..

— Живем правильно, товарищ командир! — ответил пожилой солдат.

И завязался добрый, бодрящий солдатский разговор — лучшее свидетельство хорошего боевого духа и настроения... Все звали пожилого бойца Егор Иванович, чувствовалось, что он является душевным центром группы. К нему обращались с вопросами молодые красноармейцы, он умел отвечать сразу нескольким, и быстрым взглядом подавал какие-то знаки кому-то, у одного одобрял заправку шинели, другого по-отечески поправлял...

Разговорились. Я спросил, коммунист ли он. «Обязательно»,— ответил Егор Иванович и рассказал, что в партию вступил в первый день войны на своем уральском заводе: «Коммунистом легче на фронт отпустили».

— Вот вам готовый политбоец,— сказал я.

— Я таковой и есть с первого боя,— улыбаясь, ответил Егор Иванович...

В разгар боев за Тихвин я снова встретил Егора Ивановича на знаменитой переправе перед штурмом города. Он возглавлял героический пост наблюдателей — впереди пехоты.

Мы закурили, поговорили дружески, обнялись на прощание, и в ответ на добрые пожелания политбоец повторил свое присловье:

— Справимся... Живем правильно!..

Больше мне не довелось встретить Егора Ивановича, но образ его глубоко запал в мое сердце, а мудрое присловье солдата стало крылатым по всей нашей армии... «Живем правильно!..»

Через много лет после войны мне хотелось создать собирательный образ политбойца, прибывшего с Урала на защиту Ленинграда. Я вспомнил Егора Ивановича... Так был написан рассказ «Живем правильно!». А родиной героя был назван уральский рабочий город Каменск-Уральский. Но жизнь, как это часто бывает, вносит в повествование свои дополнения.

Оказалось, что в старом Каменске-Уральском, теперь растущем центре алюминия и энергетики, действительно живет бывший политбоец, участник тихвинских боев, ветеран Отечественной войны Тимофей Афанасьевич Андреевских, мастер Красногорской ТЭЦ. Живет он на улице Алюминщиков — новой улице, застроенной светлыми домами, недалеко от алюминиевого завода и своей ТЭЦ — тоже одной из крупнейших в Европе.

В мае 1945 года Андреевских написал на стене поверженного рейхстага в Берлине: «Из Свердловска — до Берлина»... А суровой зимой 1941 года сапер Тимофей Афанасьевич воевал под Тихвином... Право же, он может, как и его неизвестный земляк Егор Иванович, подтвердить: «Живем правильно!..»

Друзья прибывают к Тихвину

Утром 9 ноября, после бессонной ночи в лесах, мы собрались в Сарожe, в домике на окраине, отведенном политотделу. Умылись снегом, осмотрелись. Деревня

разбросана на горушке, дома большие, серые, обшитые тесом.

Сразу от нашего политотдельского дома начинался редкий еловый лес. Невдалеке озерца — Сарожское, Пустое, незамерзающие болота и разбитые, припорошенные снегом дороги на Бор, Кайваксу, Березовик... Где-то там — немцы.

Этот день навсегда остался в памяти и тем, что тогда в первый и последний раз собралась вместе почти вся Тихвинская оперативная группа Седьмой Отдельной армии. Пройдет несколько часов, оперативники — командиры и комиссары — разъедутся готовить наступление, вновь встретимся мы не скоро, а многих не увидим уже никогда... А сейчас комбриг Григорий Давыдович Стельмах — начальник штаба — знакомил опергруппу с двумя приказами, только что подписанными К. А. Мерецковым, и сам Кирилл Афанасьевич сидел здесь же, смеясь вместе со всеми по поводу шутливого предисловия Стельмаха о том, что, хотя один из приказов подписан командующим Четвертой армии, а другой — командующим Седьмой Отдельной, подписал их един в двух лицах — генерал армии Мерецков...

Четвертой армии Мерецков приказывал — приостановить наступление противника, возможно быстрее выдвинуться на Тихвин. Занять Тихвин!

А вот и приказ в наш адрес:

«Армейская группа, выделенная из состава Седьмой Отдельной армии, под моим непосредственным руководством с утра 9 ноября выдвигается в район Остров — Пудроль — Сарожа — Лахта — с задачей дальнейших действий, совместно с частями Четвертой армии, по овладению Тихвином».

Как все военные приказы, распоряжения Мерецкова были предельно четкими и лаконичными. Но мы всегда отличали в них собственный «мерецковский» стиль. Он придавал приказу особую силу и окрыленность:

«Северной опергруппе огнем артиллерии запретить подход резервов противника в Тихвин...»

Всего два-три дня прошло со времени нашего прибытия под Тихвин, мы сдружились уже со многими подразделениями Четвертой армии, участвуя в их

возрождении. Но как радостно было встречать своих старых друзей из Седьмой Отдельной!.. Первыми домчались к нам саперы. И раньше, чем их комбат успел официально доложить о прибытии, из головной машины вывалилась на снег коренастая фигура какого-то командира в белом полушубке с портупеей и маузером в деревянной кобуре на боку.

— Привет из Алеховщины землякам! — хрипло проговорил он, широко улыбаясь, и мы бросились обнимать нашего «батю» — старейшего комиссара Седьмой армии Михаила Алексеевича Мартыненко, друга и советчика молодых политработников.

— Какими судьбами?

— Комиссаром сводного отряда Василенко. Гнали вовсю. А то без нас Тихвин возьмете.

Мы знали и подполковника Вячеслава Ивановича Василенко, начальника армейской разведки, слышали о его ударном отряде, сформированном из разных частей Седьмой армии. Но то, что комиссар отряда — наш старый друг, было приятным сюрпризом.

Михаил Алексеевич познакомил нас с комиссаром Отдельного саперного батальона Александром Ястребовым — молодым, стройным, подтянутым политруком с автоматом... Пройдет несколько дней, и имя этого скромного героя посмертно станет известно всему фронту.

Не успели мы встретить саперов, как, лихо взметая снежную пыль, с открытыми люками стали подходить головные машины 46-й танковой бригады. Она должна была явиться главной ударной силой в планах Мерецкова. За танкистами ехала и наша пехота — усиленный стрелковый полк. А за ним на подходе были артиллеристы и минометчики Седьмой Отдельной.

Счастье первого удара по врагу!.. Ранним утром 11 ноября 1941 года загремел притихший заснеженный тихвинский лес... Как крепко заведенная стальная пружина, стала развертываться Тихвинская операция. Мерецков так охарактеризовал ее стремительный зачин: «Подошедшие из 7-й армии 46-я танковая бригада и стрелковый полк (1061-й) во взаимодействии с подразделениями 44-й и 191-й стрелковых дивизий с ходу атаковали вражеские войска и, отбросив их

на 12—13 километров, продвинулись к северной окраине Тихвина. Для противника удар оказался совершенно неожиданным...»

Это командарм писал о нашей группе войск, которой поначалу командовал генерал Антон Александрович Павло́вич (а затем — генерал Петр Алексеевич Иванов). Нанеся здесь по немцам самый первый удар, наши части не только остановили фашистов в их стремлении продвигаться на север от Тихвина — для соединения с финнами, но сразу же сбили с фашистских захватчиков спесь, заставив их перейти к обороне.

Но нас не устраивали затяжные позиционные бои — зов осажденного Ленинграда звучал в наших сердцах! Все жили единым стремлением — быстрее освободить Тихвин, ибо это значило — восстановление движения по железной дороге, питающей Ленинград. В те дни то был как бы единственный кровеносный сосуд, поддерживающий пульс жизни осажденного города... Разве можно допустить, чтобы он был перерезан?!

Пружина

С кого начать рассказ о героях тихвинских боев?!.. Трудно назвать храбрейших! Записная книжка пестрит именами танкистов, артиллеристов, летчиков. Слава им! Но первой среди первых вспоминается скромная пехота — поистине царица полей и лесов.

1061-й стрелковый полк... О нем говорит командарм в первом своем приказе о первом тихвинском сражении 11 ноября.

«Бросок в 120 километров из Алеховщины под Кайваксу!» — записано у меня рядом с номером: «1061». Трудно поверить, но еще два дня назад полк занимал оборону далеко отсюда — на Свири, в близкой нашему сердцу Алеховщине. И вот — марш на Тихвин, сквозь снежные бураны, в тридцатиградусный мороз, вместе с другими частями 272-й дивизии. 120 километров за два дня! И с ходу — в бой под своим Красным знаменем. Знамя это особенно волнует здесь — оно вручено дивизии в первые дни войны в

Тихвине. В полку много местных жителей, и с какой яростью рвутся они в бой — освобождать родные села, родной город, вызволить из лап захватчиков своих родных и близких!

Вместе с танкистами и артиллеристами ворвались батальоны полка в Кайваксу, стремительно двинулись на Березовик. Пулеметную роту вел в бой старший лейтенант Морозов, сам метко бил из станкового пулемета. Первым в атаку бросился командир головного батальона старший лейтенант Губанов.

«Подвиг патриота Ионова...» Да, на войне случается невероятное. Красноармеец Егор Яковлевич Ионов в минуту затишья между боями встретил в лесу земляков из родной деревни Овино. И среди них свою жену... Они бежали от фашистов, и кровь леденела от рассказов о зверствах захватчиков... Со слезами поведала жена Ионова о пережитом. Из ее рассказов узнал боец и о том, что в их доме расположен какой-то крупный штаб под большой охраной. Муж и жена пришли к артиллеристам и помогли им метким ударом разбить, сжечь свой родной дом — уничтожить фашистский штаб.

А невдалеке энергично действовала, выполняя важные задания командования, «гренадерская» стрелковая бригада генерала Г. П. Тимофеева. В ее составе был в основном советский, партийный, комсомольский актив Тихвина.

«Гренадерская бригада»... Откуда появилось под Тихвином это боевое формирование, принятое в русской армии еще в XVIII веке? В старину гренадеры были грозной силой, их основное оружие — гранаты; действовали они скрытно, подвижно, наносили огромный урон врагу...

Да! Добровольцы Ленинградской области воскресили старую боевую традицию. Под Тихвином сформировалась отдельная «гренадерская бригада». Поначалу ее вооружение составляли в основном гранаты — другого оружия не было. «Дьяволы леса» — в страхе называли немцы легкие батальоны бригады. Они нападали внезапно, забрасывали врага гранатами, лес стал их стихией.

В бригаде было четыре батальона, и один из них — партизанский. После освобождения Тихвина о подви-

гах партизан говорил весь край. Кое-что расскажет и моя записная книжка...

Вместе с 1061-м стрелковым из Алеховщины прибыли таким же форсированным маршем по глубокому снегу и бездорожью артиллерийский полк и минометные батальоны нашей Седьмой Отдельной. Они сразу же, буквально с ходу, влились в состав артиллерии Северной оперативной группы, в боевые порядки пехотных частей...

«Майор Ян Янович Рубэн и батальонный комиссар Хлебников». Не случайно в записной книжке остались фамилии командира и комиссара артиллерийского полка. За немногие ночные часы после труднейшего перехода сумели они подготовить огневые позиции и свой НП (наблюдательный пункт). С первыми лучами холодного серого рассвета 11 ноября меткие снаряды и мины накрыли Кайваксу... На укрепления врага рвались пехота и танки... Кайвакса была взята, батареи выдвинулись для стрельбы прямой наводкой по Березовику...

«Генерал Копцов... Халхин-Гол — Прибалтика — Подмосковье — Свирь — Тихвин». Эти краткие строки записной книжки воскрешают образ славного комбрига, командира 46-й танковой бригады. Василий Иванович Копцов — поистине человек-легенда. В тридцать пять лет он стал Героем Советского Союза на Халхин-Голе. Его танки, казалось, не знали преград. Сам генерал-танкист в трудную минуту вихрем мчался на врага в своей боевой машине. В первые же дни войны бригада Копцова отличилась в оборонительных боях в Прибалтике, наносила сильные удары по фашистским танкам в Подмосковье и по приказу Верховного главнокомандующего осенью 1941 года прибыла в Седьмую Отдельную армию. На берегах Свири генерал Копцов действовал так же стремительно... Рассказывают, любил Василий Иванович начинать танковую атаку залпом приданных реактивных минометов, мчаться на врага вслед за огненным вихрем «катюш»...

Блестяще владела маневром танковая бригада Копцова. Помню, какие тяжелые бои вела Седьмая От-

дельная между Ладожским и Онежским озерами в сентябре 1941 года. Многие наши части были обескровлены непрерывными боями с самой финской границы. Белофиннам и немцам удалось здесь прорвать фронт, форсировать Свирь... И вот тут и показал свое мастерство генерал Копцов. Молниеносный маневр, безудержный порыв, штурмовые атаки танков быстро остановили продвижение противника. А вслед за танками перешли в наступление стрелковые части — враги бежали за Свирь, понеся большие потери.

«Чапаев!» — любовно говорили о своем комбриге танкисты. И надо же! — не только смелость и мужество Чапаева перенял танковый генерал, даже имя и отчество его были Василий Иванович.

А немцы и финны с осени 1941 года за всю войну так и не переступили реку Свирь.

И вот бригада Копцова по приказу командарма Мерецкова примчалась под Тихвин. Начальник штаба майор Дмитрий Григорьевич Бацкиаури и начальник разведки майор Иван Петрович Карасев хорошо дополняли друг друга. Каждый бой обеспечивался глубокой разведкой, четко разработанной операцией.

С этого и начали, прибыв в район Сарожи — Кайваксы. Ночью разведчики, рейдируя на броневиках и на лыжах, доложили командованию обстановку. И на рассвете танки стремительно, как всегда, пробивали дорогу пехоте и артиллерии, рушили укрепления врага.

Уже в первые часы 11 ноября и в последующие дни в политотдел опергруппы стекались политдонесения о героизме танкистов.

Тяжелые танки «КВ» бригада получила от ленинградцев. Могучие боевые машины — они пробивали, утюжили самые мощные узлы вражеской обороны, сметали с пути средние танки противника. Экипаж такого танка возглавлял в бою коммунист Волков. По-чапаевски рванулись вперед, открывая путь нашим пулеметчикам. Почти вплотную столкнулись с фашистской артиллерийской батареей, подавили орудия врага, но... увязли в незамерзающем болоте. «КВ» окружали фашисты, вели огонь из всех видов оружия. Ночью советский танк загорелся, но экипаж продолжал метко стрелять. Командир танка приказал товарищам по-

кинуть горящую машину. Коммунист Волков погиб, не выпуская из рук гашетку пулемета...

Командир другого танка Погребов не прекращал боя и после того, как почти тридцать снарядов попали в его боевую машину. Казалось, машина неуязвима.

Непобедимым был и танк лейтенанта Ежакова.

Коммунист, выученик комбрига Копцова еще с времен Хасана и Халхин-Гола, он был грозой фашистов. Враги решили любой ценой вывести из строя танк героя, захватить экипаж в плен. Им удалось подбить ствол танковой пушки. Казалось, танк вышел из боя. Но не таков Ежаков! Раненая боевая машина продолжала идти вперед, прокладывая гусеницами и огнем пулеметов путь пехоте... Ежаков после тихвинских боев награжден орденом Ленина.

«Танки Рублева побеждают в ночном бою»,— звучит строка моих давних записей.

Да! Кавалером ордена Ленина стал и младший лейтенант Николай Тихонович Рублев. Его танки получили боевое задание — внезапно, из засады, рвануться навстречу моторизованной колонне противника и уничтожить ее. По данным разведки, фашистские машины, броневики, танки идут с зажженными фарами, боясь потерять дорогу в снежном буране. Танки Рублева также зажгли фары и когда на больших скоростях поравнялись с колонной, немцы стали сторониться, считая, что идут машины генерала Шмидта. Рублевцы ударили из пушек и пулеметов... Ночной бой был ожесточенным, но коротким и закончился полной победой советских танкистов.

Так в боях разных родов войск раскручивалась та самая пружина наступательной операции, которую с непревзойденной смелостью и мастерством закрутили здесь, в северных лесах, в непосредственной близости от Тихвина командарм Мерецков и его штабы. Тугая пружина самой стойкой в мире стали, самой прочной закалки — революцией, войной, гневом, ненавистью и любовью!..

Читатель поймет, конечно, что на этих страницах даны штрихи лишь одного из витков этой пружины. Ведь кроме нашей Северной опергруппы бои за осво-

бождение Тихвина вели войска Восточной, Южной оперативных групп, 65-я стрелковая дивизия полковника Кошевого (о ней мы еще расскажем). Войска захватчиков в Тихвине были обложены, как волчье логово. Но Гитлер и его клика требовали от своих войск любой ценой удержать Тихвин, с которым связывали далеко идущие планы... С каждым днем ожесточенность боев нарастала. И, несмотря на превосходство сил противника, так неудержим был наступательный порыв советских войск, так мудро спланированы вся операция и удар каждой опергруппы, что инициатива все время находилась в наших руках. Уже 25 ноября по всему фронту прозвучал приказ-обращение командарма Мерецкова:

«Первый этап борьбы за Тихвин закончен успешно, значительные силы противника окружены в районе Тихвина, но еще продолжают упорно оборонять подступы к городу и самый город...

Приказываю:

Штурмовать город Тихвин и уничтожить засевшего в нем противника».

Золотом на мраморе

Так же, как золотом на мраморе, высечены тысячи имен героев старой русской армии на стенах огромного Георгиевского зала Московского Кремля, так, наверное, надо бы увековечить и всех героев 1941 года! И потому, что они были первыми, и затем, чтобы знали современники и потомки, что и в самые печальные, самые трудные месяцы Отечественной войны, когда сильнейший враг, казалось, безудержно рвался к Москве и Ленинграду, части Красной Армии не только отходили, но и смело наступали, умело били, уничтожали гитлеровские дивизии и корпуса, втаптывая в пыль и снег чванливый миф о «блицкриге»...

Почти две недели днями и ночами не прекращались штурмовые сражения за Тихвин. И каждый день мы узнавали все новые и новые имена героев... И больно и тяжело было знать, что слава многих наших друзей добыта ценою жизни...

Вы прочтете на этих страницах о героях Советского Союза политруке танковой роты М. К. Кузьмине и комиссаре славного саперного батальона А. Г. Ястребове, отдавших свои молодые жизни в этих боях. Их имена незабвенны. В Тихвине есть улица Кузьмина, а на здании политехникума на тенистой улице села Березовик, где погиб Ястребов, установлена мемориальная доска в честь подвига героя.

Несколько раз упоминается в моих фронтовых записях Михаил Пятикоп — тридцатидвухлетний старший лейтенант из 46-й танковой бригады. Во главе одиннадцати танков он нанес ошеломляющий удар по немцам в первом тихвинском наступлении — на Кайваксу, 11 ноября. Бой продолжался и утром следующего дня, и здесь танк командира был подожжен. Пятикоп повел своих танкистов в рукопашную схватку и пал, изрешеченный фашистскими пулями. Но немцы были выбиты из Кайваксы, танкисты Пятикопа мчались на Тихвин... Через пять дней после его гибели Указом Президиума Верховного Совета от 17 ноября 1941 года Михаилу Евгеньевичу было присвоено звание Героя Советского Союза, он похоронен там, где началась Тихвинская операция — на высоком холме в деревне Сарожа, под светлыми березами. Имя Пятикопа присвоено школе в селе Кайвакса.

Более тридцати лет хранится у меня газетная страница с рассказом очевидца о славной жизни и героической смерти танкиста Василия Михайловича Зайцева.

«Танк стоит на дороге. В его гордой груди зияет пробоина, задымлены и почернели бока. В этой машине погиб молодой танкист Василий Зайцев. Он говорил:

— Мы и летчики. Разве хоть один из нас бросит машину, хоть один сдастся в плен? Лучше, честнее — умереть. Пусть уж у дочки память об отце будет.

Этот разговор происходил в лесу, когда Зайцев вернулся из удачного похода. Только что была отвоевана у немцев деревня Новый Погорелец. Зайцев был очень оживлен. И в памяти осталась его высокая фигура в синем комбинезоне, веселые голубые глаза и мальчишеская привычка обстругивать перочинным ножом палки. Он сидел на поваленном дереве и, счищая кору с березовой ветки, рассказывал:

— Когда мы ворвались в деревню, я сразу ударил по желтому дому. Он загорелся, огнем охватило дверь. Фашисты, как клопы, посыпались из окон. Я стал стрелять по ним из пулеметов. В огороде у них были блиндажи; я этого не знал. Они побежали к огородам и сразу показали мне свои укрытия. Дал я им жару — блиндажи взлетели на воздух.

Потом подсчитали итог дня: около 300 убитых фашистов, пулеметов 20 штук, 2 пушки...

Он жил как герой и умер геройской смертью. Мог ли он спастись? Ценой спасения был бы плен, то есть бесчестье. Нет, жизнь Василия Зайцева стоила не так дешево. Танк, уже объятый пламенем, продолжал бить по врагу.

Едкий дым застилал глаза и душил. Радист передал по радио:

— Горим, но продвигаемся вперед.

Враги ждали, когда выйдут наши из горящего танка. Но люк был закрыт наглухо. Только торопливо строчил пулемет. Скорее, пока еще бьется сердце, пока еще не померк свет в глазах, пока есть время!..

Он зажег фары, но уже не видел дороги. Давя фашистов, их орудия, автомашины, танк мчался на предельной скорости. Потом, подбитый, стал. Но еще строчил пулемет, и враги не могли подойти к машине. Потом пулемет замолк...

Зайцев любил Родину сильнее жизни, и Родине он отдал свою жизнь.

А в родном Петрозаводске, на Онежском озере, Василия Зайцева помнят как человека самой мирной профессии — он работал здесь агрономом в пригородных совхозах. Живет он в памяти друзей веселым, бодрым запевалой и в работе и на досуге. Вспоминают, о тракторах говорил: «красивые»...

Дома у Зайцевых хранят последнее письмо Василия из-под Тихвина: «Все время в боях. Мои красавцы танки делают чудеса... Обо мне не беспокойтесь...»

Василию Зайцеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Звание Героя СССР посмертно присвоено и его стрелку-радисту Андрею Ивановичу Ращупкину. Они похоронены в Тихвине, на площади Свободы, имя Зайцева присвоено одной из улиц города.

К сожалению, я не могу здесь так же подробно рассказать и о всех других героях первых наступательных боев, отмеченных орденами и медалями в декабре 1941 года. Широко известно, например, имя артиллериста, заряжающего 127-го артполка Ильдара Манановича Мананова. Словно сказочный чудо-богатырь, он, оставшись у орудия один, продолжал сокрушать врага — сам подносил снаряды из леса, сам заряжал, сам вел огонь... Мананову 17 декабря 1941 года присвоено звание Героя Советского Союза, он прошел войну до победного конца, и к «тихвинской» Золотой Звезде прибавилось немало других наград. Ильдар Мананов сейчас почетный гражданин города Тихвина. Рядом с Манановым в моей записной книжке значится имя командира его батареи — лейтенанта Георгия Рясина, награжденного в те же дни орденом боевого Красного Знамени. Бесстрашный до самозабвения, Рясин под огнем врага стремительно передвигал свои пушки на новые позиции, все вперед и вперед. Он сам ходил в разведку, выявлял скрытые артиллерийские, минометные батареи немцев и метко уничтожал их, открывая путь наступающей пехоте...

Группа разведчиков в поисках «языка» подобралась к самому вражескому блиндажу. Залегли почти у входа. Когда рядом появился унтер-офицер, разведчики мгновенно скрутили его, но он успел позвать на помощь. Не теряя ни секунды, политрук Вольский и рядовой Крылов ворвались в блиндаж, открыли стрельбу и, воспользовавшись паникой, вытащили из гнезда станковый пулемет, коробку с лентами, дали несколько очередей, побежали к лесу и исчезли как призраки. Немецкий пулемет был доставлен ими в свою часть и тут же введен в бой... Бесстрашные разведчики Федор Алексеевич Вольский и Александр Сергеевич Крылов в числе первых награждены орденом Красной Звезды.

А лейтенант Лукашевич!.. К сожалению, не запомнились его имя и отчество, но о мужестве этого командира писала и «Правда». Во главе группы авто-

матчиков Лукашевич вел ближний бой с гитлеровцами, оказался окруженным, а тут заело что-то в автомате. Лейтенант — богатырского сложения и силы — стал орудовать прикладом, пробился к своим, и схватка завершилась полной победой наших автоматчиков.

Нечасто встречается фамилия — Перетятько. И я сразу же вспомнил нашу встречу в самый канун штурма Тихвина. Предстояло форсировать Тихвинку у сильно укрепленного узла сопротивления Лазаревичи. Снаряды и мины врага несли смерть, мешали продвижению вперед. И тут на самый берег реки, в самые передовые позиции пехоты, группа артиллеристов подкатила свои орудия, и лейтенант в белом полушубке встал над обрывом, под поистине ураганным огнем гитлеровцев спокойно поводил биноклем, и казалось, даже весело, стал подавать одну за другой команды своим орудиям. И одна за другой были подавлены почти все огневые точки немцев. Раздалось громовое «ура» нашей пехоты...

Позже мы с батальонным комиссаром Николаем Томзовым разыскали комбата, пожали ему руки, познакомились. «Лейтенант артиллерии Перетятько, — представился он.— Сергей Саввич»... Он был среди первых награжденных орденом боевого Красного Знамени.

«Коммунисты, на лед!..»

Последний этап боев за Тихвин, освобождение города связаны со штурмом поселка Лазаревичи, превращенного немцами в укрепленный пункт. Чтобы выбить противника из Лазаревичей, нужно было форсировать Тихвинку. Форсирование реки под огнем артиллерии, минометов, пулеметов и авиации врага всегда трудное и героическое дело. Тут же немцы бесновались невероятно, стремясь любой ценой удержаться в Лазаревичах, чтобы дать возможность вывести свои войска из окружения.

Тихвинская операция была одной из первых в Отечественной войне наступательных операций, не было у нас еще и опыта форсирования рек. Но части учи-

лись в бою. Артиллерия била метко, и под ее прикрытием на лед осторожно двинулись наши пушки. Танки тоже, не желая терять времени, не дождавшись понтонов, спустились на лед. Но лед был некрепким, и несколько танков стали тонуть... Тогда-то и возник над Тихвинкой клич:

— Коммунисты, на лед!

Роты и батальоны стремительно двинулись на реку. Коммунисты шли впереди, показывая пример беззаветной отваги, презрения к смерти. Танкисты и саперы под градом пуль и осколков вытаскивали танки, автоматчики вели беспрерывный огонь и продвигались вперед... А невдалеке, за излучиной, уже действовала переправа. Лед был еще тонок, понтоны навести не удавалось, и саперы нашли выход: под обстрелом врага они быстро подвезли к реке бревна и под покровом ночи вморозили их в лед. С рассветом зенитчики создали над хитрой переправой завесы белых разрывов, не допуская вражеские самолеты. И вот танки и пушки помчались по бревенчатому обледенелому и дребезжащему настилу через Тихвинку, пехота стремительно неслась по льду. Подошла наша авиация, и в воздухе завязались воздушные бои. Приближался штурм Тихвина.

Костя Пчелка и Саша Котов — кавалеры ордена Красного Знамени

Вскоре после освобождения Тихвина военные журналисты получили задание особо рассказать о тех, кто награжден в боях орденом боевого Красного Знамени. Среди награжденных значились красноармейцы Александр Иосифович Котов и Константин Иванович Пчелка.

В политотделе дивизии удивились:

— Нет у нас таких.

— Как нет? В газетах напечатано.

Показали политотдельцам газету, хотели пристыдить: героев своих, мол, не знаете.

А в ответ раздался в землянке веселый смех.

— Так это же Саша и Костя! Так и спросили бы, вся дивизия знает этих мальчишек. А вы их по отчеству величаете...

Оказалось, в Ленинградской дивизии живут и отчаянно воюют «сыновья полка» — 14-летний Костя Пчелка и 15-летний Саша Котов. Как и в катаевской повести, они стали разведчиками, не раз выполняли важные задания командования в тылу врага и уже в декабре 1941 года были награждены боевыми орденами.

Саша Котов был ординарцем командира роты разведчиков молодого лейтенанта Николая Андреевича Мойсеенко. Костя был всегда рядом со своим другом.

8 декабря рота получила ответственное задание: по тайным тропкам на болоте обойти укрепления врага на окраине Тихвина и без шума внезапно проникнуть во двор Тихвинского монастыря, превращенного в укрепленный пункт, и там уж загреметь вовсю! Это поможет наступающим на город нашим частям.

Небольшая, но важная операция разведчиков удалась. В монастыре поднялась паника. Многие фашисты бросали оружие, десятки пленных захватила удалая рота. Паника перебросилась и в центр города. А наши войска уже шли на штурм...

В этот час ординарец Саша Котов мчался на коне в штаб полка с донесением. А навстречу — фашистский офицер с автоматом.

— Конь давай! Шнель!..

Верная смерть ожидала юного разведчика, свой автомат развернуть ему не успеть. Саша резко рванул коня в сторону, пули пролетели мимо. В тот же миг он выхватил сигнальную ракетницу, и огонь ослепил фашиста.

Донесение в штаб полка ординарец доставил в срок. Штурм Тихвина продолжался.

Комиссар Ленинградской дивизии

Когда говорят о Ленинграде, мне прежде всего вспоминается Приморский район Ленинграда на Петроградской стороне. Здесь прошла моя молодость. Тут

я работал незадолго до войны... Помню, в путеводителе по Ленинграду тех лет было указано, что наш Большой проспект застроен от Тучкова моста до Кировского проспекта в конце XIX и начале XX века «доходными домами», не интересными в архитектурном отношении». Пусть так. Но мы были убеждены, что район наш — самый красивый. Хотя бы потому, что он, наверное, ближе всех других в городе был к природе, к морю... Сказочный Елагин остров, устремленный к взморью. Спортивный остров у Тучкова моста. Большие и малые мосты, речки, в которых вечерами отражались тихие огни Петроградской стороны... Густо-зеленые скверы, парки, лужайки.

А достопримечательности? Здесь, в доме на Набережной Карповки, жил В. И. Ленин, тут проходило 23(10) октября 1917 года историческое заседание Центрального Комитета РСДРП(б), принявшее решение о вооруженном восстании.

В нашем районе жили Н. Г. Чернышевский, М. И. Ульянова, художник Б. М. Кустодиев.

На наших островах размещались не только старинные дворцы, но даже буддийская пагода — вся из красного гранита с золочеными украшениями и надписями... А в стороне от крупнейших предприятий, таких, как знаменитый «Печатный двор» и самая большая в стране трикотажная фабрика «Красное знамя», мимо завода «Вулкан», дорога вела на Черную речку, к месту дуэли А. С. Пушкина. Помню, как всегда волновал наши молодые сердца обелиск из зернистого гранита с бронзовым барельефом поэта...

Здесь, в Приморском райкоме, я был принят в ряды партии, и много счастливых воспоминаний связывают меня с этим своеобразным районом Ленинграда. И как приятно было узнать, что героический комиссар 44-й дивизии Дмитрий Иванович Сурвилло перед самой войной был секретарем Приморского райкома партии!

Мне не довелось часто общаться с Дмитрием Ивановичем, но одна фронтовая встреча помечена в записной книжке «6 декабря. Ночь. В землянке военкома Сурвилло. Настоящий комиссар...»

То были последние дни и ночи перед решающим

штурмом Тихвина. На всех участках шли непрерывные наступательные бои. Штаб и политотдел Северной опергруппы продвинулся вперед вместе с войсками. И вдруг стало известно, что противник ворвался в расположение нашего соседа — 44-й дивизии,— под угрозой тылы, командный пункт. Связь с КП прервана.

Получили приказ — срочно связаться лично. И группа наших офицеров и политработников в сопровождении автоматчиков быстро направилась к соседям.

Лес — темный и снежный. Редкие бледные звезды блуждают меж верхушек огромных сосен и елей... Сугробы снега и, кажется, никаких дорог. Но строгий окрик: «Стой! Пароль!» — свидетельствует, что лес живет своей скрытой напряженной жизнью... В непроглядной тьме приводят нас к землянке командования. Синие лучики фонариков чуть высвечивают ступеньки. Наметанный глаз подмечает несколько накатов толстых бревен («И прямое попадание не пробьет!..») И вот мы в землянке. За самодельным столом Дмитрий Иванович Сурвилло листает газету.

На наши взволнованные вопросы комиссар спокойно ответил, что действительно был небольшой бой в глубине обороны дивизии, но противник получил отпор, и положение полностью восстановлено. Комдив сейчас отдыхает — на рассвете полки включаются в штурмовые действия.

Собственно, ничего особенного не было ни в самом факте прорыва какого-то участка обороны дивизии, ни тем более в том, что враг получил отпор. Но запомнилось абсолютное спокойствие комиссара: оно звучало не только в его словах, в его уверенных жестах,— весь облик Сурвилло излучал железное спокойствие.

По всему фронту шла слава о бесстрашии и мужестве, презрении к смерти бойцов 44-й Ленинградской дивизии. Внезапные ночные атаки на укрепленные пункты гитлеровцев, смертоносные лыжные рейды по глубоким тылам врага, лихое проникновение в Тихвинский монастырь — один из вражеских опорных пунктов — становились уже легендарными. Ленинградцы мстили фашистам за муки родного города,

не щадя жизни приближали его освобождение. Среди героев дивизии были вчерашние рабочие и студенты, ученые и врачи...

«Ленинградцы — художник Джаков, комиссар Скворцов, медсестра Кузнецова»... За строкой записной книжки — жизнь и смерть скромных и бесстрашных людей... Николай Васильевич Скворцов до войны был доцентом Ленинградского политехнического института. С первых дней войны старший политрук Скворцов — комиссар полка. На пути к Тихвину батальоны полка вместе с танками в лоб атаковали укрепленный пункт немцев в совхозе «1 Мая». Было трудно, и атаку возглавил комиссар полка. Враг разбит, дорога на Тихвин открыта, но комиссар Скворцов пал здесь, сраженный смертельной пулей... Его последним словом было «Вперед!».

Подвиг комиссара полка повторяли в боях комиссары батальонов, политруки рот. А когда в одной из рот встречным огнем были убиты командир и политрук и бойцы приникли к заснеженной холодной земле, во весь рост поднялась девушка в солдатской шинели с санитарной сумкой через плечо, с автоматом в руке.

«За Ленинград!..» — звонко выкрикнул девичий голос, и рота рванулась в атаку, враг был смят... А медицинская сестра Женя Кузнецова погибла в бою, как гибнут герои. Бывшая работница Кировского завода посмертно награждена орденом Ленина.

К. С. Джаков до войны был известен в Ленинграде как своеобразный художник. На фронте он прославился как лихой командир саперного взвода. В районе Лазаревичей, куда бы ни ткнулись фашистские танки — они подрывались на минах Джакова... Он умел ставить мины там, где их меньше всего ждали враги. Орденом боевого Красного Знамени увенчаны героизм и мастерство художника-сапера.

...Когда я вспоминаю о героях славной Ленинградской дивизии, я всегда думаю о комиссаре этой дивизии — бывшем секретаре нашего Приморского райкома партии — Дмитрии Ивановиче Сурвилло. Частица его большого и мужественного сердца коммуниста во всех этих свершениях, имя которым — подвиг народа.

«СМУ — не помеха»...

В канун операции, в часы напряженного боя, каждый из нас нет-нет да прислушивался: не летят ли наши? В дни штурма Тихвина погода чаще всего была нелетной, во всяком случае «СМУ» — сложные метеорологические условия, как почти непрерывно сообщали сводки. И все же не было дня, чтобы наши самолеты не поднимались в низкое серое небо, не бомбили врага...

«СМУ — не помеха»,— записано в моей записной книжке. И на полях: «Авиация — любовь моя!»

...Наверное, я очень странно выглядел в нашей опергруппе: всегда ходил в полной авиационной форме, в синей шинели авиатора, с «птичками» на петлицах. Лишь, отправляясь на передовую, по приказу начальства надевал полушубок и шапку-ушанку, как все командиры.

Авиационную форму носил я по праву: в действующую армию прибыл из политотдела Ленинградской военно-воздушной академии, до войны был политработником авиационных подразделений, имел военную авиационную специальность, при надобности входил в боевой расчет бомбардировщика... И хотя всю Тихвинскую операцию воевал на земле, всегда с особой радостью бывал в авиационных частях, с волнением следил за боевыми действиями летчиков. Записная книжка на многих страницах полна названиями эскадрилий и полков, фамилиями истребителей, бомбардировщиков, пикировщиков — ЛАГГ-3, Пе-2, СБ...

Наступательная Тихвинская операция, рассчитанная на внезапность и стремительность, не могла быть успешной без непрерывной поддержки авиации.

И наши летчики нередко свершали невозможное — сложнейшие метеорологические условия действительно не могли помешать выполнению боевых заданий.

Помню, в один из последних дней ноября довелось мне быть на аэродроме пикирующих бомбардировщиков Пе-2. Новая и лучшая по тем временам машина была гордостью эскадрильи Василия Панфилова. Летчики дорожили своими «пешечками», как любовно

называли они грозный пикировщик, и в это пасмурное утро, когда небо висело низко и тяжело, засыпая землю мокрым снегом, погода была явно нелетной. Но Панфилов получил данные о замаскированном мощном фашистском аэродроме. И весь состав эскадрильи рвался в бой.

Василий Дмитриевич — смелый и опытный бомбардир, за плечами у него годы учебы и боев (в финскую кампанию Панфилов был награжден орденом Красного Знамени), он тщательно взвесил все плюсы и минусы атаки на вражеский аэродром именно в нелетную погоду. Быстро был разработан план опасной и невероятно трудной операции, получено «добро» командования. И вот у нас на глазах свершается чудо: тяжелые бомбардировщики стремительно отрываются от земли, взметая тучи грязного снега, и в сером небе один за другим проносятся характерные силуэты с двумя круглыми «тарелками» на хвостах...

Казалось, прошло много часов, пока одна за другой все «пешечки» стали садиться на своем поле. Сел Панфилов, и командир полка тут же принял первый рапорт... А потом пошли расспросы...

...В густых облаках Пе-2 домчались до вражеского аэродрома и скрытно дали внезапный бомбовой залп. Забелели вокруг разрывы зениток, бомбардировщики вихрем пикируют, бомбовые удары дополняют пушки и пулеметы... Аэродром в огне, вспыхивают взрывы...

Фоторазведка установила: больше двадцати «юнкерсов» и «мессеров» уничтожено, взорваны цистерны с горючим, аэродром надолго выведен из строя.

А через два-три дня Пе-2 эскадрильи Панфилова громили вражеские укрепления и танки в районе Тихвина, бесстрашно пикировали над самим городом... Как радовал наших солдат грозный рев боевых машин! И с какой злобой пытались сбить их фашисты! А пикировщики носились над самой землей. Их мужество и мастерство не знали предела: всего сто метров, семьдесят, пятьдесят метров от земли!.. Огромная машина, кажется, неминуемо врежется в лес. Но прогремел пулемет стрелка-радиста, неся возмездие врагу, и самолет от самой земли резко взмывает вверх. В такой миг пикировщик Панфилова поразил зенитный снаряд. Весь в огне, самолет пронесся над колон-

ной врага, сбросил последние бомбы и исчез за лесом. Взметнувшееся пламя возвестило о его гибели.

Болью в наших сердцах отозвалась эта весть... Но на третий день Василий Дмитриевич со своим штурманом Ковшаровым и стрелком-радистом Матричко, обгорелые и голодные, вернулись на свой аэродром. Их доклад — приключенческий рассказ о железном мужестве трех героев-летчиков, с боями пробившихся к своим...

Прошло еще три дня, и 6 декабря Василий Панфилов во главе своей эскадрильи на новом пикировщике летел на окончательный штурм Тихвина.

А через две недели вся страна читала в «Правде» Указ Президиума Верховного Совета Союза ССР:

«За образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и геройство, присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда»:

лейтенанту Панфилову Василию Дмитриевичу,
лейтенанту Ковшарову Ивану Акимовичу».

Несколькими строками ниже, этим же Указом звание Героя было присвоено и старшему лейтенанту летчику Силантьеву Александру Петровичу. Он летал на истребителе, и его «лагг» не знал поражений.

Все небо в мокрых низких облаках. Хорошо это или плохо? Силантьев отвечал боем. То появляясь над нашими войсками, то исчезая в облаках, поистине «черной молнии подобный», истребитель искал и находил врага, оберегая своих солдат... Лишь в один из дней в районе Тихвина Силантьев сбил два «юнкерса», заставил умолкнуть около десятка зенитных точек... В боях за Тихвин счет сбитых в воздухе вражеских самолетов достиг семи, уничтоженных на аэродромах — превысил пятнадцать... Счет Силантьева продолжал расти, росли и его мужество и мастерство.

Ныне Александр Петрович — генерал-полковник авиации. Он по-прежнему служит в Военно-Воздушных Силах... Но тихвинские бои 1941 года, увенчанные Золотой Звездой, первые боевые вылеты в любую погоду, воздушные сражения не на жизнь, а на смерть,— генерал, наверное, не забудет никогда...

Топографическая карта, подсказанная ребятами...

Эту историю рассказывал нам, политотдельцам, комбриг Стельмах, который слышал ее от самого командарма Мерецкова. Так и помечено в моей записной книжке: «Необычная военная карта». О ней поведал недавно и Маршал Советского Союза П. К. Кошевой. В 1941 году он командовал 65-й стрелковой дивизией, будучи еще полковником.

Сибирская эта дивизия была срочно направлена в район Тихвина 8 ноября 1941 года из Куйбышева, прямо с парада в честь 24-й годовщины Октября. Да, 7 Ноября 1941 года военный парад войск состоялся не только в Москве, но и в Куйбышеве. Здесь тогда размещались некоторые народные комиссариаты (министерства), посольства разных зарубежных стран. Парад принимал маршал Ворошилов...

Эшелоны дивизии по «зеленой улице» домчались с Волги в район Тихвина. Полки и батальоны быстро рассредоточивались в лесу, а командование дивизии торопилось разведать, уточнить обстановку.

«Итак,— вспоминает маршал Кошевой,— враг в восьми километрах от нас... В первую очередь надо сориентироваться на местности, определить, где же свои, где противник. Топографической карты этого района у меня еще не было. Я увидел нескольких ребятишек, неизвестно откуда появившихся на безлюдном полустанке. Пришлось взять газету и превратить ее в карту. Я стал расспрашивать подростков, как называется их поселок, затем выяснил, какие населенные пункты находятся вправо, влево, сколько примерно до них ходу. Нанес показания на газетный лист, сориентировал самодельную карту по странам света и приказал командиру разведывательного батальона уточнить полученные сведения. Это была моя первая фронтовая карта».

Можно представить себе восторг ребятишек, их гордость от того, что большой командир советуется с ними по военным делам, их радость и счастье: Красная Армия пришла и разгромит фашистов!..

Разумеется, скоро дивизия получила настоящие топографические карты и стала готовиться к боям. Но самая первая «карта» на газетном листе долго хранилась как память о первых шагах еще не обстрелянной дивизии на суровом фронте. Можно сказать, что с этой карты-самоделки начался ее боевой путь — от Тихвина в декабре 1941-го до великого Дня Победы в 1945-м.

...Дивизия Кошевого вела бои слева от нашей Северной опергруппы, и мы рады были ощущать успехи сибиряков. Упорно и настойчиво прорывали они оборону немцев, умело седлали шоссейные и железные дороги... Пленные не раз со страхом повторяли: «Рус»... «Сибир»... «Сибир»... И показывали, что боязнь окружения все больше проникает в сознание еще недавно, казалось, «непобедимых» солдат и офицеров корпуса Шмидта.

В штурмовых боях свежая, хорошо вооруженная и одетая Сибирская дивизия являлась ударной силой...

Никогда не забудется ночной штурм Тихвина в ночь на 9 декабря!

Фашисты укрепили улицы и дома, вели непрерывный огонь, рвались в контратаки. Но страх окружения явно нависал над захватчиками. Наши части наступали с юга, с северо-востока, с севера... Захватчики бежали из города, бросая все, что не могли утащить с собой.

Командарм

Когда бывало очень трудно, когда нужно было свершить невозможное, мы говорили бойцам: «Это — приказ Мерецкова», «Командарм лично дал указание». И не было на всем фронте командира и солдата, который не сделал бы все, чтобы выполнить приказ командующего. Его любили и уважали. Знали: распоряжение Мерецкова выражает приказ Верховного Главнокомандования, требование партии, устремление ленинградцев...

Разумеется, приказ любого другого командарма был бы столь же непререкаемым. Но для нас действие приказа многократно усиливалось и обаянием самой

личности Кирилла Афанасьевича Мерецкова. И дело не только в том, что огромен был военный авторитет одного из крупнейших полководцев Красной Армии, руководителя Генерального штаба, заместителя народного комиссара обороны, представителя Ставки Верховного Главнокомандования, генерала армии. В личности Мерецкова, во всей его жизни мы видели идеал народного полководца Красной Армии.

Солдата всегда интересует, откуда родом его старшина, командир взвода, командир и политрук роты, чем славен комбат, комдив, а тем более командующий армией, фронтом. Ведь в их руках жизнь солдата, судьба каждого боя и всей войны...

И как приятно было рассказывать солдатам о Мерецкове.

Да, в облике Мерецкова счастливо сочетались крестьянское происхождение, рабочая юность, живые традиции революции, гражданской войны... Достаточно было сказать, что он вступил в партию Ленина в 1917 году, и сразу лица слушателей оживлялись, беседа становилась более теплой. Вот какой у нас командарм!

Внук крепостного, сын бедного крестьянина Рязанской губернии, рабочий-слесарь мечтает стать учителем, потом инженером-химиком, но Революция призывает молодого большевика к оружию. Ему еще никогда не приходилось стрелять из винтовки, но в 1917 году уком партии назначает Мерецкова начальником штаба Красной гвардии в маленьком городе Судогде, недалеко от Москвы.

Через много лет маршал вспомнит об этом так:

«В дальнейшем мне довелось пройти на протяжении четверти века еще десять штабных должностей: начальника штаба бригады, помощника начальника и начальника штаба дивизии, помощника начальника штаба корпуса, начальника штаба округа, начальника штаба отдельной армии, помощника начальника и начальника Генерального штаба РККА. Этот длинный путь начался, как видно, в 1917 году (в Судогде)...»

Но разве можно вместить в эти штабные этапы (при всей их важности) яркую боевую жизнь Кирилла Мерецкова! Совсем еще молодой краском, в тяжелых сапогах, в мятой фуражке со звездой, в старой, зала-

танной гимнастерке и с большой шашкой через плечо, воюет в конармии Буденного, под Казанью, на многих других фронтах. Был он и командиром, и комиссаром, получил тяжелые ранения и первый орден Красного Знамени... В двадцать один год он — слушатель военной академии, а через несколько лет — начальник штаба Белорусского военного округа. В начале тридцатых годов Мерецков — на Дальнем Востоке, в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, крепит ее плечо к плечу с Блюхером, а затем надолго исчезает... Лишь не так давно стало известно, что Мерецков в 1936 году в числе других видных советских военачальников добровольцем поехал защищать республиканскую Испанию от фашизма. Он был военным советником Мадридского фронта...

Кстати, о Мерецкове в Испании пока написано мало. Но вот есть неожиданное свидетельство в романе М. Шолохова «Они сражались за Родину». Один из главных героев романа Александр Михайлович — генерал, воевал добровольцем в республиканской Испании. Он рассказывает друзьям:

«Насмотрелся я на своих в Испании и возгордился дьявольски! Какие орлы там побывали! Возьми хоть комдива Кирилла Мерецкова или комбрига Воронова Николая, а полковник Малиновский Родион, а полковник Батов Павел. Это же готовые полководцы, я бы сказал, экстракласса!»

Генеральный штаб Красной Армии... Ленинградский военный округ. Здесь генерал Мерецков, обогащенный опытом гражданской войны и испанских боев, возглавляет решающие сражения против белофиннов. Всем нам, бойцам и командирам Седьмой Отдельной армии, было интересно знать, что тогда Мерецков также командовал Седьмой армией, вошедшей в историю как армия, прорвавшая «неприступную» «Линию Маннергейма». За этот подвиг и сам Мерецков был удостоен Золотой Звезды Героя. Забегая вперед, скажу, что после тихвинской победы, в первые месяцы Великой Отечественной войны, Мерецков командовал затем Волховским фронтом, тем славным фронтом, который прорвал блокаду Ленинграда, внес решающий боевой вклад в освобождение города Ленина. Командовал Карельским фронтом, способствовавшим освобож-

дению Норвегии от фашизма. А уже после Победы над фашистской Германией, после Парада Победы, где Мерецков открывал парад во главе сводного полка самого северного фронта Отечественной войны — Карельского,— уже осенью 1945 года он — на Дальнем Востоке громит квантунскую армию японского империализма... Имя генерала (а вскоре маршала) — героя уже при жизни становится легендарным...

А в далекие дни весны 1940 года в только что взятом Выборге я впервые увидел Кирилла Афанасьевича Мерецкова... Могли ли мы предполагать тогда, что пройдет лишь год с небольшим и снова мы увидим Мерецкова нашим командующим, командующим Седьмой Отдельной и Четвертой армиями, что под его водительством нанесем один из первых в Отечественной войне мощных ударов «непобедимым» гитлеровским дивизиям!..

А вот из рассказов самого Кирилла Афанасьевича Мерецкова:

«Дело было под Тихвином. Атака дивизии П. К. Кошевого захлебнулась. Я находился в тот момент недалеко и решил подбодрить солдат. Увидев командующего, они сразу поднялись и снова пошли в атаку. Позиции врага остались у нас за плечами...»

«Знакомиться с обстановкой прибыл представитель Ставки К. Е. Ворошилов. Я сопровождал его. Мы были на командном пункте дивизии, вклинившейся в расположение противника. Вдруг поднялась стрельба. Выскакиваем из землянки. В чем дело? Оказалось, что прорвался вражеский десант автоматчиков при поддержке самоходок и окружает КП. Мы, вероятно, сумели бы пробиться к своим, но, отвечая за безопасность представителя Ставки, я не мог рисковать. Связываюсь по телефону с седьмой гвардейской танковой бригадой и приказываю прислать на выручку танки. Комбриг докладывает, что все боевые машины выполняют задание, налицо один танковый взвод, да и тот после боя не в полном составе.

Делать нечего. Пока пара танков мчится к КП,

организуем круговую оборону подручными силами. Несколько связистов и личная охрана развернулись в жидкую цепочку и залегли с автоматами. Минут пятнадцать отбивались. Но вот показались наши танки. Сразу же наши бойцы поднялись в атаку, следуя за танками, смяли фашистов и отбросили на полкилометра, а потом подоспевшая пехота завершила разгром прорвавшейся вражеской группы. Когда стрельба улеглась, в блиндаж вошел танкист, весь в копоти, и доложил: «Товарищ генерал армии, ваше приказание выполнено. Прорвавшийся противник разгромлен и отброшен!»

Ворошилов вгляделся в танкиста и воскликнул:

— Кирилл Афанасьевич, ведь это твой сын!

Климент Ефремович видел моего сына еще до войны и теперь сразу узнал его. Лейтенант Владимир Мерецков командовал танковым взводом в 7-й гвардейской танковой бригаде. Когда я звонил в бригаду, Владимир как раз подвернулся под руку комбригу и был послан к нам на выручку.

Помню, на вопрос К. Е. Ворошилова: «Этот сын — твой единственный?» — я ответил: «Все бойцы тут мои дети»,— но внутренне гордился сыном, что в свои 18 лет он честно и верно служит Родине. Там, на фронте, он вступил в члены нашей партии». (Сейчас Владимир Мерецков — генерал-лейтенант, продолжает дело отца.)

В гражданскую войну Мерецкову довелось быть и комиссаром. «Комиссарская душа» не выветрилась и у генерала армии. Общаться с красноармейцами, встречаться с ними в окопе, в землянке он всегда находил время. Корреспондент «Красной звезды» записал одну из таких бесед:

«Было это в лесу близ деревни Бор, недалеко от Тихвина. Бойцы из сильно поредевшей 191-й стрелковой дивизии окружили командарма. Стояли, переминаясь с ноги на ногу, отворачивались от пронизывающего ветра.

Начался разговор с погоды. Север есть Север.

— Да, тут не Крым,— сказал один из солдат.— А одежда у нас, поди, крымская...

— Завтра же получите теплое обмундирование,— сказал Мерецков.

— Точно? — недоверчиво спросил худощавый сержант.

— Все, что говорит командующий,— точно, иначе как же вам с ним в бой идти! — ответил Мерецков.

Кирилл Афанасьевич стал расспрашивать, откуда солдаты родом. Нашелся земляк, из подмосковного Венева.

— А я Зарайский... Слышал, небось? — спросил командарм.

— Как не слыхать...

Осмелевший земляк пробился поближе к командарму:

— Могу вам, товарищ генерал, вопросик задать?

— Давай...

— Скажите, почему у гитлеровцев все есть — и самолеты, и танки. А у нас — в обрез... Как-то даже непонятно: небо наше, а самолеты чужие...

На смельчака зашикали.

— А чего вы? — повысил голос Кирилл Афанасьевич.— На противника сейчас вся захваченная им Западная Европа работает. И у него действительно больше и автоматов, и танков, и самолетов. Сегодня больше. А завтра, думаю, и у нас столько же будет. А послезавтра и того больше...

— Когда же это послезавтра? — настаивал земляк.

— Вот этого сказать не могу. А гадать не хочу. Но будет. Будет!.. Верь мне.

И после короткой паузы Мерецков продолжал:

— А пока, товарищи, ничего не обещаю, но требовать буду. Нам надо воевать тем, что у нас есть, и воевать хорошо... По опыту знаю: можно сотней снарядов ничего путного не сделать, а можно и десятком нанести врагу большой урон... А теперь я вам задам вопрос: какая наша задача здесь, под Тихвином?

— Отдали — значит, надо его взять назад.

— Правильно. И я так считаю. Обязательно надо освободить Тихвин. И как можно скорее. Этим мы облегчим положение Ленинграда. Я надеюсь на вас, товарищи».

И вот, накануне Тихвинской операции, в Алеховщине, на Свири, командарм приходит в нашу полит-

отдельскую землянку и ведет дружескую беседу с комиссарами будущей опергруппы... Радуемся тому, как высоко ценит он политработу, как понимает ее важность в боевой обстановке.

И вот мы летим вместе с Мерецковым в одном самолете навстречу неизвестным опасностям, боям и победам — на Тихвин. Поражаемся его железному спокойствию. Оно передается всем.

И где бы мы ни бывали в дни и ночи Тихвинской операции — у генералов и среди красноармейцев, в дивизионных штабах и на передовой,— везде мы слышали рассказы и легенды о нашем командарме — «вездесущем», «неугомонном и беспокойном», «беззаветно смелом», «бесстрашном», «заботливом и внимательном»...

Дивизия генерала Андреева вела тяжелые бои. Противник стремился охватить левый фланг, сорвать задуманную операцию. К вечеру прямо на передовую, на позиции авангардного батальона капитана Маньковского, прибыл Мерецков. Генерала армии пытались увести с опасного участка. Он отмахнулся, взял у своего адъютанта карту и поставил батальону задачу — ударить наперехват важной для гитлеровцев дороги.

— Выполните задачу, буду ходатайствовать о награждении. Свой орден Красного Знамени вам одену,— сказал генерал капитану.

Батальон, а за ним вся дивизия задание командарма выполнили с честью.

По всей армии знали, как Мерецков вводил в первый бой свежую Сибирскую дивизию полковника Кошевого. Сам комдив (впоследствии маршал) так рассказывает об этом:

«Надо побывать под огнем,— сказал Мерецков.— Покрасьте свою машину в белый цвет и проведите-ка денек на передовой. Это недалеко, около Астрачи... А к вечеру выбирайтесь и приходите ко мне, расскажите, что и как...

Назавтра, едва рассвело, я был уже на передовой. Поразила близость врага — не более трехсот метров. Вокруг рвались бомбы, снаряды, мины. Осколком за-

дело красноармейский полушубок, который был на мне. Пришлось ползать под огнем, прятаться в траншеях, перебегать от воронки к воронке. День показался вечностью. Когда стемнело, я, уже совершенно оглушенный, добрался до лесочка, где была замаскирована моя «эмка», и — прямо в деревню к командующему.

Мерецков спросил напрямик: страшно было? Я признался: очень страшно, прятался в траншеях и воронках.

— А завтра,— сказал Кирилл Афанасьевич,— надо послать на передовую командиров полков. Пусть тоже перед первым боем понюхают пороху. Затем направьте и командиров батальонов.

На «боевую акклиматизацию» ушло три дня. А на четвертый командарм поставил дивизии конкретную боевую задачу...»

Из письма К. А. Мерецкова Верховному Главнокомандующему о практике лесного боя (сентябрь 1941 года):

«Я на поле боя наблюдал, как дерутся бойцы, и непосредственно с ними разбирался в боязни лесного окружения. Должен отметить, что при всех обстоятельствах, за исключением отдельных случаев, бойцы дерутся стойко и смело идут в контратаки... На основе личного опыта считаю, что в лесной местности должен найти широкое применение тип облегченных бригад.

Создание оперативных групп сокращает количество мелких штабов, с которыми армия держит связь, ликвидируются карликовые соединения и значительно сокращаются линии, по которым осуществляется управление...»

И вот у нас на глазах зреет и воплощается в стремительное действие смелая, гибкая и мудрая мысль народного полководца. Она вступает в кипучее единоборство с многоопытной и злобной машиной фашистской стратегии и тактики захватчиков. За ними — перевес в танках и самолетах, у них — обилие снарядов и грозные и тупые человеконенавистнические при-

казы. Черной силе порабощения Мерецков противопоставляет светлую идею освобождения. Призыв партии, воля и гнев народа окрыляют, и, как молнии возмездия, поражают оккупантов оперативные группы и партизанские отряды, действующие по единому плану командарма...

* * *

Последний раз мне довелось видеть Кирилла Афанасьевича Мерецкова через три года после Победы, в 1948 году. На Красной площади в Москве 7 Ноября Маршал Советского Союза Мерецков командовал парадом. Принимал парад Маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко — герой гражданской войны... На конях темной масти, подтянутые, моложавые, со сверкающими парадными шашками на боку, старые маршалы объезжали войска, построившиеся для парада... Наверное, они вспоминали Первую конную, лихие конные атаки гражданской войны, сражения Отечественной, и для всех нас Тимошенко и Мерецков были живым воплощением боевых традиций Революционной Красной Армии, ее роста, непревзойденного совершенствования и никогда не стареющей неувядаемой славы вооруженного народа...

«Северное сияние», «Тихвинский разгром»

В канун решающего штурма Тихвина, 5 декабря 1941 года, в моей записной книжке помечено: «Северное сияние». Нет, это не код секретной операции. Темная зимняя ночь действительно внезапно озарилась трепещущей холодной радугой, словно десятки светящихся авиационных бомб повисли вдруг над заснеженными лесами и болотами, изрезанными боевыми позициями...

Что же касается самой операции, то она стремительно приближалась к решающему штурму.

Стальная пружина Тихвинской операции раскручивалась до конца с неудержимой силой. Острые стрелы на карте командарма были нацелены на окружение вражеских частей в Тихвине и их уничтожение.

Последний штурм, начавшийся утром 5 декабря, генерал армии Мерецков поименовал «второй фазой наступления». Вот как он сам пишет об этом:

«Северная опергруппа в этот же день очистила перед собой весь правый берег реки Тихвинки. Войска группы кроме захвата шоссейной дороги Тихвин — Волхов получили возможность вести наблюдаемый артиллерийский огонь по железной дороге на большом участке. Войска опергруппы генерала Павловича к исходу дня 5 декабря перехватили грунтовую дорогу из Тихвина на Будогощ и начали продвигаться в сторону Липной Горки... Успешно развивалось наступление на восточных и южных подступах к городу...

В ночь на 9 декабря началась решительная атака на Тихвин».

А вскоре Совинформбюро сообщило о замечательной победе.

«Правда» назвала свою статью «Тихвинский разгром».

Политдонесения этих последних дней полны сообщений о массовом героизме.

Жизни своей не щадили артиллеристы-разведчики, чтобы выследить, выявить смертоносные огневые точки врага, подавить их и сберечь этим сотни, тысячи жизней красноармейцев.

В непрерывных боях, в канун штурма Тихвина, под натиском танков и «кинжального» — прямого огня вражеских пулеметов — наши части в один из дней вынуждены были на время оставить Лазаревичи, отойти. Заняли новые рубежи, готовились к контратаке. Тут в 815-м артиллерийском (он вел бой вместе с пехотой) хватились помощника начальника штаба полка по разведке лейтенанта Рыбчинского. Не верили товарищи, что случилось недоброе, знали осторожность опытного разведчика, ждали. Ночью постовые заметили белую фигуру на снегу. Огня не открывали... И не ошиблись: это был Рыбчинский — промерзший, как сосулька, с трудом приползший к своим.

— Срочно к начальнику штаба полка! Важные

данные...— еле выговорил он. Его быстро перенесли в соседний блиндаж, и тут поразились даже видавшие виды разведчики-артиллеристы.

Лейтенант решил остаться в Лазаревичах после отхода наших частей и любой ценой разведать, откуда ведут обстрел гитлеровцы.

— Ведь это мой долг! — говорил Рыбчинский начальнику.— Я воспользовался суматохой и пробрался на чердак одного из домов... Наблюдал, запоминал... Теперь ясно, куда бить надо... Разведзадание выполнено...

Лейтенанта отвезли в медсанбат, а его наблюдения помогли на рассвете выбить гитлеровцев из Лазаревичей... Подвиг Антона Марковича Рыбчинского не был забыт. Вскоре героя-артиллериста поздравляли с орденом боевого Красного Знамени.

Своему лейтенанту стремились подражать и другие разведчики. Особенно отличались бойцы — уроженцы местных сел. Григорий Марченко и Евгений Ионов в тихвинских лесах были как дома. Они часами просиживали в лютые морозы на вершинах сосен, пробирались невидимками к штабам и позициям немцев, и туда направлялись меткие залпы...

Звонко и широко прозвучала в те дни слава полка, ворвавшегося в Тихвин первым. Командовал им подполковник Михаил Никанорович Галкин. Полк славился своими разведчиками, и успех операции «Тихвин» обеспечила именно разведка. Капитан Потемкин, комбаты Нешко и Боголюбов провели ударные батальоны с пулеметами на плечах по вязкому болоту, с поразительной точностью обошли огневые точки противника и, ударами с флангов и тыла обратив врага в бегство, ворвались в город.

Началось преследование отступавшего противника. Все дороги на Волхов были забиты фашистскими танками, пушками, всюду трупы гитлеровцев...

Главное, во имя чего больше месяца шли здесь тяжелейшие бои, свершилось: вскоре после освобождения Тихвина была полностью очищена железная дорога Тихвин — Волхов. Тихвин еще лежал в руинах, под Волховом шли непрерывные сражения, а от разрушенного Тихвинского вокзала уже отправлялись эшелоны с продовольствием для Ленинграда. И не было

большей радости для фронтовиков, чем весть о том, что в конце декабря 1941 года нормы выдачи хлеба в блокадном Ленинграде повышены! Ленинград живет, он выстоит и победит!

Часть вторая

Комиссары зажигают сердца

Теперь я перехожу к тому главному, ради чего написаны эти страницы через три десятилетия после Тихвинской операции. О самой операции рассказано уже немало. Но успех одного из первых в Отечественной войне контрударов по кичившимся своей непобедимостью фашистским дивизиям, действительно вооруженным до зубов, решало и движение сердец, наступательный порыв наших бойцов и офицеров.

Юные читатели нередко спрашивают: «А что делали на войне комиссары?» Воевали, как и все другие, но были они всегда впереди, на самых трудных и опасных участках фронта. Они не только воевали сами. Они вели за собой других.

В любой обстановке — в бою и на привале — комиссары, политруки несли слово партии, вселяли уверенность в победе, поднимали боевой дух. Комиссары зажигали сердца...

В моей записной книжке сохранилось много заметок о комиссарах, о политической работе в боях. Краткие, иногда полузашифрованные строки звучат в моем сердце голосами друзей, оживляют картины далекого, но незабываемого прошлого.

«Политруки гибнут первыми. И побеждают!.. Ястребов. Кузьмин»

Политрук роты, комиссар батальона — их душа и сердце. Они живут среди бойцов, знают каждого, и их знают все. В трудную минуту все взгляды на полит-

рука. Как он?.. И политрук смел, решителен, первым поднимается на врага, за ним поднимается рота, батальон...

184-й отдельный саперный батальон Седьмой армии раньше других прибыл в район Сарожи и почти с ходу двинулся в бой. Обычно задачи саперов особые, они делают свое смелое дело, не имея права на ошибку. Но в атаки ходить саперам приходится нечасто. А здесь, под Тихвином, в первые дни боев главным было — наступать, остановить немцев, бить их.

Темная вьюжная ночь, суровый мороз, глубокий снег, дорога к хутору Вехтуй, на пути к укрепленному пункту Березовик — первое боевое задание саперам. Комбат майор Давиденко и комиссар батальона политрук Ястребов кратко напутствовали бойцов.

— Этой ночью мы выполняем роль десантников. Движемся скрытно, без звука снимаем часовых, и — в атаку! Хутор наш! — так говорил комиссар. И разведчики уже исчезли во мраке, а три роты саперов замерли на снегу... Ракета, и — вперед! Голоса комбата и комиссара Ястребова зовут в атаку...

Через час Давиденко доложил опергруппе, что хутор освобожден, в штаб отправлены пленные и трофеи.

Впереди — Березовик. На рассвете саперы бок о бок с танкистами и пехотой — в наступлении.

«Чем дальше мы продвигались на запад, приближаясь к Тихвину, тем ожесточеннее становились бои.— Это вспоминает командир взвода саперов Трихин.— Особенно тяжело нам пришлось у деревни Заболотье. Здесь за день мы отбивали по нескольку вражеских контратак. И когда было особенно трудно, всегда с нами был комиссар батальона политрук Александр Георгиевич Ястребов. Этот невысокий коренастый человек удивлял всех своей железной выдержкой и полным презрением к опасностям. Стоило взглянуть на его пробитый пулями, истерзанный осколками полушубок, как становилось ясно, что наш комиссар не раз попадал в серьезные переделки...»

Политрук Александр Ястребов вместе с комбатом был всегда там, где опаснее. Его молодой голос пере-

крывал шум боя... Батальон ворвался в Березовик, но навстречу двинулись фашистские танки. Бойцы залегли, казалось, наступление захлебнется. Но тут во весь рост встал Ястребов, сплошь увешанный гранатами. Он крикнул: «Вперед!» — и бросился на танки врага, увлекая за собой батальон... От метких попаданий гранатометчиков сразу задымились три танка. «Ура, саперы!» — прозвучал над полем голос Ястребова, и он упал на снег, скошенный пулеметной очередью...

Саперы продолжали продвигаться вперед. Танковая атака немцев сорвалась.

...Еще часа два назад танковая рота 46-й бригады, замаскировав машины в густом ельнике, расположившись на снегу, слушала своего политрука. Радовало умение Михаила Кузьмина говорить с людьми... Мы знали, что Кузьмин — сын горьковского рабочего, что на фронт он приехал, окончив военно-политическое училище, и были в нем душевность рабочего человека и строгость уверенного в своей правоте, в своих убеждениях вожака-коммуниста.

Он рассказывал о параде на Красной площади в Москве 7 Ноября 1941 года, о докладе И. В. Сталина на торжественном заседании в честь 24-й годовщины Октября, показывал газеты с фотографиями: танки проходят мимо Мавзолея В. И. Ленина, направляются прямо на фронт.

И как-то особенно проникновенно, взволнованно он повторил памятные слова, обращенные несколько дней назад с трибуны Мавзолея к участникам парада в Москве:

— На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков...

Танкисты не забыли этих слов, когда по сигналу зеленой ракеты стремительно двинулись в наступление. В головном танке был политрук Михаил Кузьмин.

Об этом бое нам рассказывали потом раненые танкисты в медсанбате.

Немцы отходили. Один из наших танков, преследуя их, врезался в колонну фашистов, оторвавшись от своих. Кузьмин увидел, что танк загорелся, двинулся на помощь. Но близко подойти не удалось, и полит-

рук, приказав экипажу вести огонь, рывком выбрался из танка и, не обращая внимания на ожесточенный обстрел, быстро пополз к товарищам. В какие-то доли секунды он сумел забраться в горевший танк. Водитель оказался убитым, весь экипаж изранен.

Кузьмин завел машину, и горящий танк рванулся на перепуганных немцев, ворвался в рощу, деревьями сбил с брони огонь, развернулся и, не дав опомниться врагу, раздавил пулемет, орудия...

К нему подоспела вся наша танковая рота, атака продолжалась.

Кузьмин вел бой уже в своей машине. Он подбил еще два фашистских танка, когда кончились боеприпасы... Приказав роте преследовать противника, Кузьмин хотел пополнить боекомплект, но вражеский снаряд попал в бензобак. Танк загорелся, и немцы с воем навалились на машину, забрасывая ее гранатами, призывая сдаваться в плен. В ответ раздалось пение «Интернационала»...

Когда подошли наши танки, политрук Кузьмин был уже мертв.

«Политруки гибнут первыми. И побеждают!.. Жизнь и смерть политрука Кузьмина — пример для каждого из нас...» — такая запись сделана в моей записной книжке в день похорон Миши Кузьмина. Видимо, кто-то сказал эти слова у могилы нашего друга.

«Памятка политруку в наступлении»

Образы Ястребова, Кузьмина и многих других боевых комиссаров, политруков, как живые, стояли перед нами, когда мы коллективно писали в те дни «Памятку политруку в наступлении». Необходимость в такой «Памятке» вызывалась и тем, что состав политруков все время обновлялся, а, кроме того, по нашему замыслу, «Памятка» должна быть обращена и ко всем политбойцам, к каждому коммунисту и комсомольцу.

Писалась памятка быстро. Хотелось, чтобы главные мысли запомнились и повторялись как строки знако-

мой и близкой боевой песни. Некоторые призывы так и писались — в рифму.

Она сохранилась у меня, эта «Памятка политруку в наступлении», отпечатанная на грубой бумаге военных лет в походной типографии армейской газеты «Во славу Родины». Приведу здесь некоторые строки.

> «1. Политрук, помни! Основную тяжесть борьбы выносят на себе рота, взвод, отделение. Там зарождается победа.
>
> **Наш путь — вперед! Назад ни шага! Фашизму мы несем разгром! Сплоченность, мужество, отвага дают победу над врагом!..**
>
> 2. Всю свою энергию, всю большевистскую страстность направь на выполнение боевого приказа. Помни: **свой долг выполнять мы должны до конца. Приказ командира — закон для бойца!**
>
> 3. Одному всего не охватить! Не забывай: у тебя имеются верные помощники — агитаторы-коммунисты, комсомольцы, боевой актив.
>
> **В бою, жестоком и суровом, шли агитаторов вперед, и пусть их пламенное слово бойцов на подвиги ведет!**
>
> 5. Политрук — душа роты. Изучи каждого бойца, знай его помыслы, чаяния, настроения.
>
> **Дружи с бойцом! В бою, в походе, урвав минуту на свободе, с ним по душам поговори и теплым словом ободри.**
>
> 7. Ни на минуту не забывай о поднятии морального духа воинов! **Чтобы фашистским изуверам в своей же утонуть крови, ты личным доблестным примером бойцов в атаке вдохнови!**
>
> О важнейших событиях, о победах Красной Армии, о героических делах советских бойцов — обо всем рассказывай бойцам. Помни: каждый успех советских войск вдохновляет бойца, подымает его ярость к врагу!
>
> **Буди в бойцах своих отвагу и ежечасно на войне напоминай им про присягу — про клятву, данную стране!**

10. Заботливо пекись о каждом, как подчас ни трудна обстановка.
К бойцу заботу проявляй — и обувай, и одевай, следи, чтоб вовремя питали!.. Это твоя прямая обязанность! Используй минуты затишья, дай возможность бойцу отдохнуть, набраться свежих сил, чтобы еще крепче бить врагов!
Все поставь на службу выполнения приказа командования! В этом — главное! В бою иди плечо к плечу с командиром, помогай ему, будь готов заменить его в любую минуту! Накапливай опыт, совершенствуй свои военные знания! Работай страстно, по-большевистски, будь достоин звания комиссара!

Пусть образ великого Ленина вдохновляет тебя!»

«По цепочке...»
«Это было в октябре 1919 года»...
«Мсти, боец!»

Неисчерпаемым источником разговоров в землянке, в окопе, на привале являлись ежедневные сообщения от Советского информбюро. На передовые позиции в любое время дня и ночи, с любой оказией передавались переписанные от руки или наспех напечатанные на машинке строки этих сообщений. Командир любого ранга, офицер связи, спешащий со специальным боевым приказом, шоферы попутных машин, танкисты и летчики, бойцы полевых кухонь, санитары и вездесущие почтальоны — никто из них не появлялся на передовой без новой сводки Совинформбюро. Бывало так трудно, что иногда бойцы оставались без пищи, без боеприпасов, но сообщение от Советского информбюро доходило на позиции ежедневно. Сводки бывали разные — обстоятельные и краткие, и всегда политрук, комиссар находили в них тему для разговора с бойцами: о положении на фронтах, о героизме наших воинов, о состоянии фашистской армии, о жизни советских людей в тылу...

На многих сообщениях Совинформбюро были пометки политотдела: «Если невозможна беседа — обязательно передать по цепочке. Очень важно».

Что значит «по цепочке»?

В боевой обстановке часто случалось так, что провести беседу, прочесть газету бойцам не представлялось возможным. А сообщения пришли важные. Довести их до каждого человека было необходимо. Помню, поступили вести о разгроме немцев под Москвой. Разве можно было ждать, пока удастся собрать бойцов на беседу? Под смертоносным обстрелом политрук пробирался по ходу сообщения и передавал близлежащему солдату радостную, вдохновляющую весть, иногда на ухо, сквозь грохот артиллерии:

— Немцев бьют под Москвой, фашисты отброшены, окружены, огромные трофеи, тысячи пленных. Передай по цепочке...

Боец радостно улыбается, настроение сразу поднимается, крепче сжимается оружие. Он отвечает на дружеское пожатие руки, кивает головой: все, мол, понял, передам дальше... И выбрав момент, выкрикивает на ухо соседу радостную новость.

Гремят артиллерийские залпы, непрестанно ухают минометы, бойцы прижались к земле в ожидании сигнала к дальнейшему наступлению. Ничего, казалось, не изменилось вокруг, но вся рота уже знает о разгроме немцев под Москвой, и с новыми силами, с удесятеренным порывом и с еще большей уверенностью пойдут красноармейцы на врага и будут бить его, «как под Москвой»...

Для бесед с бойцами широко использовались газеты Четвертой и Седьмой армий («В бой за Родину!» и «Во славу Родины»), и прежде всего страницы «Правды», «Красной звезды». Зачитывались и пересказывались гневные публицистические выступления Эренбурга, Шолохова, Алексея Толстого, международные обзоры, статьи с Урала, Средней Азии, Казахстана.

В записной книжке обведено красным карандашом: «Это было в октябре 1919 года». Имелась в виду своеобразная статья в «Правде» под таким названием. Автор ее, один из старейших революционеров-ленинцев, Емельян Ярославский сравнивал трудные дни осени и зимы 1941 года с 1919 годом. Он писал:

«В напряженных боях, в грозной обстановке пылавшей всюду гражданской войны, в холоде и голоде билась Красная Армия против врагов осенью 1919 года. И все же враг был разбит на всех фронтах — победа осталась за советским народом».

Читая эту статью, сравнивали нашу страну сороковых годов с разрушенной и отсталой Россией 1919 года, нашу Советскую Армию с только нарождавшейся, голодной, необутой, почти не вооруженной Красной Армией 1919 года. Вывод был один: мы победили тогда, мы безусловно победим в этой войне, живы, неодолимы революционные традиции, развитые и окрепшие за десятилетия советского строя.

И вслед другая запись: «Мсти, боец!» Читают и даже поют, переписывают вместе с «Жди меня» Симонова. Размножают, как листовку».

В армейской газете «Во славу Родины» было напечатано стихотворение красноармейца Степана Загоруйко «Мсти, боец!». Он писал его в перерыве между боями и, пересылая стихи через полевую почту в обычном самодельном солдатском конверте-треугольнике, не был уверен, дойдут ли они по адресу, доведется ли увидеть их на страницах газеты: солдат всегда под огнем... Но стихи были напечатаны и так пришлись по сердцу фронтовикам, что сразу же пошли по рукам. Мы размножали на пишущих машинках эти взволнованные строки, написанные красноармейцем. И политруки читали их перед боем, и солдаты повторяли про себя как клятву:

Клянись, что ты врагам не дашь прощенья!
Что беспощаден будет час отмщенья!..

Я сохранил эту выцветшую от времени армейскую газету, привожу здесь текст этого стихотворения и думаю, что Константин Симонов не будет в претензии за то, что его известнейшее «Жди меня» делило на нашем участке фронта популярность со скромными стихами красноармейца Степана Загоруйко.

Мсти, боец!

Не сон в ночи приходит к изголовью —
Мой край родной, стоишь ты предо мной.
Поля горячею политы кровью,
Поля, заросшие травой...

Где зеленью дышали нивы
И пестрыми разливами цветов,
Где песни пели мы о юности счастливой,
О радости труда, о тишине садов...

Где дом родной встречал нас теплой лаской,
Где ветви яблонь гнулись на крыльцо,—
Там пламя рвется в дикой, злобной пляске,
Там слышен горький стон отцов.

Там никого не видно средь села.
А где был сад — осталось пепелище.
И чей-то дом, что подожжен вчера,
Еще дымит, похожий на кладбище.

Ты видишь ли все это, друг-боец?
Клянись, что ты врагам не дашь прощенья!
Что беспощаден будет час отмщенья,
Как лезвие штыка, как пули огненный свинец!

«Но все-таки... все-таки впереди огни!»

О чем скажет сегодня эта странная как будто пометка в записной книжке с припиской: «Огоньки» — Короленко»? Но вот нахожу среди скромных памятных реликвий тихвинской поры изветшавший листок календаря и сразу вспоминаю... На обороте календарного листка напечатан отрывок — «Огоньки». Да, помню, как любил читать вслух эти строки наш самый старый и уважаемый комиссар Мартыненко в политотдельской землянке и как гремел при этом его густой, «шаляпинский» бас:

— Да-да! И старика Короленко можно взять на вооружение. Видишь, бойцы пали духом, прочти им с чувством «Огоньки» — посветлеют. Сам пробовал не раз — доходит!..

Мы были согласны с нашим мудрым Михаилом Алексеевичем и «брали на вооружение» Короленко.

Давно нет уже в живых комиссара Мартыненко, но когда сегодня, через три десятилетия, вновь перечитываешь «Огоньки», живо ощущаешь, чем могли привлечь фронтовиков 1941 года совсем не военные эти строки, какие струны их сердец трогали.

Короленко рисует темную и как будто беспросветную ночь на угрюмой реке. Далек и труден путь, но «вдруг на повороте реки, впереди, под темными гора-

ми мелькнул огонек. Мелькнул ярко, сильно»... До ночлега еще далеко, очень далеко... «И опять приходится налегать на весла... Но все-таки... все-таки впереди огни!»

«Дружеские беседы — как добиться победы». «Егор Наводчиков»

Наверное, не было в действующей армии такой дивизии, полка, такой роты, где не признали бы своим Василия Теркина... Он вобрал в себя типичные черты бывалого бойца, никогда не теряющего бодрости, умеющего хорошо воевать и с шуткой-прибауткой передавать это умение товарищам на страницах фронтовой газеты. В нашей Седьмой Отдельной был свой удалец, и солдаты, разворачивая свежий лист «Во славу Родины», искали новые строки Егора Наводчикова. Именно Егора и его «Дружеские беседы — как добиться победы» имеет в виду пометка в записной книжке. «Беседы» в простой форме душевного разговора учили тому, что было главным и решающим для выполнения боевого приказа. Писал их ленинградский поэт В. Владимиров, сотрудник нашей газеты.

«Мои заметки по части разведки»,— начинает беседу Егор Наводчиков.

> «Из армейских всех словечек и к тому же на войне званье смелое «разведчик» больше всех по нраву мне.
> Что быть может интересней то лугами, то в логу, по тропам, по перелескам пробираться в тыл врагу? Все разведать досконально, поразнюхать, повидать — и об этом моментально командиру передать, познакомить с обстановкой кратко, точно, без прикрас... Это — факт: разведчик ловкий — командира верный глаз!
> Командир, узнав от «глаза», где коварный враг слабей, налетит на гадов сразу вместе с ротою своей, их сомнет атакой смелой, уничтожит всех подряд, и от погани от белой только перья полетят!..

Это — крепко! Это — метко! Много дела, мало слов! Так всегда должна разведка помогать громить врагов!..»

И течет беседа складно и ладно, и со смыслом. Делится Наводчиков опытом поимки «языка», учит ходить по лесу «без шуму и без гаму». И так завершает разговор:

«Чтоб разбить фашистских гадов и в муку́ их истолочь, нам вести разведку надо непрерывно, день и ночь. Быстро действовать и смело — без разведки ни на шаг! — и всегда быть в курсе дела: что задумал подлый враг?..

Крепче нет для нас завета! Помни каждый день и час: на войне разведка — это командирский слух и глаз!»

«Укрываться надо так, чтоб тебя не видел враг!» — поучает в другой раз Егор Наводчиков молодых бойцов:

«Боевая обстановка говорит нам: действуй ловко, действуй скрытно — в общем, так, чтоб тебя не видел враг. Будь ты в поле иль в лесочке, все используй: ямы, кочки, каждый кустик, бугорок и канавы у дорог.

Если враг тебя не видит, значит, пуля не обидит, не заденет автомат, мины мимо пролетят. Ты зато врагу навстречу сыпь и пулей, и картечью!.. Подпусти поближе гада, да и дай ему как надо, чтоб в итоге от него не осталось ничего!»

«Расправляйся с врагом минометным огнем»,— советует бывалый солдат Егор в одной из своих бесед:

«Можно гадов гранатой преследовать, хорошо бить их пулей, штыком,— но люблю я с врагами беседовать минометным лихим языком.

Если враг за лесистою кочкою точкой где-то засел огневой, то расправиться с этою «точкою» может наш миномет боевой!..»

«Богом войны» по праву зовут артиллеристов. Хорошо солдату видеть наш могучий артналет, испепеляющую укрепления врага артиллерийскую подготовку перед наступлением, когда нужно подняться во

весь рост — в атаку!.. Но особо радует бойца, если пушки прямо в боевых порядках,— ведут огонь прямой наводкой.

«Я не зря прямой наводкой обожаю бить врагов!» — говорит Егор Наводчиков.

«Лишь быстрей ворочай пушки — и по лезущей цепи, вдоль по просеке, с опушки из орудия лупи! Действуй смело, хладнокровно! В гущу вражью шли снаряд!.. И уж тут ты, безусловно, сам увидишь результат!

Я, друзья-артиллеристы, для того и начал речь: чаще видят пусть фашисты нашу русскую картечь!

Разговор с врагом короткий у советского бойца: крепче бей прямой наводкой ты фашиста-подлеца!»

Бывалый солдат Егор поучает молодых: «В обстановке боевой ночь — союзник первый твой».

«С первого раза как будто бы, кажется, не разобраться во мраке ночном... Это пустое! Лишь надо отважиться и ничего не бояться кругом! Быть только зорким и чутким удвоенно! Мрак не преграда для храбрых сердец!

Ночь — это верный союзник у воина! Помни об этом, товарищ-боец!»

Добрая улыбка фронтовика всегда встречала разговор Егора Наводчикова «О поварах искусных и обедах вкусных».

«Бой длился сутки. Нашей ротой враг был разгромлен и разбит! А после этакой работы всегда приходит аппетит.

В пылу атаки, в вихре боя, когда идешь, врагов разя, про щи и прочее такое и думать некогда, друзья! В отважном штурме нам до щей ли?! Там нужен острый русский штык, чтоб гада выкурить из щели и сделать из него шашлык; гранату надо боевую, она нам в схватке дорога, чтобы котлету отбивную скорее сделать из врага. Когда ж одержана победа, когда закончен жаркий бой, то помечтать насчет обеда тогда не прочь из нас любой...»

Егор рассказывает об искусных поварах — смелых солдатах и завершает беседу:

«Их вспоминаем мы по праву. Обед хороший — не пустяк! Они заслуженную славу имеют в ротах и в частях. Дорогу к вкусным щам и кашам они прокладывают нам! Привет друзьям отменным нашим, искусным ротным поварам!»

Наверное, не раз в боях под Тихвином вспоминали солдаты всех наших частей добрые советы своего однополчанина Егора Наводчикова и были ему благодарны.

«Политруки готовятся в боях. Курсы младших политруков»

После каждого боя мы не досчитывались нескольких политруков. Пополнение из тыла за счет выпускников военно-политических училищ приходило редко. И мы решили сами готовить политруков. Политотдел внес предложение провести краткосрочные курсы младших политруков, с тем чтобы курсантам — из числа красноармейцев-коммунистов, и прежде всего политбойцов, после окончания курсов официально было присвоено воинское офицерское звание — «младший политрук», равное младшему лейтенанту.

О том, как жили, учились и воевали наши курсанты, можно составить особый рассказ... Все происходило в прифронтовой полосе во фронтовом лесу. Разместились в землянках, где еще вчера находился штаб полка. Штаб передвинулся вперед с наступающими частями. Бои шли где-то рядом, и будущие младшие политруки сразу же были сведены в боевую роту, разбиты по взводам и отделениям, зорко несли боевое охранение и всегда были готовы вступить в бой... Но это на крайний случай, а прибыли они сюда из разных частей подучиться, и это была в те дни их главная боевая задача.

Конечно же, в лесу, в землянках, не было ни классов, ни лекций. По расписанию с курсантами беседо-

вали командиры, комиссары, специалисты родов войск. Учили будущих политруков на своем боевом опыте — в разведке, в обороне и наступлении. Чаще всего опыт был самый свежий — бои за Тихвин. Выступали прославленные комбаты пехоты, еще овеянные пороховым дымом; командиры танковых и артиллерийских соединений, только вчера штурмовавшие Лазаревичи; начальник военных разведчиков и капитан понтонеров... Разумеется, учебных пособий никаких тоже не было, а наглядность обучения достигалась просто: будущие политруки тут же, в лесу, учились у саперов правильно отрыть окоп и ход сообщения полного профиля, построить блиндаж; у артиллеристов и минометчиков овладевали умением вести меткий огонь, мчались на танках, как десантники, а вражеские самолеты распознавали, маскируясь под частыми бомбежками «мессершмиттов» и «фоккеров»... К главному же своему делу — политической работе в роте — приобщались они в добрых беседах с опытными комиссарами, знакомясь с важнейшими партийными документами, получая практические напутствия, нужные теоретические ориентиры. Живое слово было главным пособием.

Памятна мне первая встреча наших курсантов в день открытия курсов со старшим батальонным комиссаром Михаилом Алексеевичем Мартыненко.

Помню, стоял хороший солнечный зимний день, беседа проходила в лесу, у землянки, курсанты сидели на сваленных артиллерийским налетом деревьях, а высокий плечистый Мартыненко расхаживал перед ними... Вопрос о том, как проводить политработу в сложных фронтовых условиях, он выслушал прищурясь и, разведя руками, улыбнулся:

— Что ж, друзья, ничего не попишешь, ленинских комнат на фронте действительно нет. Вот наши условия для политработы — лес! Да еще спасибо, не гремит пока артиллерия. А загремит, наше слово должно быть громче. Трудно?.. Нелегко, но и не труднее, чем в гражданскую войну, например. А вот как Семен Михайлович Буденный вспоминает об опыте политической работы с бойцами Первой конной...— И Мартыненко — очень к месту! — пересказал речь Буденного на XIV окружной партконференции Ленинград-

ского военного округа, которую нам, политотдельцам, довелось слушать в декабре 1940 года.

Да, Семен Михайлович говорил именно об умении вести политическую работу в любых, самых сложных боевых условиях, высмеивал тех, кто ждет каких-то «удобств» для беседы с бойцами на фронте. И привел такой пример из жизни конармии. Ей приходилось не раз совершать многодневные переходы, чтобы лавиной обрушиться на врага. Конармейцы были беззаветными героями, преданными делу революции, но многие были неграмотны, не умели прочесть газету. И ставилась задача: в боевом походе, не слезая с коней, обучить бойцов грамоте. И вот едет эскадрон в конном строю, политрук впереди высоко поднимает на пике лист бумаги, наклеенный на доску, по бумаге краской — буква «А». Смотрят бойцы, повторяют хором: «А-а-а», запоминают. Потом другая буква поднимается над конным строем, третья... Через два-три перехода азбука изучена, буквы знакомы. Тогда поднимает политрук на пиках слоги, и конармейцы, покачиваясь на рысях, нараспев читают: «Мы — не ра-бы...». И к концу перехода все эскадронцы, сидя в седле и разложив на конской гриве свежий номер своей походной газеты, могут сами прочесть: «Бей Врангеля!» И в том, что он будет бит, есть и сила живого слова политрука.

— Да, друзья,— продолжает разговор Мартыненко,— не в «условиях» дело, а в душе комиссара, политработника. Без души и самые лучшие условия будут без пользы. Вот, помню, был я у танкистов. Только закончился тяжелый бой, враг отступил, между деревьями дымились подбитые фашистские танки с крестами на броне. Но немало погибло и наших друзей... Танкисты отдыхали после боя. Как всегда, в такие часы было тихо, разговаривать не хотелось... И вдруг на поляну выехала политотдельская агитмашина. Новенькая, видимо, недавно присланная, ярко окрашенная, с мощными репродукторами над кабиной. Зазвучала музыка, и во фронтовом лесу, над свежими могилами танкистов, надрывно пропел красивый голос:

Напрасно старушка ждет сына домой,—
ей скажут — она зарыдает...

Наверное, работники агитмашины хотели порадовать бойцов хорошей песней, а, не подумав, сделали вредное дело — усугубили тоску-печаль людей после тяжелого боя.

Пришлось прекратить такую музыку...

Зашумели, загудели будущие политруки. Каждый живо представил то, о чем рассказывал Мартыненко... А комиссар продолжал свой разговор:

— Умный, душевный политический работник в любых условиях найдет путь к сердцу бойца. Побывайте в расположении дивизии комиссара Сурвилло. На всех дорогах и тропках в полки и батальоны замаскированы сверху густой зеленью арки с лозунгами. На стороне, обращенной к передовой, призыв: «Вперед! Только вперед! Ленинград ждет!» А на обратной стороне арки, на пути с передовой в тыл: «Ни шагу назад!..» Каждый день, каждый час в сердце солдата звучат эти мобилизующие призывы...

— А вы говорите о трудностях,— завершает беседу комиссар Мартыненко.

„Denk an dein Kind!" «Помни о твоем ребенке!» Лицом к лицу с фашистскими солдатами и офицерами. Контрпропаганда

Не буду делать широких обобщений, но на нашем участке фронта фашистская пропаганда в адрес красноармейцев была очень убогой. Листовки довольно часто забрасывались на позиции, но их действенность была равна нулю.

Как-то поздним вечером над нашими позициями пронесся небольшой фашистский ночной бомбардировщик. Его обстреляли, но вместо бомб он сбросил сотни листовок. И вскоре то тут, то там раздались взрывы смеха. Я поднял одну листовку и тоже расхохотался — это было действительно смешно.

На листовке был уродливо изображен советский

офицер со звездой на рукаве, значит — политработник, а два «красноармейца» со зверскими, злорадными лицами тащили его к дереву, с которого свешивалась петля. «Стихи» под этой мазней должны были, по мысли авторов, натравить наших бойцов на свершение «акции»: «Как попался политрук — так тащи его на сук!..»

Если такая листовка была действительно смешна, то совсем не смешны были сами солдаты и офицеры гитлеровских дивизий, с которыми мы встречались лицом к лицу в боях и после захвата их в плен. Мы видели тех, кто зверски хозяйничал в наших оккупированных селах и городах, находили страшные документы, вызывавшие гнев и ненависть... Среди аккуратно подшитых папок разгромленного штаба полка 20-й мотопехотной дивизии немцев наши переводчики обнаружили «Указания коменданту на занятой территории». Мы тут же размножили этот варварский документ и раздали политрукам и комиссарам — пусть бойцы знают, какой враг перед ними!

У меня сохранились выписки из гитлеровских «Указаний»:

> «Имущество колхоза рассматривается как военная добыча!
> Установить наблюдение за всем гражданским населением.
> Составлять списки всех женщин и мужчин от 15 лет и детей отдельно.
> Немедленному задержанию подлежат все работники партии, комсомола, газеты, все члены милиции и иные подозрительные лица»...

Были и другие немецкие документы вроде донесения полкового офицера пропаганды и пастора полка командиру:

> «Следующие люди бежали с поля боя, отказались возвратиться. Причина, как они объясняют,— слабые нервы...»

Видимо, наши летчики и артиллеристы быстро «расшатали нервы» изнеженным фашистским головорезам, прибывшим из Франции на помощь армейскому корпусу генерала Шмидта.

Знакомили мы наших бойцов и с захваченными в

гитлеровских штабах многочисленными инструкциями по «Вспомогательным мероприятиям для защиты от холода».

> «Особенно чувствительны к морозу ноги... Готовьте пучки соломы, нарезанные по размеру обуви и обернутые вокруг ступни листы газеты...
>
> Внутрь каски лучше всего положить верхнюю часть старой фетровой шляпы...
>
> Необходимо постоянно иметь при себе достаточный запас газет... Носить между нижним бельем и верхним обмундированием...»

— Мороза боятся, а наших женщин и детей на мороз гонят!..— гневно говорили бойцы.

Советская контрпропаганда была гуманна, она исходила из того, что законная ненависть к врагу-оккупанту не должна ослеплять нас, мы хотели, чтобы тысячи и тысячи немцев сложили оружие, сдавались в плен, прокляли фашизм.

У меня хранится одна из наших листовок. Она и сегодня не оставит равнодушным честного человека: на лицевой стороне — большая фотография ребенка в слезах, вдали — убитый немецкий солдат на снегу. На обороте — стихи известного немецкого поэта-революционера Эриха Вайнерта:

> Помни о твоем ребенке!..
> Скоро коричневая чума исчезнет,
> И Германия снова свободно вздохнет.
> А ты?.. Разве ты не хочешь вернуться обратно
> К своему ребенку, к своему счастью?
> Думай, помни о твоем ребенке.

Внизу, под стихами, в рамке на немецком и русском языках: «Passierchein» — «Пропуск»:

> «Каждый немецкий солдат имеет право с этим пропуском переходить через фронт в плен к русским. Каждый воин Красной Армии и советский гражданин обязан сопроводить его в ближайший штаб Красной Армии. Командование Красной Армии гарантирует пленному жизнь, хорошее обхождение и возвращение на родину после войны». Скреплено гербом СССР.

Главным оружием нашей пропаганды среди войск противника была правда. Летчики систематически за-

брасывали к немцам сводки Советского информбюро, документы и материалы о действительном соотношении сил, о крепнущем советском тыле...

«Гауптштрассе» — снова Советская»

Утром 9 декабря мы были уже на улицах освобожденного Тихвина.

В тот час мне вспомнилась первая встреча с Тихвином незадолго до войны, летом 1940 года. Группа ленинградцев приехала в этот старинный русский город, в Дом-музей великого композитора Н. А. Римского-Корсакова.

Тихая река, безмолвные, петровских времен шлюзы, замершее озеро отражали густую зелень лиственных деревьев, домá с резными наличниками. В тихие воды смотрелись древние стены и купола большого монастыря.

Старый герб Тихвина — щит, олицетворяющий его извечную воинскую славу. Здесь уже сотни лет назад были биты интервенты... Но боевой щит лишь обрамление фигуры бегущего лося, высекающего копытами искры. Тихвинцы говорили нам, что видят в этом простор и богатство своего края и традиции кузнечного дела, известного здесь издавна... И старый город на зеленых холмах жил мирной трудовой жизнью.

По вокзальному шоссе неслись машины с продукцией тихвинских предприятий — мебель, лес, бокситы. А тополевая аллея на высоком берегу Тихвинки вела к цели нашей поездки — Дому-музею Римского-Корсакова.

Своеобразной красоты деревянное строение с изогнутым парусом над крыльцом, с мезонином, скрывающимся в серебряных ветвях тополей. Здесь родился композитор, здесь прошло его детство, и впечатления русской старины, живая память о силе и красоте народной навсегда вошли в его музыку:

Есть над речкой-рекой
Дом, где с музыкой ладишь...

Прошло меньше двух лет, и когда утром 9 декабря 1941 года мы шли по улицам только что освобожденного от фашистских захватчиков Тихвина, трудно было узнать его.

Долго стояли мы у чудом уцелевшего дома Римского-Корсакова. Двери его распахнуты, сени забиты пустыми бутылками с ярлыками разных стран — тут пьянствовали «победители», подло оскверняя реликвию, дорогую сердцу советских людей.

Помню, какое волнение охватило всех нас, когда из кучи обломков был извлечен бюст Римского-Корсакова. Десятки рук протянулись к нему, чтобы бережно стереть пыль. Бюст тоже чудом уцелел, и когда поставили его на разбитый рояль, в комнате словно стало светлее...

К нам подошел старый учитель соседней школы. Все время хозяйничания гитлеровцев он жил на окраине города, соседи скрывали его под видом дворника.

— Вы многое еще увидите и услышите о нашем городе и наших людях. Посмотрите — дверь дома Римского-Корсакова исписана мелом. Как ни бесновались фашисты, на ней снова и снова появлялась надпись на немецком языке: «Vas brauchst du schou waber bei uns?!» («Что тебе у нас надо?!»)...— старик помолчал, оглядывая советских офицеров.— Я учитель пения,— продолжал он,— не знаю, все ли тут по немецкой грамматике верно, но тихвинцы знали русский перевод и гордились смелыми ребятами и посмеивались, когда офицерские денщики, ругаясь, стирали надпись... Тихвинцы ждали, когда она появится снова. И она неизменно появлялась — до самых последних дней...

Красноармейцы и местные жители гневно сбивали доски с немецким названием главной улицы города — «Гауптштрассе». Теперь и навсегда она снова — Советская.

В разбитой аптеке разместился советский комендант Тихвина, на полуразрушенных домах появились самодельные вывески: «Райком партии», «Райсовет», «Милиция»... Пройдет немного времени, и старинный русский город возродится к новой жизни, но сейчас мы покидаем Тихвин. Части стремительно движутся вперед, преследуя отступающих гитлеровцев.

Политразведка

У нас, политотдельцев, прибавилось дел — помогаем представителям райкомов и райисполкомов восстанавливать Советскую власть в освобожденных селах: наверное, это самая приятная работа на войне!.. Но не самая легкая... Мы первыми прибывали в деревню, откуда только что выбиты оккупанты, нужно было быстро разобраться в обстановке, это называлось у нас «политразведка»... Никогда не забуду первой своей «политразведки» в деревне с милым названием «Валюшка». По заданию политотдела я написал статью для нашей армейской газеты. Вот выдержки из нее:

«Народная ненависть

Эти старые крепкие села были своеобразно по-русски красивы. Дома с резным крыльцом и цветными деревянными инкрустациями, просторные сени и чистые светелки. Стройные березки и пушистые северные ели вокруг. И неотрывно от всего этого — колхозный клуб, школа, хата-лаборатория. Поступь людей здесь уверенная, спокойная, завтрашний день богатого колхозного села ясен, светел...

Так было еще недавно. Так будет и в недалеком будущем.

Но сегодня холодный ветер медленно заносит сухим снегом печальное пепелище на месте деревни. Груды кирпичей и обгорелых бревен, битые черепки и растерзанная домашняя утварь чернеют по обеим сторонам дороги. Это мрачные следы фашистского зверя.

Недолго хозяйничали здесь фашистские бандиты, но никогда не забудут этого жители деревни и окрестных сел.

Неподвижно сидит на белом камне шестидесятилетняя Анна Алексеевна Шмакова. Слезы медленно текут по ее глубоким морщинам.

— Это злые слезы! — говорит Анна Алексеевна.— Страшен будет гнев народный, злой смертью помрут наши вороги в час расплаты...

У развалин собираются люди, вышедшие из лесных землянок при первой вести о Красной Армии. Наталья Ивановна Иванова, Иван Павлович Павлов, Анна Алексеевна Шмакова, дополняя друг друга, рассказывают о пережитом.

Немцы, как стая хищных волков, ворвались в беззащитное село. Бандиты бросились в избы, хватали все, что попадало под руки, взламывали сундуки, вытаскивали из печей хлеб, тут же, обжигаясь, жрали, голодные, вшивые и наглые, как отпетые домушники...

Нагрузив награбленное на украденные сани, варвары с ненавистью стали разглядывать красивые чистые русские дома, в которых им не придется заночевать. О чем-то посовещавшись, звери снова бросились по избам и стали их поджигать. Фашистские дикари, цинично смеясь, выгоняли полураздетых колхозников на мороз и бросали обратно в огонь имущество, которое пытались спасти несчастные...

Плачущие дрожащие ребятишки, не успевшие даже унести свои шубенки, избитые старики и старухи смотрели на догоравшие дома, и в их сердцах еще сильнее разгорался неугасимый огонь народного гнева.

Печальный рассказ продолжил 50-летний Василий Иванович Чуркин.

— Немцам мало было нашего горя. Лютые звери, они решили еще поиздеваться над нами. Однажды вывели всех стариков голодных, замерзших и заставили танцевать под улюлюканье и свист немецких солдат и офицеров. Какой-то мерзавец фотографировал наши «танцы»... А потом... потом и рассказывать страшно. Всех нас вывели и, подгоняя пинками и прикладами, повели в сле-

дующую деревню. Заперли всех в двух холодных избах. Какой-то офицеришка злобно сказал: «Если русс наступайт — будем вам стреляйт...» А когда наши части приблизились к соседней деревне, немцы перед отступлением забили двери наших домов и подожгли их... Старухи, дети, старики задыхались в дыму и бросались к окнам. Немцы открыли стрельбу... Немногие из нас выбрались из горящих домов...

Колхозники продолжали свой рассказ. Лидия Щикалева и Мария Яковлевна Ильина со слезами на глазах рассказывали о том, как фашистские мерзавцы поймали в деревне 20-летнюю Клавдию Д., почтальона колхоза. Девушку зверски избили, над ней издевались... Клавдия сошла с ума.

Анна Ивановна Яновская, закрыв лицо руками, тихим голосом поведала о том, как на ее глазах расстреляли раненых красноармейцев, найденных в колхозных домах... Бесконечен счет народного горя. Но он будет оплачен сполна. Немцы хотели истребительной войны, они ее получают, устилая нашу землю тысячами своих трупов. Они поджигают наши дома. Но в пламени пожарищ рождается неугасимый, страшный для врага огонь народной ненависти и гнева. Враг будет уничтожен».

Еще о партизанах

Здесь мы услышали много волнующих рассказов о народных мстителях — тихвинцах. Большие и малые партизанские отряды смело действовали по тылам фашистских оккупантов, выполняли военные задания командования армии, рискуя жизнью, распространяли листовки, газеты с Большой земли.

Возглавляли партизанские отряды тихвинские коммунисты. Народ верил им как представителям партии, шел за ними.

Отряд под командованием директора Бокситогорского завода Н. А. Воронина... Отряд командира И. С. Шурова — бывшего заведующего отделом Тихвинского райкома партии... Партизанская рота под командованием И. С. Кузьмина — бывшего председателя Тихвинского райкома Общества содействия Красной Армии и Флоту (Осоавиахим). В боях с врагами погибли командир Кузьмин, политрук отряда Бушков — работник райкома партии... В народе помнят их имена, поют песни о героях-партизанах.

Плечом к плечу с коммунистами партизанили комсомольцы, школьники, юноши и девушки, не мыслящие своей жизни под пятой оккупантов.

Тихвинские комсомольцы Николай Пелячев, Иван Башаков, Валентин Смирнов, Михаил Комендантов были бесстрашными партизанскими разведчиками.

Не думая об опасности, комсомолки деревни Мелегежа Анна Ястребова и Мария Конюкова под носом у фашистов прятали, выхаживали раненых красноармейцев.

Смелыми партизанами показали себя школьники Коля Шумилов — из деревни Сарожа и Костя Нюрговский — ученик Тихвинской средней школы. Они сражались в рядах славного партизанского батальона, наступавшего на Тихвин в составе гренадерской бригады.

В боях за Липную Горку юные партизаны шли в боевом охранении. Об их самоотверженности рассказал секретарь комсомольского бюро батальона А. Кретов:

— Наш батальон должен был перерезать дорогу Тихвин — Липная Горка... Шедшие впереди Коля и Костя обнаружили, что дорога заминирована, провода тянутся к складам авиационных бомб. Немцы задумали взорвать их, когда наши войска пойдут в наступление... Батальон был уже совсем близко. Катастрофа казалась неминуемой. Тогда Костя Нюрговский выбежал навстречу колонне и крикнул: «Двигаться нельзя! Будет взрыв!» А сам рванулся обратно, где Коля Шумилов, ползая по глубокому снегу, разъединял провода... Взрыв страшной силы потряс все вокруг. Когда мы пришли в себя и бросились к месту взрыва, то увидели, что ценою своей жизни ребята спасли жизнь сотням бойцов и командиров.

Присяга Саши Забелина

Об этой партизанской присяге мы узнали уже после освобождения Тихвина. Написал ее Саша Забелин, студент Тихвинского педагогического училища. Местный паренек, из колхоза деревни Заболотье, он слыл тихим, спокойным, любил книги, говорят, даже стихи писал. В техникуме Саша отлично учился, его уважали товарищи, избрали комсоргом. Забелин плохо видел, и в армию его не взяли, но райком комсомола доверил Саше особо важное дело — быть партизанским разведчиком, возглавить группу юных подпольщиков.

Бесстрашно проникали Саша и его друзья в деревни, где находились укрепленные пункты фашистов, в свой родной город Тихвин, передавали командованию важные сведения.

Тихий и скромный «очкарик» действовал как прирожденный разведчик. Незадолго до штурма Тихвина, по заданию штаба, Забелин пробрался в город. Он ходил по родным улицам, запоминал, где стоят готовые к бою танки, где артиллерийские батареи, где расквартировались штабы... На обратном пути Сашу задержали, допрашивали, избивали, пытали. Он молчал, и его полумертвого бросили в сугроб... Юноша нашел в себе силы выбраться, добрался до связного, передал все данные. Это был его вклад в борьбу за освобождение своего города...

Но партизанские тропы опасны. В самые дни штурма автоматная очередь врага оборвала жизнь юноши... Одну из улиц освобожденного Тихвина назвали улицей Саши Забелина. Может быть, где-то здесь будет увековечен для всеобщего обозрения и текст партизанской присяги, которую по поручению райкома комсомола осенью 1941 года написал Саша Забелин:

«Я, член Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи великого Советского Союза, в этот ответственный и смертельный час, когда на мою любимую Родину напал коварный враг, который хочет захватить мою землю, пропитанную потом и кровью наших отцов и матерей, клянусь, что перенесу все лишения и трудности, и если

надо, то отдам и жизнь свою, но все сделаю, чтобы освободить свою землю от фашистского зверя. Враг хочет отнять у меня счастливую жизнь, он убивает наших отцов, родных и милых матерей, малых братьев и сестер... Клянусь перед Коммунистической партией, Ленинским комсомолом, любимой Советской Родиной и Красным знаменем районной комсомольской организации, что порученное мне задание выполню с честью. Тайну никому не выдам. Если придется, перенесу все мучения и пытки, но врагу ничего не скажу о моем деле и моих товарищах.

Враг будет разбит, победа будет за нами! Смерть немецко-фашистским захватчикам!»

«Спутник партизана»

Она и сейчас хранится у меня — эта старая книжечка в желтом картонном переплете, размером меньше папиросной коробки. На обложке напечатано: «Спутник партизана», издательство «Молодая гвардия»... Несколько таких книжек доставил тихвинским партизанам маленький самолет с Большой земли, и те, кому она досталась, не расставались с ней и в боевых походах, читали и изучали вместе с товарищами. Бумага, конечно, далеко не первосортная, мелкий, но четкий шрифт, предельно наглядные рисунки,— это была своеобразная партизанская энциклопедия. Чего только не вмещала в себя маленькая книжка! Описание всех видов оружия, начатки саперного дела, советы в походе, в разведке, в ориентировке на местности, в оказании первой помощи... Разделы: «Жизнь на снегу» («Передвижение на снегу», «Зимний бивак», «Как уберечься от мороза», «Боец на лыжах»), «Рукопашный бой», «Уничтожай танки врага»...

И, наконец, «Тактика партизанской борьбы». Ее читали новичкам, молодым партизанам, она вселяла уверенность в победе:

1. Нападай внезапно, неожиданным налетом.
2. Всюду проявляй исключительную выдержку,

умей подпускать врага на очень близкое расстояние — в 30—20 и даже 10 метров.

3. Смелость, граничащая с дерзостью,— главное качество партизан.

Советов много, все они мудры и важны. И вывод:

«Перечислить все способы партизанской борьбы невозможно... Но помни одно: основная заповедь партизан — наступать, наступать и наступать. Решительность, активные наступательные условия — залог успеха в партизанской борьбе»...

Суровы, сосредоточенны лица вчерашних школьников, листающих «Спутник партизана». Многие рисунки, наверное, взяты из учебников по географии и физике. Компас... Большая Медведица... Карта местности... До боли памятны совсем-совсем недавние дни в классе, за партой, у доски!.. Все это нужно было знать, чтобы хорошо ответить учителю, получить высокую оценку, знать для себя, для своих близких... Сегодня экзаменуют жизнь и смерть.

«Ты все видишь, а тебя не видит никто. Действуй скрытно... Входя в дом, имей наготове ручную гранату. Дверь за собой плотно не закрывай. Во дворе оставь дозорного...»

«Если небо звездное, заметь какую-нибудь звезду, находящуюся на нужном тебе направлении, и иди так, чтобы все время видеть перед собой». Как часто мы смотрели на мирные звезды! Думали, мечтали... А сейчас:

«Ходи незаметно. Не оставляй после себя следов...»

Никогда не забыть первый вечер в освобожденном селе на реке Валя. Нас окружают вышедшие из леса партизаны. Только что предали земле родных и близких, замученных фашистами. Неяркий костер освещает истощенные, почерневшие лица. Но глаза горят гневом. Отряд собирается в сторону Волхова преследовать отступающего врага, минировать лесные дороги... Наш Мартыненко ведет беседу, говорит, как всегда, задушевно, находит самые нужные слова. У него в руках «Спутник партизана».

— Лучше, наверное, не скажу,— улыбаясь, говорит комиссар,— и читает первые строки, открывающие книгу:

«Молодой партизан!
В суровый для нашей Родины час ты взял в руки боевое оружие, чтобы громить банду гитлеровских грабителей и убийц, вероломно напавших на Советский Союз. Ты дал клятву, что вместе со всем народом будешь беспощадно и бесстрашно, не щадя жизни своей, истреблять фашистских псов дотоле, пока на нашей родной земле не останется и грязного следа от бешеной своры гитлеровских насильников и громил, пока последний фашист не получит заслуженную кару за свои кровавые злодеяния — смерть.
Партизан — коммунист и комсомолец! Ты несешь особую ответственность перед Родиной. Это значит, что ты — первый, самый смелый и стойкий в бою. Тебе неведом страх...»

Крепче сжимают оружие партизаны. Костер разгорается, но звезды не меркнут в холодном небе, и каждый ясно видит свою путеводную звезду.

**«27 декабря
1941 года,
село Верховина,
близ Тихвина.
Открытие школы...»**

Еще одна школа, разрушенная фашистскими варварами, восстановлена за считанные дни, в перерывах между боями, и вручена детишкам и учителям освобожденного села. Я помню митинг у Верховинской школы, помню странный вид школьного дома: обугленные стены, как нашивками за ранения, перемежались почти неотесанными золотистыми сосновыми бревнами... Помню, как после митинга записал я слова старой учительницы:

«Пока не поставлены монументы на братских могилах советских воинов, отдавших свои жизни за счастье, свободу и будущее наших детей, лучшим памятником героям-освободителям будет здесь светлое здание новой школы!..»

Так, каждая вновь открытая школа (восстанавливали ее с огромным энтузиазмом наши красноармейцы) была незабываемым праздником для всех нас,— счастливые серьезные лица худеньких, натерпевшихся детишек щемили и радовали сердца: ведь ради их будущего мы и вели тяжелейшую войну! И был глубокий смысл в том, что, если гитлеровские оккупанты оставляли за собой черные следы пепелищ и смертей, Красная Армия несла народу жизнь и свободу и, продвигаясь вперед, оставляла в сердцах освобожденных людей добрую память, прежде всего в виде восстановленных школ. Но сами бойцы, быстро сменив пилы и топоры на ожидавшие их тут же автоматы и пулеметы, пожелав школьникам успешной учебы, догоняли свои подразделения, продолжали войну.

«Партийный билет живет своей жизнью». Бессмертие

Бои продвинулись к Волхову. Тридцатиградусные морозы, снежные метели, незамерзающие леденящие болота — ничто не могло удержать наших бойцов. По замыслу командования решающий удар здесь наносила и 54-я армия генерала И. Федюнинского.

Наши поредевшие в боях подразделения — танковая бригада, пехотные полки, артиллеристы, небольшой отряд саперов — те, кто остались в живых,— увенчанные орденами и медалями, овеянные славой, двинулись обратно — к берегам Свири, на позиции своей родной Седьмой Отдельной, к новым боям и походам.

Небольшая группа работников политотдела бывшей Северной оперативной группы оставалась в селе Верховина. Нужно было сдать дела политотделу Четвертой армии, в составе которой мы воевали под Тихвином.

Вместе с батальонным комиссаром Николаем Томзовым мы перебирали содержимое небольшого железного ящика. Никаких «дел» канцелярского типа у нас, разумеется, не было. Несколько приказов и копий политдонесений, трофейные документы, захваченные при разгроме немецких штабов и отобранные у плен-

ных... Но главное, что мы должны были передать — на вечное хранение! — партийные и комсомольские билеты погибших в боях коммунистов и комсомольцев.

Многие партийные билеты были совершенно новые — их вручали совсем недавно здесь, на фронте («В бой хочу идти коммунистом!» — так писали тысячи солдат и офицеров).

О каждом из тех, кто оставил потомкам свой партийный или комсомольский билет, пробитый пулей в боях за счастье и свободу будущих поколений, можно написать книгу, поэму...

Мы вглядываемся в их фотографии, все они кажутся знакомыми, близкими. И может быть, встречались мы на фронтовых дорогах.

Вот бережно сохраненный партийный билет. Завернутый в непромокаемую авиационную ткань (наверное, выпрошена она у аэродромных ребят), он выглядит совсем новым, хотя больше десяти лет хранился у сердца коммуниста Иванова Алексея Ивановича... Да, я знал и никогда не забуду этого необычного человека с такой обычной русской фамилией.

Даже маленькая фотография на партбилете живо передает строгий взгляд пожилого ленинградского мастера. Командир отделения связистов, Алексей Иванович делал свою опасную работу так спокойно и уверенно, что изумлял видавших виды артиллерийских разведчиков. Куда только не тянул нитку связи Иванов!

Бывало, он сам подсказывал артиллеристам место будущего наблюдательного пункта.

Помню горячий спор на КП одной из дивизий нашей опергруппы. Был хмурый осенний вечер. Искореженный сосновый лес глухо шумит под непрерывным дождем со снегом. Время от времени то близко, то далеко гулко вздыхает земля под разрывами снарядов, стонут и трещат ломающиеся деревья. А в хорошо замаскированной штабной землянке ярко светит одинокая электролампа в невесть откуда взявшейся здесь люстре с обломками хрустальных палочек. У большого стола (доски на козлах), вокруг карты, группа командиров. Столкнулись разные мнения — куда забросить разведчиков, чтобы корректировать огонь наших пушек. Расщелина на горушке хороша, но дале-

ка — путь к ней весь под обстрелом. Вершина сосны ненадежна. Из старого окопа на ничейной земле обзор плоховат...

Спор затягивается. И тогда к карте подходит пожилой лейтенант. Чувствуется, что относятся к нему с большим уважением. Майоры и капитаны отодвигаются в стороны. Поднимается с места начальник штаба дивизии подполковник Снегирев (из старых ленинградских «академиков»,— это он любит яркий свет в землянке, «чтобы все было ясно и высвечено потом и на поле боя»,— говорит Снегирев).

— Давай, Алексей Иванович, что предлагаешь? — Подполковник надевает свои большие старые черепаховые очки и придвигается к карте.

Ровным спокойным голосом лейтенант говорит о том, что наблюдателей надо устроить так, чтобы немец не только не видел их, но и подумать не мог о таком тайнике. И чтобы наши разведчики все видели.

— Где такое место? — Иванов строго оглядел штабников и склонился над картой.— Конечно же, на болоте. Оно непроходимо, и противник в счет его не берет, почти не обстреливает. А мы с «сынками» пройдем, найдем место, протянем связь и приведем туда разведчиков. Будут как под невидимым колпаком... Прошу разрешить двинуться через час. Разведчики пусть будут готовы к рассвету. Ожидается туман. Он нам поможет.

Ровно через час мы провожали Иванова и его группу. На болото уже вползал сырой туман, прикрывая бесшумно идущих связистов, увешанных оружием, зуммерами и катушками.

— Мастер,— проговорил Снегирев, имея в виду Иванова.— Профессор... Ясность мысли, знание своего дела. Бесстрашие... Вернется, присвоим сразу капитана, заберу в штаб.

Но Алексей Иванович не вернулся. Как по расписанию, выполнил он все намеченное. Прошел со своими «сынками» по зыбким кочкам в глубь болота, к самым позициям противника, наладил в густых зарослях КП артиллеристов, послал за разведчиками, встретил их, устроил, сам опробовал связь и при свете холодного серого дня вручил ее наблюдателям...

Иванов повел свою группу в обратный путь. Густой

туман надежно прикрывал их, но война есть война, и немцы время от времени вели минометный огонь и в сторону болота. Большой осколок, летевший с огромной силой, ранил Иванова в голову, и, пока добрались до своего командира связисты, он ушел на дно, не издав и стона...

Комиссар дивизии переслал партбилет Алексея Ивановича Иванова в политотдел опергруппы с сообщением, что лейтенант посмертно представлен к награждению орденом Ленина.

Долго всматриваюсь в знакомые черты и бережно заворачиваю партийный билет в непромокаемую ткань.

«Поэт»

— Да это же наш поэт! Помнишь?..— проговорил Николай Томзов, подавая мне комсомольский билет.

Я вздрогнул. Неужели Леша?.. Ведь ему не исполнилось еще и восемнадцати... Как живой стоит передо мной этот юноша!..

В один из вечеров мне довелось провожать в опасный рейд группу разведчиков. Как обычно, сдавали они все свои документы комиссару батальона, оставляли друзьям адреса родных. Разведчики были бодры и веселы, шутили и подсмеивались над теми, кто оставался, и как всегда им завидовали и гордились ими. Но все понимали, что, как и каждый поход в тыл врага, предстоящий рейд смертельно опасен...

Ко мне подошел молодой боец. Шапка-ушанка, лихо надетая набекрень, открывала высокий лоб, большие синие глаза, чистое лицо. Мы были знакомы. Леша Сизов был самым юным разведчиком в нашей Седьмой армии. Он передавал мне иногда заметки в армейскую газету «Во славу Родины» — любил писать о своих товарищах, которых всегда называл «герои-разведчики».

Я знал, что Леша пошел на фронт добровольцем («Сразу после выпускного бала»,— любил говорить он), что отец его защищал Брест и пропал без вести, а мать с сестренкой живут где-то на дальнем Севере. Знал я еще, что в школе Леша был редактором стен-

газеты и писал стихи. Одно его стихотворение — к празднику 1 Мая (о весне и о войне) — напечатала наша газета, и Лешу дружески называли «поэт»...

Обычно веселый шутник и балагур, сейчас Леша был серьезен.

— Вот это хочу оставить у вас, товарищ комиссар,— тихо, как бы стесняясь своей просьбы, говорил он, передавая небольшой конверт, обернутый толстой бумагой.— Тут стихи мои. Все, как говорят, не для печати... Просто так, для души. А вот «О дружбе», может быть, и в газету подойдет. Про комиссара Мартыненко написано. Ребята рассказывали. Посмотрите...

Раздалась негромкая команда. Мы пожали друг другу руки. Разведчики углубились в лес. Леша шел замыкающим, он обернулся, улыбнулся, помахал рукой в знак последнего приветствия. Я долго смотрел им вслед.

До сих пор не раскрывал я конверта, сберегая эту маленькую тайну, надеясь при встрече вернуть Леше Сизову его рукописи.

С болью в сердце беру комсомольский билет.

— Да, Николай, это был наш поэт.— Вынимаю из полевой сумки Лешин конверт, осторожно разворачиваю его.— Почитаем, Николай. На помин души...

С волнением листаем исписанные рукой подростка тетради, листочки из блокнотов.

Стихи, отражающие странички его короткой жизни, воспоминания и мечты.

Вот, наверное, одно из первых стихотворений, еще школьных лет — «Баллада о последнем индейце». Юношеская романтика уже переплетается здесь с нарождающимся чувством ответственности «за все на свете», в том числе за трудную судьбу угнетенных индейцев далекой Америки.

С искренним сочувствием писал советский мальчик о том, как в неравной борьбе «последний индеец» гибнет, посылая проклятия своим врагам.

Свободолюбие, ненависть к тирании звучат в стихах юноши. Они порой подражательны по форме, но идут от самого сердца.

Слезы горя текли в океан
Из далеких и близких стран,

Кровь текла из рассеченных ран.
Встал над морем седой туман,—
Стала в море вода солона
От тех слез из печальных стран...

Стихи наивные, теплые, как будто отражающие биение молодого сердца:

Моим думам в ответ улыбался рассвет,
Заметались, заискрились зори.
Пораскинули жгучие руки лучи —
Солнце встало веселым дозором...

Стихи, помеченные декабрем 1940 года,— живое свидетельство первой любви семнадцатилетнего юноши — робкой, чистой, неуверенной...

Словно песня нежданная в море,
Будто луч сквозь туманы проник,
Вы прошли сквозь пытливые взоры,
Вы вошли в одинокие дни...
В этом сердце большом — вы одни.
Оглянитесь,
вокруг не видны
никакие иные следы...

С мечтой о Ней Леша через несколько месяцев уехал на фронт. Ей посвящает он свои стихи с войны с пометкой — «В боях под Тихвином»:

Ночь грозна, и атака остра...
Будь, как песня, мечта быстра!
Пронесись за Уральские горы,
По бескрайним зимним просторам...
Передай мое сердце ей,
Пусть хранит на груди своей
В ожидании радостных дней...

И наконец, «главный» свой стих, как называл его сам Леша, мечтая увидеть «Песнь о дружбе» во фронтовой газете.

Это целая поэма о дружбе комиссара и бойца: солдат заслонил его своей грудью в бою, а комиссар затем дал свою кровь для спасения тяжелораненого бойца.

Серый рассвет над болотами встал,
Тихо комбат командирам сказал:
«Только вперед, час расплаты настал!»
Ночь, не спеша, поднималась с кустов.

Был батальон к наступленью готов.
Плавно ракеты над лесом взвились,
И будто вдогонку за нами неслись
Вспышки орудий и залп батарей,
Гром наступающих наших частей...

Заканчивалась поэма рассказом о встрече комиссара и бойца в госпитале через много дней после памятного боя:

Радостный, бодрый боец уж сидит,
Новая кровь в его жилах бежит,
Кровь комиссара у сердца стучит.
Сердце от радости песню поет.
Песню о дружбе, о жизни поет...

«Памятник Неизвестному Коммунисту»

«Аминджан Джавхари»... Новенький партийный билет, взносы уплачены за один месяц — за декабрь 1941 года. Перед самым штурмом Тихвина штабной шофер Аминджан — «Миша», так все мы называли молодого веселого таджика из Душанбе — был принят в партию. И в тот же день подал рапорт с просьбой направить его на передовую. Мы не раз встречали фамилию Джавхари в политдонесениях. Бесстрашно, под обстрелом, под непрестанной бомбежкой подвозил он боеприпасы, одним из первых примчался на переправу и повел свою машину со снарядами по льду на тот берег, где шел жаркий бой за Лазаревичи... Прямое попадание авиабомбы — и машина исчезла подо льдом.

— Был я на парткомиссии, когда принимали Аминджана в партию...— проговорил Николай Томзов.— После войны приглашал всех в Душанбе...

Среди партийных и комсомольских билетов погибших один взволновал нас особо, потряс до глубины души. До сих пор вижу его перед глазами...

Такое могло случиться только в бесстрашной атаке, когда герой поднимается на врага во весь рост. Партийный билет был пропитан засохшей уже кровью,

большая часть обложки смята, стерта в клочья... Видимо, смертоносный осколок попал прямо в грудь...

Ни фамилии коммуниста, ни номера партийного билета разобрать нельзя. Возможно, после войны в партийном архиве сумеют установить по штампику об уплате взносов партийную организацию, дивизию, полк, где воевал герой... А сейчас перед нами как бы прообраз памятника Неизвестному Коммунисту.

«Белая тетрадь со свастикой»

Перед самым отъездом наших частей из Верховины к нам зашел проститься полковой комиссар Мартыненко. Его сводный отряд спешил к Волхову, а оттуда «еще дальше», и, как знать, когда доведется свидеться...

Михаил Алексеевич снял ремни с неизменным маузером, сбросил полушубок, и мы долго беседовали, вспоминая Алеховщину, друзей, последние бои, мечтая о «всеобщем наступлении».

Мартыненко ходил по комнате, рассматривал сохранившиеся кое-где цветастые обои, уцелевшие фотографии в самодельных резных рамках, взял в руки букетик давно засохших полевых цветов.

— Как думаете, кто жил в этом доме? — неожиданно прерывая разговор, спросил комиссар.

Мы с Томзовым высказали разные догадки и впервые внимательно оглядели наше жилье. Ничего, кроме старого стола и остова железной кровати с шишечками, в комнате не было (стульями нам служили снарядные ящики). Фашисты все сожгли в большой русской печке, согреваясь от морозов.

Здесь могла жить семья колхозника, учителя, агронома...

— Большая семья жила,— проговорил Мартыненко, остановившись у фотографии на стене.— Дети, внуки, правнуки. Военные есть. Капитан с орденом Красной Звезды. Все порушили враги... Все порушили.— Комиссар говорил тихо, голос его дрожал, прерывался. Нам с Томзовым было тогда по двадцать

восемь и пятидесятилетний полковой комиссар казался нам мудрым стариком. В действительности Михаил Алексеевич был в расцвете своих сил, не раз возглавлял лыжные походы в тыл врага, ездил верхом, вел любую машину и, по рассказам танкистов, случалось, управлял и танком в бою...

В тот вечер мы пили какой-то особый трофейный плиточный чай. Початый картонный ящик оставили впопыхах немцы. На плитках чая были готические завитушки и арабская вязь.

— Чего пьете-то, разобрались? — спросил Мартыненко, вытирая лоб после третьей кружки ароматного напитка.

— А как же иначе. Не такую готику переводили. Напиток сей для бодрости и крепости духа. Изготовлено в Багдаде,— Михаил Алексеевич рассмеялся.

— Встретил тут недалеко от вас пленных. Не помог им багдадский чай...

Мы дали Мартыненко в дорогу несколько плиток восточного эликсира. Улыбаясь, он стал укладывать их в большой планшет и, освобождая место, вынул пакет, завернутый в газету.

— Пожалуй, оставлю это вам,— сказал комиссар.— По пути передали наши разведчики, нашли, говорят, в сумке убитого немецкого офицера. Тетрадь какая-то, с записями. Дневник, наверное. Любят фиксировать каждый свой шаг завоеватели. Наследят — и запишут... Может быть, что-то интересное. Положите в свой железный сундучок.

Так появилась в моей записной книжке строка: «Белая тетрадь со свастикой» и многочисленные выписки из нее.

Это была тетрадь большого альбомного формата в грязно-белом ледериновом переплете с золоченым пауком — свастикой в правом углу. Свастику окаймляли голубые незабудки. Наверное, такие тетради дарили девицам старших классов для ведения сентиментальных дневников. Некий оберст-лейтенант Гофман приспособил тетрадь для своих записей, пышно именуя себя на первой странице «историографом» батальона «Авангард», 20-й моторизованной дивизии.

Нас не интересовали занимавшие много страниц подробные подобострастные изложения биографий ко-

мандования дивизии, затем — батальона, командиров рот, тем более что большинство всех этих полковников, майоров, оберстов, лейтенантов были уже стерты с лица земли, как и сам их «историограф»... Не интересовал нас и «Путь Побед» разгромленного фашистского батальона. Тем более пропускали мы бесчисленные «юбилейные даты», скрупулезно фиксированные доморощенным историографом «Авангарда»: дни рождения, присвоения воинских званий, приказы о награждениях... Все это внимательно прочтут в политотделе армии, куда мы передадим тетрадь. Для себя же мы с Томзовым решили выписать все, что касается Тихвина,— с точки зрения врага.

Нам ли не понимать значение и роль Тихвина?! После разгрома здесь немцев и освобождения города не раз приходилось политотдельцам выступать с докладами и беседами о значении Тихвинской операции, о сорванных планах гитлеровского командования. Во всех центральных газетах появились большие статьи. И все же интересно было узнать, что небольшой городок Тихвин в планах гитлеровского командования занимал большое место, что к нашему участку фронта было приковано внимание и в Ставке Гитлера.

В «белой тетради» Гофмана мы прочли целую серию выспренних приказов генерала Шмидта — командующего 39-м моторизованным корпусом, а также командира 20-й моторизованной дивизии:

«Фюрер лично приказал нам мощным ударом захватить Тихвин! Вперед — на Север — на Свирь! Нам навстречу движутся войска Маннергейма!»

«Вперед! На юго-восток! Фюрер хочет видеть наши танки не только на Волхове. Сметая все на своем пути,— на Малую Вишеру и Бологое,— навстречу армиям фон Бока!»

«Наше наступление в районе Тихвина замыкает второе кольцо Смерти вокруг Петербурга. Старая столица России сама падет к ногам фюрера. Но еще раньше мы нанесем сокрушительный удар в тыл Москве! Вперед, и только вперед!..»

С возмущением прочли и приказ Главного Командования сухопутных сил рейха (от 12.X.1941 г.):

«До захвата городов их следует громить артиллерийским обстрелом и воздушными налетами. Совершен-

но безответственным было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии...»

Захлебываясь от восторга, приказы командиров всех рангов превозносили захват Тихвина. В тетрадь были аккуратно наклеены многочисленные вырезки из немецких газет:

«Воля фюрера свершилась: Тихвин взят!»

«Подарок фюреру: Тихвин пал!»

«Мюнхен. На торжественном собрании гауляйтеров рейха лично Гитлер сообщил о захвате Тихвина»...

В письме из Германии жена некоего майора сообщала ему, что 9 ноября берлинское радио весь день, через каждые полчаса, передавало «важное сообщение» — о взятии Тихвина.

Наше внимание привлекла вырезка из какой-то газеты, восторженно описывающая офицерский банкет в честь взятия Тихвина в Псковском казино: парадные мундиры, шампанское, речи и поздравления...

И почти вслед за всем этим славословием в тетради приведен приказ генерал-лейтенанта фон Арнима:

«Противник понял решающую роль Тихвина в боях на Северном участке и прилагает все усилия, чтобы снова захватить его... Пусть противник здесь, в русском болоте, натолкнется на германский гранит, и он не пройдет»...

Это была последняя запись незадачливого фашистского «историографа» в «белой тетради» со свастикой и незабудками.

«Обратно — к берегам Свири»

В конце декабря в Верховину приехали политотдельцы Четвертой армии, и мы из рук в руки передали все содержимое нашего заветного железного ящичка, тепло распрощались с фронтовыми друзьями и тронулись на Свирь.

...Казалось, кадры знакомого кинофильма движутся в обратном направлении! Вездеход-«козлик» мчит нас по местам недавних боев, мимо не остывших

еще блиндажей и развороченных артиллерией вражеских дотов, мимо совсем еще свежих, навечно дорогих нашему сердцу братских могил. Здесь, в молодом ельнике, был замаскирован КП батальона саперов, вон там, на горушке, снег еще не занес следы артиллерийских позиций... Памятные навсегда лесные кордоны, деревушки, развилки дорог, еще недавно они были помечены синими и красными стрелами на картах наших штабников как важные объекты наступательных операций.

Тихвин!.. Только сейчас мы можем по-настоящему рассмотреть этот старинный русский городок бывший магнитным центром боевых устремлений всех наших оперативных групп, дивизий, полков и батальонов в течение трех недель... Даже не верится, что можно спокойно пройти по его улицам, поклониться домику Римского-Корсакова, заглянуть во двор старинного монастыря, еще вчера как ядовитыми грибами усеянного крестами бесчисленных могил гитлеровских офицеров, выйти к Тихвинке, где не так давно гремели бои за переправу... Теперь здесь повсюду стучат отбойные молотки, разворачивая обугленные развалины, поют в морозном воздухе сотни пил, грохочут трактора. Тихвин энергично восстанавливается, и по всем улицам, которые помнятся нам пустыми и мертвыми,— сотни людей.

Это было в декабре 1941 года.

А через много лет, в канун 30-летия освобождения Тихвина, в 1971 году, мне довелось снова побывать в этих местах. И когда маленький самолет из Ленинграда пошел на снижение, я усомнился, туда ли мы прилетели: массивы многоэтажных домов, корпуса больших заводов, просторные площади и заснеженные парки... Позже среди необъятных новых районов я с трудом разыскал знакомые улицы старого города. Высокие дома, кинотеатры, школы, клубы сжимали их со всех сторон. И я вспомнил мудрые слова сельской учительницы из Верховины, сказанные при открытии восстановленной школы в дни боев 1941 года. Да, белокаменные тихвинские школы сегодня, как и весь

этот новый большой светлый город,— лучший памятник всем, кто отдал свои жизни во имя будущего!..

А затем мы прошли с друзьями по местам боев за Тихвин. Стоял такой же зимний день, как и три десятилетия назад. С непередаваемым волнением увидели мы памятники на всех братских могилах и монументы на всех этапных пунктах Тихвинской операции.

Вот Сарожа! Первый пункт развертывания опергруппы генерала армии К. А. Мерецкова. Издалека виден памятник на братской могиле — боец с автоматом и печально склоненная девушка.

Через несколько километров — деревушка Бор, куда впервые вперед из Сарожи передвинулся штаб опергруппы. Дорога на Кайваксу, путь на Тихвин. На развилке дорог — обелиск, перед ним противотанковые надолбы. На обелиске выбиты слова: «От деревни Кайвакса в декабре 1941 года советские войска начали освобождение г. Тихвина от немецко-фашистских захватчиков».

Березовик. Пункт ожесточенных боев танков и пехоты. На братской могиле в центре поселка — памятник: боец со знаменем. Здесь спят вечным сном среди своих бойцов комиссар А. Г. Ястребов, подполковник Д. Г. Бацкиаури...

Печально шумят сосны у деревни Астрачи. Тут на братских могилах большой мемориал, опоясанный каменной надписью: «Бессмертны в памяти народа имена защитников Родины. От трудящихся Бокситогорского района».

Густой сосновый лес. Кордон Пашский. Прямая снежная дорога ведет на Тихвин. У кордона взметнулась вверх металлическая стрела с надписью у подножия: «С этого рубежа начался разгром немецко-фашистских войск под Тихвином в декабре 1941 года...»

Братская могила героев боев за Тихвин и в самом центре города, на площади Свободы. Над ней возвышается пятиконечной звездой обелиск Славы. У нового кинотеатра «Комсомолец» установлен большой памятник в честь освобождения Тихвина от немецко-фашистских захватчиков... А на знамени города — орден Отечественной войны I степени.

Живет и будет жить в сердцах народных добрая память о героях Великой Отечественной войны!.. Слава им вечная!

Если бы я продолжал вести старую фронтовую записную книжку, я записал бы в ней эти слова...

«От высотки Безымянной до Тихвина». «Прелюдия будущей победы...»

И вот мы снова в своей армии. Теплые встречи в землянках, бесконечные рассказы, выступления с докладами о Тихвинской операции в частях армии... Алеховщина на Свири, где расположен штаб и политотдел Седьмой Отдельной армии, почти не изменилась. Те же извилистые ходы сообщений, те же не смолкающие ни днем, ни ночью орудийные раскаты и внезапно возникающие над головой — то шелестящие, то воющие — звуки низко летящих снарядов и рвущийся треск то дальних, то близких пулеметных очередей... и уверенный стрекот многочисленных аппаратов связи в штабных землянках, так же не прерывающийся ни днем, ни ночью, как и неустанно звенящие звуки морзянки... И совсем мирный гул типографских машин нашей армейской редакции, зарывшейся в мерзлую, заснеженную землю где-то здесь, неподалеку... Пожалуй, прибавились новые глубокие воронки на берегу Свири, чуть прикрытые чистым снегом,— мрачные следы вражеских бомбежек, унесших уже немало жизней мужественных и скромных фронтовых штабников...

Мы — трое «тихвинцев» — Томзов, Безручко и я, получили новые назначения (и еще по одной «шпале» в петлице, стали старшими батальонными комиссарами). Теперь мы — инспекторы политотдела армии по общевойсковым частям, артиллерии и авиации. Инспектором по частям ВВС назначен, конечно, я,— не зря с первого дня войны не расстаюсь с авиационной формой.

Теперь в Алеховщине, в политотдельской землянке, мы встречаемся редко-редко... Записная книжка

пополнилась заметками о полетах по фронтовым аэродромам, встречах с бомбардировщиками и истребителями, их боевой готовности, героизме и самоотверженности.

26 января 1942 года нас неожиданно вызвали в Алеховщину,— здесь уже все «тихвинцы»,— в штабной землянке состоится вручение орденов и медалей.

Через несколько дней номер армейской газеты «Во славу Родины» почти целиком был посвящен «тихвинцам». Передовая статья «Слава героям!», целая страница под «шапкой»: «Слава бесстрашным! Им вручены ордена Советского Союза».

Нам было особенно приятно, что от имени Президиума Верховного Совета СССР ордена и медали вручал наш друг и соратник с первого дня войны, обаятельный человек Василий Михайлович Шаров — бригадный комиссар, начальник политотдела армии.

На рассвете следующего дня я улетел на самый дальний наш аэродром. Самолет взял курс на юго-восток и через несколько часов болтанки опустился на огромном поле у небольшого городка, где мне никогда ранее не приходилось бывать. Здесь в боевой готовности стояли бомбардировщики дальнего действия, и командир и комиссар полка находились тут же, провожая на очередное боевое задание своих летчиков.

Фронт был далеко, здесь как будто глубокий тыл, маленький городок на замерзшей реке раскинулся в тишине и покое среди нетронутых снегов. Но аэродром жил напряженной жизнью... Трудно сравнивать самолеты тех лет с сегодняшними могучими машинами сверхзвуковых скоростей, с их ракетным вооружением... Но по тем временам наши дальние бомбардировщики в умелых руках были грозными для врага... Бомбардировщики совершали боевые вылеты в дальние тылы противника и уже в 1941 году долетали до самой Германии и бомбили ее города.

«Тихвин — это прелюдия»,— записано в моей фронтовой записной книжке в декабре 1941 года. Прелюдия к будущей симфонии Победы... Здесь у летчиков-дальнебомбардировщиков в январе 1942 года мы уже видели крылья Победы!

1941—1975 гг.

«Живем правильно!..»

Стоял один из тех дней начала осени, которые особенно хороши на Урале. В вагоне не оторвешься от окна. Всеми красками щедро украшает природа леса и горы, будто хочет, чтобы до новой весны люди не забыли ее красоту. Невольно поражаешься бессчетным оттенкам зеленоватого цвета, то там, то тут освещенным бликами яркого золота. Причудливые голубые и синие очертания дальней кромки леса и еще более далекой линии пологих гор как бы плывут в легком прозрачном воздухе...

Ранним утром наш поезд подошел к небольшой станции. Я вышел из вагона и медленно бродил по шпалам, усыпанным свежим песком. Тишина леса радовала, и мелкий дождь, бесшумный, спокойный, весь пронизанный лучами восходящего солнца, совсем не беспокоил. На соседний путь подошел встречный поезд, и тишина лесного полустанка сразу взорвалась. С грохотом растворились двери товарных вагонов. Веселые призывы на красном полотне «Не пищать!» были размыты встречными дождями и вздувались на ветру, словно видавшие виды потрепанные паруса. Со смехом и шутками на перрон высыпали парни и девушки. Казалось, к лесному берегу пристал веселый корабль молодости. Комбинезоны, ковбойки, спортивные куртки, беззаботные песенки и усталые, но сияющие лица... Конечно же, это был один из многих в те

дни эшелонов молодежи, направляющейся на целинные земли.

Я проходил мимо эшелона и, как это всегда бывает с пожилыми людьми, с легкой завистью глядел на молодые лица. Мое внимание привлек парень в ковбойке. Ничего необычного не было в его простом лице с немного приплюснутым носом и серыми глазами. Он бойко разговаривал с девушками... Нет, я никогда не видел его, не встречался с ним. Но что-то необъяснимо знакомое было в его голосе. Я остановился невдалеке. К открытым настежь дверям вагона подошел мужчина с красной повязкой на рукаве — видимо, начальник эшелона.

— Как жизнь, Виктор?

— Живем правильно, товарищ начальник! — четко ответил парень в ковбойке волнующе знакомым, глуховатым басом. Он, смеясь, приложил руку к маленькой мятой кепке, одетой набекрень, и стал что-то рассказывать, быстро загибая пальцы на руке.

Я смотрел и слушал, но память уносила далеко. Перед глазами вставал другой, далекий лес, озаренный слабым светом раннего утра, пронизанный мелким дождем, а глухой бас произносит те же памятные слова: живем правильно!..

И я вспомнил.

То было в первую осень Отечественной войны на Лососинских лесных болотах. Как сообщали в те трудные дни сводки Советского информбюро, наши части вели упорные бои с немецкими и финскими войсками, рвавшимися к Ленинграду. Мы вкусили уже и горечь отступления и боль дорогих потерь, но самым тяжелым для всех нас — от солдата до командующего армией — была невозможность остановить противника. Со стыдом и гневом, с ненавистью к врагу и неугасимой надеждой на лучшие времена брели мы в нестройных колоннах отходивших войск, прижимались к сырой земле во время минометных и артиллерийских налетов, рассыпались по лесу, услышав такое живительное, а тогда смертоносное слово: «Воздух!»... И как радовались каждому контрудару, какого бы малого местного значения он ни был. Все же это был контрудар, удар по ненавистному врагу.

Находясь всегда на передовой, мы, политработники, были своими в каждом батальоне, в каждой роте.

В первый день войны в Ленинграде нас было четверо, старых друзей. Ефим Томин — астроном из Пулкова, человек огромнейшего роста, похожий скорее на борца. Он уверенно говорил неожиданно шепелявым голосом о том, что к весне, во всяком случае, надеется вернуться к своим делам, чтобы летом будущего года поспеть в экспедицию. Товаровед Ленинградского Дома книги Анатолий Киприн курил папиросу за папиросой, часто снимал не привычную еще пилотку, вновь и вновь нервно застегивал ремень скрипящей портупеи и сквозь зубы ругался, останавливаясь у скульптур Летнего сада, уже одетых в безобразные деревянные панцири — от бомбежек. Миша Долгих — токарь с завода «Вулкан» — не отрывал глаз от решетки Летнего сада, как будто надолго запоминал ее легкие очертания...

Когда мы встретились в сентябре, нас было уже трое.

Фронтовая жизнь, как бы тяжела она ни была, входит в свою колею, и человек обживает и временную землянку, и окоп, и кювет у дороги. И все же нельзя сказать, чтобы нам было уютно в неглубокой, наспех отрытой в земле яме, под обрывом. Каждый удар снаряда обдавал земляным дождем, песок, казалось, проникал во все поры тела. Но мы с Киприным были рады короткой встрече на КП роты Миши Долгих, где недавно погиб наш друг Томин. Сколько слов было сказано за общим котелком «хозяина дома», как именовал себя комроты, сколько воспоминаний и надежд!..

Здесь на рассвете и застал нас приказ о контрударе. Нет, то не был еще один из тех контрударов, которые потом изменили ход войны. В те трудные дни мы называли этим бодрящим словом каждую контратаку. Пусть ее не отмечали сводки Совинформбюро, но по всей армии, по всей линии фронта, из окопа в окоп, из землянки в землянку передавалась весть о том, как рота лейтенанта Н. «дала жару» фашистам, водрузив Красное знамя на высоте Безымянной. Пусть высотка эта не помечена на стратегических картах армейского и даже дивизионных штабов, но как до-

рого сердцу бойца Красное знамя на безымянном холмике, на болоте, отбитом у врага на нашей земле. Какие думы и мечты порождает, какие сны навевает в тревожные часы коротких фронтовых ночей такая весть! Мы верили: отсюда начнется наш долгий и трудный путь на Берлин.

А пока мы были озабочены выполнением приказа. Обстановка сложна и тревожна. Прямо на нас лесом, без дорог, отходили части соседнего полка. По пятам за ними шли войска противника. Тут же оказался штаб нашей дивизии со всеми документами и полевой госпиталь с тяжелоранеными. Отходить дальше — значило обречь на уничтожение множество людей, поставить под угрозу госпиталь.

Весь день из разрозненных групп наших солдат и офицеров, выходивших из-под обстрела, мы спешно формировали взводы, роты, назначали командиров, политруков, пополняли вооружением.

Контратака должна была начаться с рассветом. Весь наш замысел строился на том, чтобы нанести удар с трех сторон, создать видимость окружения и заставить противника хоть немного отступить. За это время части приведут себя в боевой порядок, а госпиталь сумеет отойти в дальние тылы.

Детальный план операции быстро разработали штабники дивизии, а мы всю следующую ночь готовили бойцов к атаке. Приглушенно говорили о Ленинграде, о партии, о семьях и детях; обстрелянные солдаты давали советы новичкам... Я всматривался в лица бойцов. В полумраке хорошо были видны только глаза, я видел в них раздумье и печаль, холодный блеск гнева, лихорадочные искры ненависти.

К группе бойцов, которую назвали ударной, подошел командир роты Долгих.

— Как жизнь, орлы? — привычно спросил командир, оглядывая знакомые лица и присаживаясь на пенек.

— Живем правильно, товарищ командир! — ответил негромкий густой голос... В блеклом свете нарождающегося дня я разглядел пожилого солдата. Он сидел на земле, опираясь на винтовку. Каска, сдвинутая почти к затылку, открывала высокий лоб, глаза посажены широко, слегка приплюснутый нос, отбрасы-

вая по сторонам глубокие тени, подчеркивал заостренные скулы.

— Живем правильно,— медленно повторил он и, как бы заканчивая прерванный разговор, добавил: Здесь наше место, и другой дороги у нас нет... Верно я говорю? — неожиданно обратился он к молоденькому солдату в непомерно большой каске, сползающей на глаза.— Правильно, служба? — повторил он и звонко щелкнул по железу каски.

Солдат смущенно улыбнулся:

— Верно...

Бесшумно пошел мелкий дождь, тревожно зашептались листья деревьев. Я подсел к пожилому бойцу. Мы познакомились. «Егор Иванович»,— назвал он себя по-граждански. Рабочий из Каменска-Уральского, добровольцем воевал в финскую войну, доброволец и теперь.

Раздалась негромкая команда, бойцы сосредоточенно расходились на исходные рубежи.

Над фронтовым лесом занималась заря, освещая сломанные березы, криво срезанные верхушки сосен — следы недавнего артиллерийского налета.

Тяжело вспоминать об этой атаке. Дорогой кровью спасли мы жизнь раненых товарищей. Я видел, как, падая, схватился за густую ель Толя Киприн. Пригибаясь к земле, мы с Егором Ивановичем добрались до моего друга. Ползком, волоча Киприна по земле, удалось нам оттащить его за пригорок. Но Толя был уже мертв. Я поцеловал холодеющий лоб друга, взял его полевую сумку, набитую книгами. Мимо, по лужам, полз в тыл за медикаментами санитар. «Сдайте в политотдел»,— попросил я его, вручая сумку Киприна.

— Генерал! — закричал вдруг Егор Иванович и бросился вперед. На лесной дороге бой перешел в рукопашный. Руководил им высокий подвижный офицер. Бойцы теснились вокруг него, наседая на немцев.

Все это я разглядел на бегу, догоняя Егора Ивановича. Да, это был генерал Соболев, начальник штаба дивизии.

К нам присоединились еще десятка два солдат, видимо, из резерва, и мы с ходу включились в бой... Началось преследование отступающего врага.

Только тот, кто сам участвовал в штыковой атаке, знает, как благодатен отдых после непередаваемого напряжения рукопашного боя... Мы окружили генерала. Он снял каску, пригладил рукой седые волосы. Соболев был очень смущен и усталым голосом стал подробно объяснять, что действовал он неправильно, лично участвуя в бою, вместо того чтобы руководить им.

Его недослушали, раздалось дружное «ура!» в честь одержанной маленькой победы. Генерала бережно качали.

Дождь стих, солнце щедро позолотило лес. Начинался новый фронтовой день — день тревог, надежд и ожиданий.

После этого боя я расстался с Егором Ивановичем и встретился снова с ним глубокой зимой 1941 года.

Наши части освобождали Тихвин — ключ к городу Ленина в стратегических планах немцев. Мы наступали в составе Северной оперативной группы войск. Стояла задача — форсировать реку, закрепиться на берегу, подавить все огневые точки врага и обеспечить переправу танков и артиллерии для удара на Тихвин с севера.

Бои шли уже на другом берегу реки, противник не прекращал ожесточенных атак, стремясь любой ценой выбить советские части, сбросить их с высокого берега. Но основные свои огневые точки немцы скрывали, коварно готовили неожиданный шквал огня, если мы попытаемся форсировать реку. Разведать расположение вражеской системы огня было очень важной задачей.

Темной ночью группа командиров и политработников во главе с генералом Соболевым начала переправу к нашим войскам на противоположный берег.

Противник открыл беспорядочный обстрел реки...

В густой тени высокого берега нас ожидал Михаил Долгих — теперь уже комбат, с группой бойцов. По глубокой траншее, под беспрерывным обстрелом мы добрались до КП головного батальона. Генерал решил на месте ознакомиться с обстановкой и найти возможность переправить войска. Мы с комиссаром батальона пошли к бойцам и заночевали в одной из рот.

Через два-три дня картина стала ясной, и генерал

совершил обратный опасный путь по льду — предстояло готовить большую операцию. Я оставался в батальоне Долгих.

После полуночи пошел густой снег. Мы с комбатом стояли за укрытием на первой линии наших позиций. Вглядывались в ночную мглу... «Знаю я их», — хмуро бросил Долгих и приказал усилить наблюдение за противником.

Видимо, сказались бессонные ночи: я начал дремать. Разбудило жужжание полевого телефона.

— Смены не будет до конца,— говорил комбат.— Знаю, что трудно, но иначе нельзя... Что нового?.. Передаю трубку на запись. Бувайте здоровы.

Трубку взял дежурный связист и, приткнувшись к замаскированному фонарю, стал что-то быстро записывать, время от времени приговаривая:

— Ось гады!.. Ось гады!..

Миша тронул меня за рукав:

— Пошли в блиндаж, согреемся.

За кружкой кипятка комбат рассказал, что звонили наблюдатели. «Которые впереди пехоты»,— сказал он, как о самом простом и обычном.

Я не допил чаю и один вышел в траншею. С особым волнением вглядывался в ночь. Где-то далеко, впереди самых передовых наших укреплений, перед самым носом противника, на клочке земли, беспрерывно простреливаемом со всех сторон, сидят, окопавшись и замаскировавшись, наши наблюдатели-невидимки. Каждый миг им угрожает гибель, но они зорко несут свою службу.

В час переправы я решил быть с ними.

Ночь накануне выдалась как по заказу. Снова валил густой снег, зловещая мгла укрыла все. Со мной шел автоматчик Сергеев, ленинградский физкультурник, рекордсмен по прыжкам с трамплина.

— Удачи! — тихо сказал Миша Долгих, крепко пожимая мне руку и не выпуская ее.— Глядите в оба, Сергеев,— напутствовал он.— Потеряете «нитку» — ищите ориентиры.

Разведчики вывели нас за передовую линию обороны. Мы легли на снег, поползли и сразу же остались совершенно одни среди ночи и пурги. Но «нитка» — провод полевого телефона — уверенно вела Сер-

геева, я не отставал от него ни на шаг. Часто мы застывали на месте. Немцы вели огонь.

Сколько времени прошло с тех пор, как мы начали свой путь? Час, два, три?.. Вдруг Сергеев исчез. Я замер, не зная, что делать. Но вот из-под сугроба появилась рука, и меня втащили в ход сообщения... Узкий, глубокий, хорошо замаскированный ход вел в давно засохший разрушенный колодец. Здесь укрылись четыре наблюдателя со стереотрубой, телефоном, автоматами и гранатами. Оставаясь невидимыми в непосредственной близости от врага, они следили за каждым его шагом... Засекали каждую вспышку пулемета, каждый дымок артиллерии, заносили на карту каждую новую огневую позицию врага. Их бесстрашные глаза день за днем раскрывали огневую систему противника. Неоценимы добытые ими данные для предстоящей переправы и наступления...

Сергеев представил меня трем бойцам. В полумраке я едва различал их силуэты.

— Старшина отдыхает,— сказал один из наблюдателей.

Как рады были бойцы приходу людей с Большой земли! Отторгнутые от своих смертоносной полосой земли, они оставались неотрывной частью наших войск. Вспомнились теплые слова комбата Долгих: «Глаза батальона»... Трудно передать, о чем мы беседовали в эти ночные часы, чутко прислушиваясь к предательской тишине в стане врага... И лишь когда было поведано о всех последних сводках Совинформбюро, о плотном кольце советских частей вокруг Тихвина, готовящихся к решительному штурму, о важности обеспечить переправу войск и техники на нашем направлении и когда Сергеев рассказал о новостях батальонной жизни, лишь тогда наблюдатели отпустили меня отдыхать. Я лег в земляной нише, рядом с крепко спавшим старшиной, и сразу погрузился в тяжелый сон...

— Алло, слушаю!

Зазвучал далекий голос Миши Долгих:

— Привет! Рад слышать на новом месте. Передай трубку старшине, будет говорить Третий.— Третьим, по нехитрому нашему коду, был генерал Соболев.

Моему соседу, который тоже, видимо, проснулся,

все было слышно, как из тихого репродуктора: рука старшины в темноте приняла у меня трубку.

— Как жизнь на курорте? — услышал я шутливый вопрос генерала.— Что нового?

— Живем правильно, товарищ Третий. Все новости передали, ждем солнышка: загорать охота.

Генерал тихо называл непонятные мне цифры. Старшина Егор Иванович (это был, конечно, он!) вслух повторял их, его товарищ что-то внимательно отмечал на своей карте, а Сергеев светил карманным фонариком, маскируя его плащ-палаткой.

— Егор Иванович! Здравствуйте, дорогой! — от всей души приветствовал я старого знакомого, как только он отложил трубку. Мы обнялись, разговорились... Но не прошло и получаса, как далекая ракета возвестила начало артиллерийского наступления.

С шелестом и посвистом летели над островком наблюдателей разнокалиберные снаряды. Егор Иванович внимательно вслушивался и вместе с товарищами зорко вглядывался в сторону противника. Судя по тому, что противник долго не отвечал, его огневые точки первой линии были выведены из строя. «Наша работа!» — ликовали наблюдатели.

Шквал нашей артиллерии не стихал, но вскоре к знакомому пению «своих» снарядов примешались чужие звуки. С воем пронеслись к реке снаряды противника.

— Очухались, сучьи дети,— проговорил Егор Иванович.— Дальнюю вызвали... Засекай! — строго приказал он бойцам, и все прильнули к биноклям.

Уже через несколько минут старшина передал на КП первые данные о возможном расположении артиллерийских позиций немцев, и высоко над нами началась мощная дуэль дальнобойной артиллерии самых крупных калибров.

Закрыв одно ухо ладонью, Егор Иванович напряженно слушал телефон. Генерал Соболев требовал уточнить, откуда бьют вражеские пушки.

— Дайте общие координаты, будем громить по площади,— говорил генерал.— Ясно? Понаблюдайте и сматывайте удочки...

Снова зуммер. Теперь комбат поздравлял наблюдателей с успехом.

— Живем правильно, верно, курортники? — услышал я шутливые слова Миши Долгих из лексикона Егора Ивановича.

— Правильно живем,— смеясь, ответил старшина.— Такая наша работа.

Разрывы снарядов вокруг участились. Воздух над нами дрожал и гудел. Но солнце, багровое, тревожное зимнее солнце, медленно и величаво поднималось над израненной землей, вселяя веру в незыблемость жизни даже на этом крошечном клочке «ничейной территории».

— Ложись! — закричал вдруг наблюдатель. Совсем недалеко от нашего укрытия взметнулась земля со снегом.

— То ли недолет, то ли нащупали нас,— проговорил Егор Иванович.

— Один черт, наше время истекает... Давайте-ка данные, последний разок с этого места поможем братьям-артиллеристам.

Таким я запомнил его на всю жизнь. В расстегнутом белом полушубке, коренастый, спокойный и уверенный, он медленно диктовал в трубку данные последних наблюдений...

— Ложись! — крикнул вдруг Егор Иванович, и последнее, что запечатлелось в моей памяти, были расширившиеся, потемневшие от тревоги и гнева глаза старшины... Не успел я сделать и шага, как Егор Иванович бросился на меня, сбил с ног, накрыл своим телом, прижал к земле... Казалось, само солнце упало и взорвалось в нашем укрытии...

Я пришел в себя через несколько дней. Из окна госпиталя виднелись знакомые очертания Тихвинского монастыря. Над его приземистыми воротами развевался запорошенный снегом красный флаг.

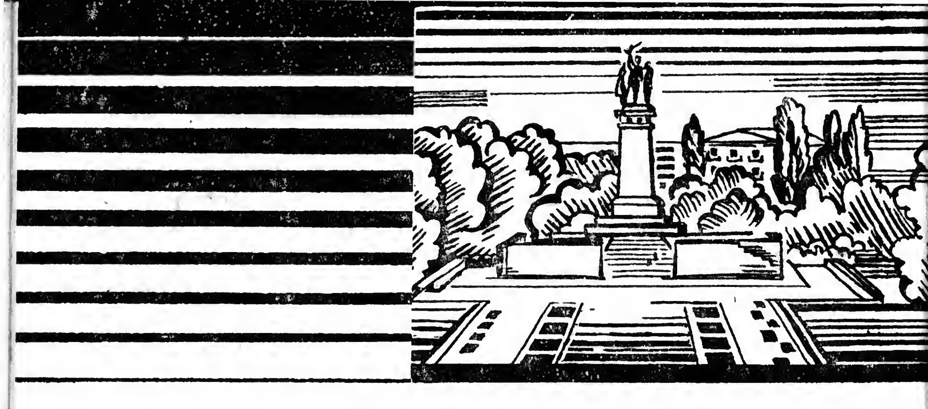
Прошло еще много дней, и товарищи из армии ответили мне, что герои-наблюдатели похоронены в братской могиле недалеко от Тихвина, и генерал Соболев распорядился над их именами на постаменте написать: «Впереди первых».

...Обо всем этом и напомнила мне мимолетная встреча на лесном уральском полустанке. Юноша, чем-то похожий на Егора Ивановича, и весь эшелон его сверстников-целинников как бы воскресили в мирные

дни чудесную поговорку старшины военных лет: «Живем правильно!»

Гудок паровоза возвестил: «По местам!» «По коням!» — весело вторили ему целинники... Поезд тронулся, но я все не мог отвести глаз от юноши в ковбойке. Парень стоял у широко раскрытых дверей вагона, будто на палубе корабля, уплывающего к новым берегам.

1958 г.

«Как фиалка в лесу...»

Ни с чем не сравнимы народные торжества на Красной площади в Москве, на Дворцовой площади города Ленина, в зелени киевского Крещатика! Но вот рядом с ними, словно снопик фиалок бок о бок с большим букетом цветов, встает в моей памяти красочный сентябрьский праздник на небольшой площади Варны — болгарского Ленинграда.

— У нас в сентябре — Октябрь,— говорят болгары, отмечая 9 Сентября — день своей народной революции. И впрямь, все здесь напоминало нашу Родину: фанфары, возвещавшие начало праздника, юные барабанщики, открывшие парад моряков, шествующих в ослепительно-белой форме уверенно и красиво; колонна старых революционеров, героев антифашистских восстаний, бывших партизан — бородатых, с орденами, медалями и широкими орденскими лентами через плечо; юноши и девушки в светлых одеждах. И цветы — живые цветы придунайских равнин и предгорий. И флаги — красно-зелено-белые стяги народной Болгарии и алые советские знамена. И песни — болгарские и русские... Десятки красочных транспарантов и призывов, окаймлявших площадь, реявших над колоннами, были понятны и болгарам и советским гостям: «СССР — Болгария — вечна дружба!»

Мы ощущали ее в каждом уголке страны, все больше познавая ее глубокие корни и истоки.

Центральные магистрали Софии — бульвар Русский и бульвар Владимира Ильича Ленина. Память об освобождении от турецкого ига хранят улица Шипка, бульвар генерала Столетова, бульвар генерала Скобелева. В честь героев освобождения Болгарии от германского фашизма цветут здесь и бульвары маршала Толбухина, маршала Бирюзова, подполковника Калитина. Близ Софии дорожная стрелка укажет вам путь и на город Толбухин.

Недалеко от центра болгарской столицы расположен большой музей русско-болгарской боевой дружбы. Более 70 тысяч экспонатов — картин, реликвий — воскрешают страницы совместной, уходящей в века борьбы русских и болгар против чужеземных завоевателей.

Здесь нас познакомили со Станко Велчевым — в годы войны партизаном, а ныне аспирантом-историком. Быстрый и порывистый, он весь лучился энергией. Велчев пишет книгу о сентябрьском восстании 1923 года. Не раз бывал в СССР, и, радуясь встрече с советскими друзьями, он хочет сам показать нам достопримечательности Софии.

— В самом центре нашей столицы, на площади Народного собрания, вы увидите памятник освободителям,— медленно, подбирая русские слова, говорит Велчев.— Ему скоро шестьдесят лет, это знак благодарности русским освободителям от ига турок. Памятник красивый, его творил итальянский скульптор. Но, прошу заметить, вы будете видеть в Софии памятник Советской Армии — освободительнице, и он превосходит все виденное! Так, прошу заметить, будет повсюду в Болгарии: рядом со старым памятником русским воинам благодарный народ воздвиг новые — в честь Советской Армии!

Мы не раз вспоминали эти слова.

Недалеко от старого памятника освободителям, там, где бульвар Русский сливается с бульваром Ленина, привольно раскинулся молодой парк. В его свежей зелени целый скульптурный ансамбль — памятник Советской Армии — освободительнице. Каменные плиты-ступени почти стометровой длины ведут к мощной группе на гранитном пьедестале: советский воин, мать с ребенком, болгарский рабочий.

Несколько скульптурных композиций окружает памятник на близких и дальних подступах к нему. Тысячи людей ежедневно приходят к этим полным глубокого смысла барельефам, изображающим встречу Советской Армии в Болгарии в сентябре 1944 года.

Букеты, венки, живые цветы не успевают увядать на граните, их ежедневно обновляют любящие руки друзей.

Здесь же, на бульваре Ленина, в парке Свободы, почти по соседству с памятником Советской Армии, находится и большая братская могила партизан, подпольщиков, болгарских революционеров, павших в борьбе против фашизма. Сорокаметровый обелиск как бы перекликается с памятником советским воинам: словно два брата, возвышаются они в центре Софии. А меж ними, в цветущем парке, раскинулся спортивный детский городок.

Навечно рядом в сердце хранят болгары память о тех, кто завоевал в совместной борьбе свободу народу. И так не только в столице.

Мы много ездили по живописным дорогам Болгарии. И перед нами возникали то почти уральская панорама Кремиковского металлургического комбината, напоминающая Тагил, то долины роз, то мощные корпуса химических заводов Стара Загоры, то кооперативные виноградники, древние и юные города и села.

Вот село Луковит, известное первой в Болгарии ГЭС на реке Золотая Панега, с книжарнями (книжными лавками) «Максим Горький» и «Молодая гвардия». На сельской площади — памятник на месте расстрела коммунистов в 1944 году.

Вот на высоком горном перевале белый обелиск, видимый издалека,— в честь знаменитого некогда партизанского отряда «Чавдар». Вот в тени розовой акации памятник героине болгарского народа — партизанке Йорданке Николовой и стихи в ее честь на мемориальной доске. Городок Мездра запомнился памятником великому болгарскому революционеру Христо Ботеву.

Нужно ли много писать о легендарной Шипке, о величественном памятнике славы русского оружия, воздвигнутом на пронизанной ветрами вершине горы, носящей имя русского генерала Столетова. Долго бро-

дили мы среди бесчисленных могил и обелисков и, как дорогую реликвию, получили от болгарских друзей памятную медаль с изображением Шипки в лавровом венке и со знаменательными датами: «1877—1944». Через семь десятилетий советские воины повторили здесь, на Балканах, подвиг русских солдат — вновь освободили Болгарию, теперь от фашистских угнетателей.

В Пловдиве, городе, раскинувшемся на шести холмах, известном своими заводами, крупнейшим текстильным комбинатом, павильонами международной ярмарки, музеями и учебными заведениями, здесь, в парке Освободителей, над шумной Марицей, мы снова вспомнили слова Станко Велчева из Софии.

Рядом со скромным памятником русским солдатам, погибшим за свободу болгарского народа в русско-турецкую войну, на вершине самого большого пловдивского холма — холма Освободителей — возвышается колоссальный монумент Советской Армии. Сотни ступеней каменной лестницы, с десятками площадок по пути к вершине, ведут к памятнику: на огромном постаменте — гранитная фигура советского воина...

Далеко внизу — мирная цветущая Фракийская долина, у подножия холма раскинулся город, за Марицей — флаги международной ярмарки...

Кто не слышал об исторической осаде неприступной Плевенской турецкой крепости в семидесятых годах прошлого века, о героических и решающих боях русских войск под Плевной за освобождение болгар... Каждый камень здесь напоминает о прошлом. Незарастающая тропа приведет вас к бережно хранимым старым русским редутам армии генерала Лаврова. Десятки памятников воскрешают имена участников гремевших здесь десятилетия назад баталий. На весь мир известен знаменитый мавзолей, хранящий останки русских воинов — героев русско-турецкой войны.

С благоговением стояли мы у братской могилы в парке имени русского генерала Скобелева. Золотые строки на мемориальной доске звучат как голос благодарного сердца болгарского народа:

> Они, орлы северных небес, чада великой русской земли, вдохновленные духом гуманности, правды, свободы, водимые гением

> победы, перелетели поля и леса, реки и моря и смело опустились на прекрасные и гордые Балканы. Здесь, в порабощенной веками болгарской земле, они пронзили своими пиками, своими штыками турецкую тиранию... Острием меча разрубили они вековые оковы, а своими пушками разрушили до основ пятисотлетнюю крепость тяжелого рабства.
>
> В кровавой борьбе, бушевавшей на болгарской земле, они беззаветно пролили свою кровь, легли костьми на братской земле за свободу, за благо болгарского племени, забытого историей, царями, богами и сильными в то время народами.
>
> В знак глубокой признательности и великой благодарности освобожденный ими болгарский народ воздвиг им этот памятник свободы, выросший из глубины души, как фиалка в лесу...

Ежедневно приходят и приезжают в Плевен сотни, тысячи людей со всей Болгарии, со всего мира.

— Самые дорогие наши гости здесь всегда — русские, советские люди! — сказал нам один из руководителей музея.— Ибо на этих незабываемых холмах слилась воедино бессмертная слава русских солдат и советских героев!.. Смотрите!

Почти рядом со старинным мавзолеем, там, где липы бульвара Скобелева дружески смыкаются с акациями на бульваре Толбухина, возвышается огромный памятник бойцам Третьего Украинского фронта, отдавшим свои жизни за освобождение Болгарии от фашизма. Юные болгарские пионеры, приехавшие на экскурсию из горных селений, принесли сюда цветы. Цветы, яркие и нежные, росли здесь, на площади Свободы, повсюду окружая памятник самым почетным венком народной любви.

Покидая Плевен, мы долго стояли у этого памятника, еще раз подошли к старому мавзолею. И вдруг сквозь густую завесу кустарника у седых стен мавзолея русской славы мы увидели не замеченную раньше, явно новую мемориальную доску. Это были выбитые на мраморе стихи неизвестного армейского поэта,

оставленные здесь «Героям Плевны от частей Третьего Украинского фронта победоносной Красной Армии»:

Вдали от русской матери-земли
Здесь пали Вы за честь Отчизны милой,
Вы клятву верности России принесли
И сохранили верность до могилы.
Вас не сдержали грозные валы,
Без страха шли на бой святой и правый,
Спокойно спите, русские орлы.
Потомки чтут и множат Вашу славу.
Отчизна нам безмерно дорога,
И мы прошли по дедовскому следу,
Чтоб уничтожить лютого врага
И утвердить достойную победу.

Сентябрь 1944 г.

Живая связь времен, преемственность традиций, дыхание подлинного народного патриотизма звучат в этих стихах...

1963 г.

У горы Геллерт

Полнокровной трудовой жизнью живет Дунай — река Дружбы. Позади остались Румыния, Болгария, Югославия, а вверх и вниз по течению плывут караваны тяжелых барж, нефтеналивные суда, старые колесные пароходы и новые скоростные теплоходы... Плывут в Венгрию, в Чехословакию, в СССР, а навстречу им идут суда из Измаила, Одессы, из Братиславы, из Эстергома... Румынский теплоход «Муфай» дружески сигналит советскому танкеру «Повенец», югославский «Златар», не сбавляя хода, переговаривается флажками с командой мощного плавучего подъемного крана на огромной барже под чехословацким флагом.

Поздней ночью мы подошли к Будапешту, медленно пробираясь сквозь сверкающее огнями кружево его мостов... С первыми лучами солнца мы уже были на палубе. Наш теплоход стоял у Центральной пристани венгерской столицы. Недалеко от старинного Цепного моста через Дунай, справа и слева — мост Кошута, мост Петефи, мост Геллерт и рядом на горе — грандиозный монумент Освобождения, памятник славы советским воинам — освободителям Венгрии от фашизма.

Первый наш маршрут в Будапеште — на гору Геллерт...

Медленно, осторожно разворачивается огромный автобус по узким улицам и переулкам, сплошь за-

стекленным витринами магазинов. Порой машина вырывается на простор широких проспектов и бульваров, но тогда мы уже сами просим шофера Стефана не спешить: хочется запечатлеть в памяти облик одной из крупнейших европейских столиц. И сильнее бьются сердца советских людей, когда наш гид — молодой студент Карой, приветливо улыбаясь, то и дело восклицает:

— Площадь Освобождения, пожалуйста, справа!

— Площадь Маркса... Аллея Горького... Улица Маяковского.

— Гранд-бульвар — бульвар товарища Ленина, пожалуйста!

И вот мы в районе крепости. Сошли на площади Капистрана у древней часовни и еще более старинной казармы, остановились у музея военной истории.

Здесь ждала нас интересная встреча. Услышав русскую речь, к нам подошел седенький старичок небольшого роста, крепкий и бодрый. На хорошем русском языке он выразил радость встречи с теми, кто был ему друзьями в годы его молодости... Оказывается, Нодь Януш — солдат старой австро-венгерской армии первой мировой войны — вместе с тысячами своих однополчан сразу после победы Октябрьской революции сдался в плен, вступил в ряды Красной Армии, воевал в эскадроне конницы против беляков.

— В отряде звали меня «Василь Васильевич», так меня и теперь именует сын Имри, капитан венгерской революционной армии. А сейчас он в Москве,— с гордостью говорит Нодь Януш.— Учится в академии, зовет в гости... Поеду обязательно! И как знать — может, найду и там старых куруцев — красных кавалеристов!

Нодь Януш оказался превосходным гидом, и наш молодой Карой сам охотно стал слушателем. О многом рассказывал старый венгр по пути к вершине горы Геллерт, и все рассказы его — о далеком прошлом или о событиях недавних дней — дышали любовью и уважением к Советской стране, к ее армии.

Мы услышали о знаменитых «гонведских знаменах сорок восьмого года» — реликвии венгерской истории, памяти об освободительной войне прошлого века. Зна-

мена эти, как трофей, много десятилетий назад были вывезены в Россию и находились в Ленинградском Эрмитаже. Советское правительство вернуло национальную реликвию в Будапешт. Фашистские захватчики в числе многих других ценностей похитили из Венгрии и «гонведские знамена».

Долго искали знамена советские офицеры после разгрома гитлеровской армии, и лишь в 1948 году они были обнаружены в Германии и вновь возвращены на свою родину.

— Вы видели эти знамена только что в музее,— говорил старый Януш.— То — история, а вот перед нами — новая слава...

Мы миновали ажурный Рыбачий бастион. Перед нами на самой вершине Геллерта вздымался монумент: на колоссальной колонне-постаменте девушка — символ Победы и Мира — подняла на вытянутых руках пальмовую ветвь. Ниже — скульптура воина со знаменем: советский солдат хранит завоеванное кровью, хранит мир. По сторонам памятника — фигура юноши с зажженным факелом — призыв к бдительности, и еще юноша, убивающий змею — гидру реакции.

Десятки ступеней широкой лестницы ведут к вершине горы Геллерт, и когда мы достигли ее, долго рассматривали замечательное творение Жигмонда Кишфалуди-Штробля, вчитывались в строки, выбитые на камнях памятника:

«Вечная слава советским воинам, павшим смертью храбрых за освобождение Венгрии».

Золотом обозначены на граните десятки имен храбрейших среди храбрых, среди них много Героев Советского Союза...

— Мы еще раз приедем сюда, дорогие! Наши цветы снова займут свое место среди неувядающих венков друзей из разных стран...

Бывают же такие счастливые совпадения! В дни пребывания в Венгрии мы увидели однажды в советских газетах фотографию будапештского памятника Освобождения и рядом с ней письмо из города Иванова. Не могу не привести его здесь почти целиком:

Василий — солдат свободы

Многим памятен этот будапештский монумент на горе Геллерт: женщина с пальмовой ветвью в простертых к солнцу руках, а у подножия — бронзовый солдат с автоматом на груди.

Многие, наверное, глядя на эту скульптуру, задавались вопросом: кто же этот солдат с типично русскими чертами лица? Уж очень достоверно изобразил воина талантливый венгерский скульптор Жигмонд Кишфалуди-Штробль. Когда художника спрашивали об этом, он отвечал, что помнит лишь имя гвардейца, послужившего ему натурой,— Василий.

Долгий поиск неожиданно завершился успехом. Оказалось, что солдат, послуживший моделью для скульптора,— земляк ивановцев Василий Михайлович Головцов.

...В 1941-м Михаил Акимович и Клавдия Кузьминична проводили из родной деревни на фронт Василия и двух его братьев. Николай и Иван пали смертью храбрых в борьбе с врагом. А вот Василию довелось дождаться светлого Дня Победы, пройти от берегов Волги до венгерской столицы. Кто-то из наших командиров обратил внимание на выразительное лицо гвардейца и порекомендовал его скульптору.

Весной 1946-го Головцов демобилизовался, возвратился на Родину. Сейчас он работает на ткацкой фабрике Тейковского хлопчатобумажного комбината. Человек необычайно скромный, он никому не рассказывал о своей причастности к созданию монумента в Будапеште. Об этом сообщила журналистам его сестра Елизавета Михайловна.

Ивановские журналисты отправили номер своей газеты с корреспонденцией «Человек из победной песни» своим коллегам из венгерской газеты «Непсабадшаг». Вскоре в одном из номеров «Непсабадшага» был напе-

чатан материал об этой интересной истории. И узнали венгерские друзья, что живет на ивановской земле текстильщик Василий Головцов. А на горе Геллерт стоит навеки отлитый в звонкую бронзу солдат Василий — символ России, символ освобождения.

С новым чувством вглядываемся мы теперь в будапештский монумент — словно знакомого встретили, земляка...

Далеко видно с вершины горы Геллерт, с подножия памятника Освобождения. Широкий Дунай, мосты, необъятный город и остров заводов Чепель — цитадель рабочего класса Венгрии, опора революции в черные дни осени 1956 года, славная вотчина строителей социалистической Венгрии сегодня... И мы крепко, от всей души, жмем руку старому венгерскому рабочему, верному другу нашей страны Янушу Нодь, приглашаем его в СССР.

Через Цепной мост попадаем мы из Буды в Пешт, на набережную Дуная, на Дунайский проспект.

Академия наук, Дворец музыки, рестораны, кафе... И здесь, в небольшом парке на берегу Дуная, перед Дворцом музыки, белеет памятник героям-летчикам, павшим за освобождение Будапешта... Добрые сердца берегут память о соколах далекой Советской России.

К площади Свободы едем через улицу Самуэли, славного народного комиссара Венгерской Республики 1919 года Тибора Самуэли, прилетевшего в те незабываемые дни через фронт в Москву, к Ленину.

Площадь Свободы — словно цветущий сад, и весь в цветах памятник советским героям, воздвигнутый здесь в победном 1945 году.

Мы снова на проспекте Ленина, ведущем к восьмиугольной площади 7 Ноября (в честь нашего Великого Октября), к Дому венгеро-советской дружбы.

И здесь встречи с друзьями, теплые, сердечные слова. Вместе с венгерскими товарищами мы идем к площади Республики, к ставшему легендарным зданию Будапештского городского комитета партии... В дни контрреволюционного мятежа осенью 1956 года этот скромный дом был крепостью мужества героев-коммунистов. Мраморная мемориальная доска на здании

горкома запечатлела имена погибших здесь в те дни жестоких схваток с новоявленными фашистами.

Проспект Имре Мезе... Он назван в честь первого секретаря Будапештского горкома партии, погибшего в те дни.

На проспекте Имре Мезе — историческое кладбище Керепепши, где воздвигнут мавзолей Кошута, где похоронены деятели венгерской революции. Здесь же могилы советских солдат и офицеров, погибших в боях за свободу Венгрии в 1945 и 1956 годах. Будапешт свято чтит их светлую память.

Мы воочию убеждались в этом при каждой встрече с трудящимися венгерской столицы.

В последний день пребывания в Будапеште, поздним вечером, после концерта венгерской народной музыки, устроенного для советских гостей, мы снова приехали на гору Геллерт.

Казалось, к самым звездам вознеслась фигура Победы с пальмовой ветвью. Далеко внизу спит огромный город, а высоко над ним застыл в вечном почетном карауле Советский воин, оберегая мир и покой братской страны... Мир и вам, родные герои!

Как бы принимая вахту мира у советского солдата, стоит на венгерской земле, на страже свободы и независимости, своя Народная Армия, мужественные гонведы — наследники боевой славы Кошута и Ракоци, партизанских отрядов 1944—1945 годов Ногради и Сеньи, уйпештцев и мишкольтцев, славного Будайского добровольческого полка Оскара Варихаши, громившего фашистских оккупантов под Будапештом в боевых порядках Второго Украинского фронта.

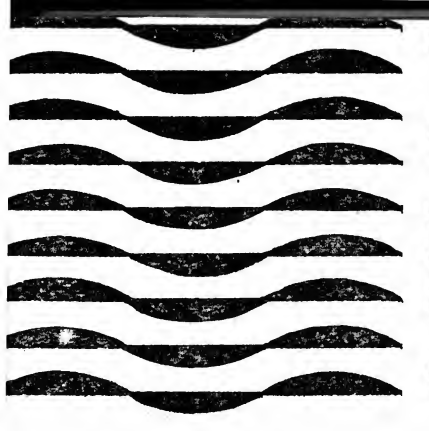
* * *

Мы покидали Будапешт ранним утром, и в туманной дымке на Доброценском шоссе перед нами проплыл один из самых трагических памятников Великой Отечественной войны — памятник советскому парламентеру... В боях за освобождение венгерской столицы столкнулись не только наши вооруженные силы с полчищами Гитлера, но и социалистический гуманизм — с человеконенавистническим фашизмом. Стре-

мясь избежать излишнего кровопролития, советское командование предложило окруженным группам германских войск сдаться, сохранив жизнь своих солдат и офицеров. Озверевшие фашисты вместо ответа убили советских парламентеров с белыми флагами — капитана Миклоша Штейнмеца и капитана И. А. Остапенко...

Красные цветы вокруг памятника Парламентеру казались искрами разгоревшегося пламени — вечного огня дружбы народов.

1964—1972 гг.

Болгарское село «Майор Томпсон»

Я получил одно за другим два письма из Болгарии. Первое послала дочь моего старого друга. Инженер-горняк, окончившая несколько лет назад наш горный институт вместе с молодым болгарином, она вышла за него замуж и тогда же уехала в Софию. Вот ее письмо:

> У нас уже осень, но деревья сохранили листву и стоят обожженные золотом. Ходим в парк собирать листья, листья держим сейчас вместо цветов, и даже дома пахнет осенью. У вас, наверное, уже зима, холодно. Снег выпал и здесь, но только на вершинах Витоши, вознесенной над Софией. Собираемся всей семьей туда... Я пишу свои доклады, у меня есть интересные результаты после многих командировок, но вас, наверное, наши горняцкие дела не очень интересуют. Поэтому перейду к тому, что вас заинтересует. Об английском майоре Томпсоне, о котором вы спрашивали.
>
> Он действительно существовал, в годы войны против Гитлера был в составе болгарского партизанского отряда, попал в руки фашистской полиции, при допросах вел себя героически и был расстрелян... Подробностей не знаю, но имя Томпсона, безусловно, следует упомянуть в ваших записках о Болгарии,

как живой пример интернациональности антифашистской борьбы. Так считают все болгарские товарищи, с которыми я говорила.

И второе письмо.

На бланке Музея Русско-Болгарской Боевой Дружбы Министерства народной обороны директор музея доцент М. Михов дружески сообщал:

Посылаю Вам справку нашего научного сотрудника Т. И. Ташева относительно интересующей Вас проблемы. Справку высылаю на болгарском языке.

К письму был приложен составленный по всей форме документ, датированный 14 декабря 1963 года. Потрудившийся основательно и добросовестно уважаемый товарищ Ташев вложил в музейную справку не только собранные им факты, но и частицу души человека, влюбленного в историю революционной борьбы своего народа и всегда готового помочь всем, кто проявляет к ней интерес, а тем более советским друзьям.

Товарищ Ташев писал тоже об английском майоре Томпсоне, подтвердив и расширив то, о чем кратко сообщала из Софии моя знакомая.

Франк Эдуард Томпсон, рождения 1921 года, как значилось в справке Ташева,

вступил в английскую армию добровольно в самом начале войны. Он вынужден был прервать учебу в Оксфордском университете. Сначала его направили в Египет, где он получил основательную подготовку. На Балканы он был направлен по собственному желанию. Он знал девять языков, в том числе и болгарский.

Английский майор вскоре оказался в Югославии, а в начале 1944 года пробрался в Болгарию и воевал против фашистов в составе 2-й Софийской партизанской бригады.

Строки справки болгарского военного музея воскрешают героическую и трагическую эпопею тяжелых боев 2-й Софийской партизанской бригады в мае 1944 года. Под командованием Денчо Знепольского (ныне генерала Народной армии) бригада в ожесточенных боях освобождала родную землю, продвигаясь в направлении Стара Планины.

Гитлеровцы окружили партизан в районе села Батуля Софийского округа. Много бойцов сложили здесь свои головы, тяжело раненные были захвачены в плен и зверски расстреляны. Среди них — руководители партизанского движения в Болгарии: Йорданка Николова — член Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии, Владо Тричков — член ЦК БРП, командир 1-й Софийской повстанческой оперативной зоны, Начто Иванов — член ЦК и другие.

Скупые слова справки сообщают, что вместе с болгарскими партизанами в этих боях

попал в плен и майор Ф.-Э. Томпсон. Он был осужден фашистским военным судом и 10 июня 1944 г. расстрелян в селе Литаково Софийского округа (документы архива хранят материалы «суда» над Томпсоном).

На вопрос «суда», почему он прибыл в Болгарию, Томпсон ответил: «Я прибыл потому, что эта война есть нечто более глубокое, чем война нации против нации. Высочайшим актом в мире сегодня является борьба антифашистских сил против фашизма». На вопрос: «Знаете ли, что мы расстреливаем людей с вашими взглядами?» — Томпсон ответил: «Я готов умереть за свободу. И я горжусь, что умираю вместе с моими товарищами, болгарскими партизанами».

В честь майора Ф.-Э. Томпсона станция и село Прокопаник переименованы в «Томпсон» (с 1947 года). Они расположены в 28 километрах севернее Софии.

В 1946 году мать майора Ф.-Э. Томпсона — Теодора Томпсон — обратилась с просьбой к товарищу Георгию Димитрову, чтобы он помог ей получить сведения о жизни и борьбе ее сына в Болгарии, имея в виду включить их в книгу, которую готовят родные Томпсона и которая будет озаглавлена «В Европе царит дух борьбы».

Содержание ответного письма товарища Георгия Димитрова следующее:

Дорогая госпожа Томпсон, подтверждаю получение Вашего письма.

Поистине жаль, что Вам не высланы необходимые сведения о героических делах Вашего незабвенного сына в освободительной борьбе нашего народа против гитлеровских варваров и их болгарских фашистских агентов. Посылаю Вам приложенный к настоящему письму подробный отчет о делах и жизни майора Франка Томпсона, составленный полковником Денчо Знепольским, бывшим командиром 2-й Софийской партизанской бригады.

Прошу Вас принять уверения в том, что болгарский народ гордится Франком Томпсоном и его благородной матерью, которая вырастила такого героического борца за истину и свободу.

С глубоким уважением Г. Димитров.

Об английском майоре Томпсоне я впервые услышал в 1963 году во время поездки по Болгарии, в Искыровском ущелье.

Был ясный летний день. Позади, в золотой дымке, остался зеленый хребет Стара Планины, мы ехали вдоль железной дороги на Бургас, продетой, как шпагат сквозь связку баранок, через десятки туннелей. Горы громоздились вокруг, то смыкаясь, то расходясь мягкими зелеными ступенями. Искыровская долина внезапно распахнулась во всей своей тихой красоте. Молчаливая, спокойная река в глубине ущелья то там, то тут покрывалась дымками паровозов, снующих вдоль ее берегов, среди заводских строений. Легкие мостики соединяли рабочий поселок со светлыми строениями небольшого села. У подножия отвесной горы — другое село, и белые узоры каменного моста через Искыр виднелись в густой тени дубрав, раскинувшихся по обоим берегам реки.

Там над Искыром дремливым,
над рекой гора вздыхала...—

невольно вспомнились стихи певца Болгарии Ивана Вазова.

И трудно было представить, что эти тихие места не раз становились ареной жестоких боев. Увы! Так

было. В последний раз свободолюбивый народ поднялся против угнетателей-оккупантов в годы второй мировой войны.

— Горы у нас партизанские,— рассказывали нам крестьяне из села Батуля.— Тут живет немало бывших бойцов из отряда, носившего имя Христо Ботева.

Наш провожатый из Софии Снежана Бончева включилась в разговор. Мы знали, что в боях погиб и ее отец.

— Была великая война, святая война,— тихо проговорила Снежана, оглядывая все вокруг.— Искыр унес много болгарской и много русской крови... Смотрите, ивы над рекой не гнутся, то уже не плакучие ивы, то — гордые ивы. В долине есть легенда, что, когда Искыр стал красным от пролитой народной крови, плакучие ивы выпрямились, и никакая сила не может их согнуть. Легенда и быль бытуют здесь, как побратимы. Вот вам еще легенда-быль: знаете ли, драги приятели, что в братской могиле наших партизан в долине Искыра со славой захоронен и один англичанин? Именем его названы станция, село. Гут рядом. В этих местах погиб в боях за народную Болгарию английский майор Томпсон...

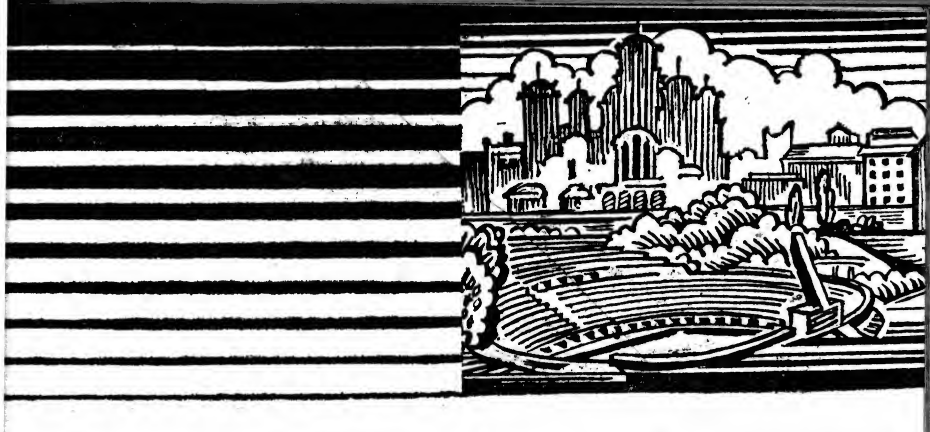
Мы много ездили по городам и селам Болгарии и всюду с волнением ощущали живую память о русских солдатах. И это было естественным. Но англичанин?.. Хотелось узнать о нем больше, но пока мы не знали ничего. Мы пытались посмотреть вокруг его глазами: может быть, пейзаж Искыровской долины, с ее лугами и холмами, с домиками под черепичными крышами, чем-то напоминал английскому майору его родину — Англию, Шотландию? Может быть, сражаясь с фашистами в этих горах и лесах, он вспоминал свободолюбивого Робин Гуда?

Мы не знали тогда ничего определенного. Права была Снежана Бончева: легенда и быль в этих романтических местах неразлучны. Расспрашивая о Томпсоне, мы получали в ответ легенды, одну ярче другой. Ну что ж, возможно, не так уж важно установить точно, как британский офицер попал к болгарским партизанам. В свое время великий Байрон встал в ряды греческих повстанцев и погиб среди них далеко от бе-

регов Англии. Лучшие сыны английского народа, плечо к плечу с антифашистами всех стран, воевали против нарождавшегося фашизма на стороне героической республиканской Испании. Майор Франк Эдуард Томпсон в боях против германского фашизма воевал и погиб в составе болгарской партизанской бригады... Пусть и его имя осенят идущие из глубин народной души крылатые слова великого болгарского революционера и поэта Христо Ботева:

Тот, кто пал в борьбе за свободу,—
не умирает.

1963 г.

Квадратура круга

В старину город назывался Сингидунум — город света. И сейчас, когда стоишь на площадке высокой стены старинной крепости Калемегдан, боевого ядра древнего Белграда, кажется: этот солнечный город весь пронизан трепещущим светом. Не зря югославы зовут свою столицу Београд — белый город.

Широко распласталась у стен крепости живая сверкающая ртуть Дуная. Своеобразна необъятная панорама соединения его с водами сестры своей — Савы. Две могучие реки сливаются здесь, у ворот Белграда, воедино, но все же Дунай остается Дунаем. С высоты Калемегдана ясно видно: как будто сомкнулись уже обе реки в общий поток, но Дунай величаво продолжает свой путь сам по себе, несравненно более светлый, чем темные воды Савы. Словно параллельные потоки расплавленной стали и чугуна, текут они вдаль, и лишь где-то на горизонте, в ослепительном сиянии солнца и голубого неба, стираются наконец грани двух рек.

Мы стояли у «Вестника Свободы» — пожалуй, нашего самого первого знакомого на югославской земле: юноша, опираясь на меч, подняв в руке сокола (чудесное творение скульптора Ивана Миштровича), приветствовал нас с вершины своей высоченной ребристой колонны задолго до того, как мы увидели с борта теплохода столицу Югославии. Казалось, сокол взле-

тит сейчас с руки «Вестника Свободы», взовьется над светлой радугой легкого моста через Саву — туда, где вдоль бульвара Ленина поднимаются многоэтажные здания Нового Белграда, раскинувшегося на огромной территории осушенных болот...

Отсюда, с крепостной стены, далеко виден город, и Дунай, и Сава. Здесь всегда много белградцев и гостей. Наш гид, молодой и энергичный Бранко, познакомил нас тут со своими друзьями-студентами. Так же, как и в Москве, в Свердловске или Саратове, они шумно и весело проводили выходной день. Одни сгрудились над свежими «Новостями», другие горячо о чем-то спорили, и сквозь смех и гомон то и дело взлетало звонкое, как колокольчик:

— Да ли? (Неужели?)

Мы невольно обратили внимание на двух молодых людей, склонившихся над книгой. Они стояли в тени дуба, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь просветы резных листьев, причудливо разрисовали золотым шитьем светлое платье девушки, оттеняли острые скулы на суровом лице мужчины. Пожалуй, прежде всего бросилось в глаза именно то, что они не так молоды, значительно старше своих товарищей. Вглядевшись, мы поняли, что причиной тому седина в их волосах. Голова мужчины, черноглазого и чернобрового, была почти совсем белая; в темных волосах девушки виднелись густые белые пряди.

Мы хотели спросить о них Бранко, но мужчина поднял руку и, призвав к вниманию, воскликнул:

— Златица нашла! Златица! Слушайте!

Девушка вышла из-под дуба, держа раскрытую книгу в одной руке. Ее окружили студенты. Видимо, продолжался какой-то давний спор или разговор. Голос девушки был грудной, теплый и в то же время слегка гортанный.

— Это слова из книги Владимира Назора,— сказала она.— Я была права. Хотя это проза, но мы в горах по-своему переложили их в песню: «Приветствую тебя, заря утренняя, сестра наша ранняя. Привет тебе и поклон! Ты рассветаешь для всех, но никого так не радуешь, как меня».

Мы смотрели на девушку, на ее скорбное лицо с глубоко запавшими глазами и вдруг с какой-то болью

увидели и то, что до сих пор не бросалось в глаза: у девушки была одна рука, второй длинный рукав ее платья был пуст и, как поникший парус, слегка качался от ветра...

В крепостной парк мы спустились вместе со студентами. Долго стояли у фонтана, где окутанный сверкающими струями бронзовый рыбак — олицетворение силы народной — душит змею, бродили по ветхому от древности подъемному мосту и любовались строительством моста через Саву (как не преминули подчеркнуть студенты, — из предварительно напряженного бетона).

Мы отдыхали у старинной часовой башни Сахат Кули, и Бранко поведал здесь короткую, но трагическую историю Златицы и ее друга Станко.

...То было в последние месяцы войны. Советские войска вместе с отрядами югославской Народной армии громили фашистских оккупантов, пядь за пядью освобождая Сербию и Хорватию, Черногорию и Словению, Македонию и Герцеговину. Клич «Смерть фашизму — свободу народу!» гремел в горах и долинах, на берегах Савы и Адриатики. Но, подобно злобному раненому зверю, еще неистово бесновались фашисты на югославской земле.

Небольшой партизанский отряд после долгих лет тревожной боевой жизни спускался с гор, к Дунаю. С отрядом шли женщины, дети, старики, бежавшие из окрестных сел к партизанам. Разведчики приносили радостные вести: идет по Дунаю советская военная флотилия, мчатся к переправам советские танки, летят самолеты. Свобода близка! Светлеет на душе партизан, легче шагать усталым людям.

Но за перевалом ждало их последнее — самое страшное испытание. На горной дороге появились немецкие мотоциклисты-пулеметчики, за ними двигалась большая колонна войск. Партизан заметили и после короткого боя взяли в кольцо. Обагрились кровью родные горы. Те, кто остался в живых, залегли за камни. Детей унесли подальше, в горы, а женщины и старики чем могли помогали партизанам — заряжали диски автоматов, перевязывали раненых, сбрасывали на горные тропинки острые камни. К вечеру немцы подтянули минометы, и смерть косила людей без разбора —

гибли мужчины с оружием в руках, истекали кровью детишки, в ужасе прижимаясь к скалам, с проклятьями на устах падали матери.

Командир отряда Ранко Кавран, раненный в обе ноги, с лицом белее скалы в лунном свете, сжав губы, переползал от группы к группе и тихо спрашивал, не поднять ли белый флаг, чтобы спасти детей.

— Умрем вместе! — отвечали матери.

И бой, трудный и неравный, вошел в ночь.

И вдруг все смолкло...

Как выяснилось потом, гитлеровцы получили сообщение, что советские войска переправились через Дунай, и решили спасать свою шкуру. Теперь немцам было не до партизан.

На рассвете отряд Каврана подсчитал потери, тут же, в горах, рыли могилы. Среди многих бойцов пал с автоматом в руках отец семилетней Златицы — любимицы всех партизан. Под рухнувшей от минометного огня скалой погибла молодая мать девочки — тихая учительница Францка. Исчезла и сама Златица... Ее нашли далеко в горах в густых кустах самшита. Видно, сюда унес ее, спасая от обстрела, маленький связной отряда двенадцатилетний Станко. Плечо и рука девочки были туго перевязаны рубахой Станко, ставшей красной от крови. Мальчик лежал рядом со Златицей, крепко сжимая в руках гранату. Он сам был тяжело контужен.

Жизнь детей спасли врачи советского госпиталя, но Златица лишилась руки. Вместе со Станко были они поселены в детском доме зеленого города Нови Сад на Дунае, вместе учились в школе, работали на заводе и, связав свою жизнь навечно, вместе поступили в Белградский университет.

— Их возраст и седины здесь не удивляют,— закончил свой рассказ Бранко.— Среди югославских студентов много наверстывающих годы войны.

Недолго довелось нам пробыть в Белграде, но в один из ближайших дней со Златицей и Станко мы встретились снова.

С полудня и почти до заката жизнь в городе замирает. В часы зноя закрыты все магазины, жалюзи, как опущенные ресницы, прикрывают от солнца окна жилых домов, отелей, министерств и контор. Хорошо в

эти часы в тенистых аллеях парков, бульваров, скверов.

Один из таких скверов раскинулся у отеля «Москва», у широких каменных ступеней, ведущих на соседнюю улицу. Отдыхая после поездки, мы сидели под цветущей акацией — инженер с уральского завода, врач из Еревана и я. На соседних скамейках разместились югославские солдаты в рубашках с отложным, открытым воротом и широкополых защитных шляпах-панамах, играли дети, старики читали газеты.

— А любовь и жары не боится,— философски заметил наш врач Баграмян, всегда склонный к ироническим обобщениям. Он кивнул головой направо. На скамейке у куста сирени мужчина держал на коленях большую тетрадь, женщина склонилась ему на плечо.

— Любовь вдохновляет... Молодой композитор принес девушке ноты своей песни,— сказал, улыбаясь, инженер.

— Пишемо: икс квадрат...— донесся вдруг до нас гортанный женский голос.— Пишемо!

До сих пор я бездумно слушал болтовню друзей. Но этот голос был знаком. Ну, конечно же! Это — Златица и Станко. Через минуту мы приветствовали друг друга, как старые знакомые, сдвинули скамейки, и беседа стала общей.

Студенты-дипломники решали задачу определения квадратуры круга. На просторных листах самодельной тетради большого формата (мелькнула мысль: наверное, это забота Станко о своей подруге — ей так удобнее работать одной рукой) виднелись формулы и чертежи.

Златица, отложив тетрадь в сторону, улыбнулась.

— Я догадываюсь, что думают друзья. Конечно, нам нужна «квадратура круга» для университетских экзаменов. Но для нас это и много больше. Как лучше по-русски: следующее? грядущее? будущее? Мы творим проект будущего стадиона в нашем родном городе Нови Сад.

— Это будет наше найлепше, сердечное наше спасибо народу, людям, кои взрастили нас,— сказал Станко, поднимаясь и беря Златицу под руку.— Пойдемте, другови, упознамо се градом Београд.

Мы с удовольствием еще раз прошли по улицам и бульварам белого города. Станко и Златица часто путали русскую и сербскую речь, смеялись над этим, немного смущались, но все было понятно, и мы от души восклицали:

— Разумеем вас! Добро!

Беседуя, мы прошли по шумной Теразии с ее дворцами и особняками в восточном и европейском стиле, по торговым улицам, идущим к порту, спустились по крутой каменной лестнице к Саве. Долго сидели мы над сверкающей бликами рекой, смотрели на скользящие вниз и вверх пароходы и катера, тяжелые баржи и легкие парусники. На другом берегу Савы искрилась золотая россыпь пляжей.

Настал час прощания. Мы подарили югославским друзьям все открытки с видами Москвы, Еревана и Волги, которые были с нами, все значки, которые нашлись у каждого из нас.

Златица сняла с шеи серебряный старинный кулон и, поцеловав его, преподнесла нам — без слов, прижав руку к сердцу.

Я вернул дорогую вещь обратно, тепло поблагодарив.

— Мы видим — то память для вас, пусть будет она с вами. Если хотите порадовать и нас сувениром, дайте нам слова той песни, что читали вы друзьям в парке Калемегдан. Помните? Просим вас! Мы запишем ее и увезем в Россию.

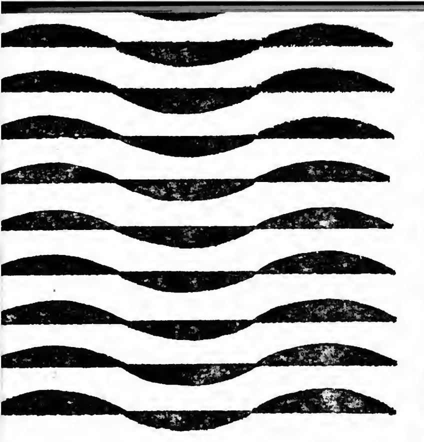
Златица посмотрела на Станко долгим взглядом, как бы вспоминая многое, передала ему кулон и тихо сказала:

— Хвала, другови! Пишемо!

Медленно, нараспев, она прочла:

— Приветствую тебя, заря утренняя, сестра наша ранняя! Привет тебе и поклон! Ты рассветаешь для всех, но никого так не радуешь, как меня... Другие видят только тот свет, что льешь ты на нашу землю, полную теней и мрака, а я вижу реки света,— ты разливаешь их по путям-дорогам солнца. Льется радость твоей вечной молодости, вливается в меня. Гляжу на тебя и не могу наглядеться, заря утренняя, заря надежды!..

1963 г.

На скале, над Дунаем

В Бухаресте, как и в Софии, много памятников и памятных мест. Впечатляет триумфальная арка на проспекте имени Киселева. Своеобразным центром румынской столицы стала площадь Скынтейн с грандиозным памятником В. И. Ленину — вождю всех народов. Подолгу стоишь у памятника Героям Родины, победителям на Дялул Спыреи. Величествен и оригинален Пантеон в парке Свободы, охраняемый чудесными творениями народного искусства — скульптурами Титанов... Но как горячо забились наши сердца, когда, приближаясь к площади Победы, мы уже издали увидели монументальный и в то же время легкий, весь устремленный ввысь памятник Славы Советскому воину! На многометровой колонне советский солдат вздымает знамя Победы.

И здесь не успевают увядать цветы у пьедестала памятника. Мы видели у монумента Советскому воину нефтяников Плоешти, виноградарей Крайновы, рыбаков Галаца, учителей Клужа...

В Румынии мы были проездом. Наш путь лежал в дружественную Югославию. И уже далеко от Белграда мы живо ощутили, что чувство дружбы народов не зависит от расстояния...

Мы ездили по дорогам Сербии, мимо виноградников, садов и полей густой пшеницы, видели, как изменяется облик страны, как поднимаются корпуса но-

вых заводов, строится гигантский химический комбинат, создается крупнейший канал Дунай — Тисса — Дунай...

И повсюду живет память о тех, кто кровью своей завоевал право Югославии на свободу и процветание.

Незабываемо братское кладбище освободителей Белграда — советских и югославских воинов — в столице. Не забыть памятника Свободы среди гористых просторов Воеводины, близ города Нови Сад. На много километров видна грандиозная из белого камня на широких крылатых подпорах светлая символическая фигура женщины, зовущей в бой. Памятник установлен в 1951 году, в дни десятилетия героического восстания народов Сербии против немецко-фашистских оккупантов на вершине Крушка-горы. Вольные горные ветры распластали вокруг кроны дубов; ели причудливы здесь, как кактусы, а густая трава — беспокойна и тревожна. Извивается горное шоссе, и за холмами, среди темной зелени граба, вырастает вдруг печальный обелиск на месте трагической гибели школьников деревни Кокуево. В годы войны озверевшие фашисты совершили дикую месть — расстреляли детей партизанского села...

И снова Дунай. Он все живописнее, красочнее.

Мы плывем вдоль лесистых берегов Воеводины и Северной Сербии и останавливаемся у маленькой югославской пристани Бездан. Здесь в 1944 году моряки Советской Дунайской флотилии с жестокими боями форсировали реку. Десантники не щадя своей крови разгромили остатки танковой армии Гудериана и двинулись на освобождение Белграда.

Вдали, на противоположном берегу, вознесенный на вершину высокой скалы — памятник...

Вокруг было тихо. Дунай замирал. К нашему теплоходу привалил большой паром. Им управляла старая крестьянка, рядом с ней стоял, улыбаясь, белобрысый мальчишка. Мы перебрались на паром и поплыли. Бесшумно подошел он к золотой отмели у Батина-Скелы, и мы — большая группа советских людей в сопровождении сербских крестьян,— медленно поднимаясь в гору, шли по улицам села.

Раскрыты окна каменных домов под черепичной крышей, с глубокими верандами на резных столбах.

Крестьяне приветствуют гостей из далекой России. Многие выходят на гористую улицу и, крепко пожав руки, присоединяются к нам. Девушки спешно собирают букеты цветов...

Широкая тропа ведет к скале над Дунаем. Ступенчатый пьедестал и высокая многогранная колонна с вознесенной над ней стремительной крылатой фигурой Победы с опущенным мечом в одной руке и высоко поднятым факелом со звездой — в другой. По граням колонны-пьедестала скульптурные фигуры советских солдат всех родов войск. На граните чеканные слова: «Павшим бойцам героической Красной Армии — народы Югославии. VII/1947 г.»

Ветер с Дуная тихо шевелит живые цветы, сложенные у подножия памятника. Кто приносит их сюда, на скалу?

Мы оставили свой венок, и рядом с ним легли яркие цветы наших попутчиков — крестьян Батина-Скелы — дар благодатной земли Воеводины.

В гору тяжело поднимался старик. Он без ноги, и костыль его гулко стучит по скалистым камням тропинки. На белой рубахе блестит большая партизанская медаль.

Старик приложил руку к сердцу и со словами привета подал нам большую книгу в прочном бордовом кожаном, явно самодельном переплете. То была «Книга вечной славы», хранящаяся в Совете Батина-Скелы. Ее страницы содержат списки сотен советских солдат и офицеров — героев освобождения Югославии, похороненных здесь, в братской могиле над Дунаем...

Вечная им слава! Вечная народная память и любовь!

Паром медленно плывет по Дунаю, мы не в силах оторвать глаз от памятника на высокой скале. В лучах заката вспыхнул и загорелся золотым огнем факел в руках крылатой Победы.

1962 г.

В поисках «дома Бетховена»

Когда строки эти дойдут до читателя, бывший королевский дворец в Буде, почти полностью разрушенный в годы войны, будет уже восстановлен, и изумительный архитектурный ансамбль возродится из руин и хаоса: по воле народа бывшая королевская крепость станет центром национальной культуры свободной Венгрии.

Мне довелось бывать здесь несколько раз. Я помню печальные развалины первых послевоенных лет. Сквозь битый камень, как бы взывая к будущему, проглядывал остов «Дворца львов», или силуэт «Булавной башни», или чудом уцелевшие скульптурные фигуры разрушенных памятников старины... И хотя нас трудно удивить размахом строительных работ, проект воскрешения Будайского акрополя, о котором так уверенно рассказывали венгерские друзья, честно говоря, казался фантастическим. А молодой архитектор, как будто не видя нагромождений битого камня, спокойно показывал нам, что вот сюда — в один из главных дворцов королевской крепости, который вновь украсится великолепной белой колоннадой, переедет всемирно известная Национальная галерея, в соседнем дворце разместится Национальный музей, в других дворцах будут Этнографический музей, Будапештский исторический, музей Новейшей истории, во «Дворце львов» откроется

Большой концертный зал. Концерты будут проходить и в самом крепостном парке, под звездным небом — для этого приспособят участок, окруженный амфитеатром пятивековой стены...

— А дворцовый театр? Тот самый, со сцены которого полтора века назад дал свой единственный концерт Бетховен?

— Его воссоздание из пепла особенно трудно, но и театр будет воскрешен в своем старинном обличье, и не только золото на мраморе мемориальной доски напомнит миру, что тут выступал Бетховен,— его музыка вновь зазвучит здесь в первый же вечер открытия театра. Так будет!

Помню, времени у нас было тогда очень мало. Мы торопливо шли по узким улочкам этого крепостного района Будапешта, где каждый дом — архитектурная реликвия, на каждой маленькой площади — памятники — свидетели истории. И здесь нередко приходилось пробиваться по тропкам, проложенным среди развалин.

— Пилланат! Минутку! — Наш друг и гид капитан Народной армии Тибор остановился и указал рукой на еще один двухэтажный дом в стиле барокко.— За этими стенами были заключены Лайош Кошут и Михай Танчич — наши народные герои. Ныне и улица эта названа именем Танчича. И, кстати, тут где-то, на улице Танчича, проживал Бетховен, когда был в Будапеште.

Тибор проследовал дальше — к площади Андриаша Хесса, первого типографа Буды — и стал что-то говорить о нем. Но мысли мои теперь неотступно заняты Бетховеном. С новым чувством вглядывался я в дома, мимо которых шагал Бетховен!.. Захотелось найти тот, где он жил. Я медленно прошел обратно по улице Танчича, останавливался у каждого дома... Все они дышали стариной, но это были не музейные здания, а жилые дома — их населяли наши современники. Я останавливал стариков и юношей, детей, игравших под арками, подходил к матерям и бабушкам, сидевшим на каменных скамьях у резных решетчатых ворот, и после обмена приветствиями всем задавал один и тот же вопрос:

— Мондья (скажите мне)... Хол ван Бетховен хауз?

(Где находится «дом Бетховена»?) — Меня окружали дружеские лица, нередко тут же находились переводчики и помощники. Они шли вместе со мною к следующему дому, почти не повышая голоса, повторяли мой вопрос соседям напротив, ибо улочка была так узка, что, сделав два-три шага, можно было пожать им руку.

Так прошел я всю маленькую «Танчич улицэ», но никто не слышал здесь о «доме Бетховена».

Расстроенный и удивленный, я догнал своих попутчиков, но капитан Тибор, разумеется, не был настоящим гидом, и, рассеянно выслушав меня, он махнул рукой и сказал:

— Фюшт... Дым... Дым времени уносит многое.— Тибор, по военной специальности — минер, был по образованию философ. Он пытался успокоить меня длинной тирадой о том, что со времени, когда дым недавней войны унесется в даль времен, когда люди отстроят дома для жилья, они вспомнят и о «доме Бетховена».

Я же был уверен, что Тибор просто перепутал улицу.

Все же решил проверить себя и Тибора по книгам и справочникам. И представьте мое удивление, когда все издания, которые удалось получить, подтверждали, что Бетховен во время пребывания в Будапеште действительно жил на улице Танчича. Лучший путеводитель по Венгрии (Корвина — Будапешт) указывает, что «на улице Михая Танчича... жил в 1800 году Бетховен». Небольшая книга о Будапеште венгерского издательства «Коздок» уточняет, что здесь, «на улице имени Михая Танчича, жил в 1800 году Бетховен, в период между будайским концертом и переездом в Мартонвашархей». Об этом же можно было прочесть и в юбилейной книге «Венгрия», выпущенной издательством Корвина к 15-летию освобождения республики.

Теперь, кажется, нетрудно определить точно, когда жил Бетховен на улице Танчича. Свой единственный концерт в Будайском крепостном Королевском театре Бетховен дал 7 мая 1800 года. Вскоре после концерта он поехал к своим друзьям Брусвикам в их имение Мартонвашар, недалеко от Будапешта. Очевидно, в Старой Буде великий композитор жил в начале мая 1800 года.

К сожалению, побывать здесь еще раз мне в этот приезд не удалось. В ночь уходил наш поезд.

Но и дома, далеко от Венгрии, я не забыл о маленькой старинной улице Танчича и сразу же подробно написал знакомым в Общество венгеро-советской дружбы — в Будапешт. Ответ удивил еще больше.

«Уважаемый товарищ!

На вашу просьбу сообщаем, что информация о «доме Бетховена», полученная Вами во время пребывания в Венгрии, не совсем точная».

В письме не подтверждалось место жительства Бетховена во время, когда он давал концерт в королевском дворце, говорилось о том, что ведутся работы по восстановлению театра, где выступал Бетховен, а также уточняются все места его пребывания в Венгрии. Сообщалось и о том, что «большой дом-музей Бетховена в настоящее время находится в селе Мартонвашар, в бывшем замке Брусвиков, где бывал и творил композитор».

Прошло несколько лет. И вот я снова в Будапеште. В первый же свободный час автобус, медленно взбираясь на крепостную гору, везет нас в Старую Буду, мимо знакомых очертаний многобашенного халасбаштя — Рыбацкого бастиона.

Как и прежде, мы идем вместе с Тибором, нашим боевым другом, бывшим капитаном (простите, уже майором в отставке), ныне доцентом философии и попрежнему нашим неизменным добровольным гидом. Мы на улицах средневекового городка... Будапештский Совет не просто восстановил этот исторический район — дома и дворы, башни, часовни, памятники и дворцы реставрированы с такой любовью и точностью, что, как сказано в одной из книг о Будапеште, «если бы теперь явился сюда древний обитатель крепости, он легко узнал бы свой бывший дом».

Медленно, рассматривая каждый дом, каждый подъезд, подворье и нишу, бродим мы от площади святой Троицы до легендарного дома «Красный еж». Его стены и в самом деле ощетинились ромбиками огромных гвоздей, хотя «еж» славен отнюдь не боевым прошлым — некогда здесь располагался будайский театр. Чуден внутренний дворик «Красного ежа»: каменные лесенки, каменные рамы дверей, готические своды...

Средневековьем дышат и соседние строения — дома с готическими нишами, отделанными почерневшей резьбой; верхние этажи с резными балконами и решетчатыми окнами нависают над нижними, затемняя их от лучей солнца. Мы прошли по улице Фортуны и по улочке Кард, что значит меч,— так коротка она. Не больше меча и улочка Ури... «Вот таким же летним вечером здесь бродил, заложив руки за спину, великий Бетховен» — мысль об этом неотступна. Ему было тридцать лет, он был гением музыки, и его уже настигала черная глухота... Бетховен хранит ее в тайне от всех, но он уже плохо слышит окружающий мир, он не всегда слышит звучание своей музыки! Но она звучит в его сердце, в его мозгу. И Бетховен не сдается. Он сам будет дирижировать оркестром в Будапеште!

Мне чудится, я вижу, как тяжело шагает Бетховен по этим вот опустевшим вечерним улочкам... Тревожно и радостно, словно рембрандтовские переливы света и тени, возникают перед ним образы только что созданной Патетической сонаты, образ той, кого он так беззаветно любил... Может быть, здесь, в одиночестве, в тишине пустынных улиц, среди придунайских степей, вдали от шумной Вены, зародилось и трагическое аллегро Четвертого квартета, прозвучавшего вскоре после Будапешта, и другие строки, написанные в те дни — кровью его сердца — о своем недуге и печали, о муках любви и неотступной преданности своему искусству... «Волнение вызывает сама тайна этой трепещущей страницы, написанной тем же пером, что и потрясающее письмо к Бессмертной Возлюбленной. Невольно думается, что страница эта принесена отсюда — с беспредельных равнин Венгрии»,— так писал Эдуард Эррио в своей книге «Жизнь Бетховена».

Легкие сумерки цвета сирени, растущей вдоль крепостных стен, обволокли сказочные домики, когда Тибор тронул меня за плечо, вернув к действительности.

— Кэрэм! Пожалуйста, дорогой, улица Бетховена.— Так неожиданно назвал мой друг улицу Михая Танчича. Вот она вся перед нами — с неправдоподобными домиками готики, барокко и рококо, с маленькой церковью, штопором ввинченной в сиреневое небо. Внезапно загораются мерцающим светом сохранившиеся

с прошлого века фонари на фасадах домов, раскачиваемые ветром Дуная, и кажется, будто вся улочка, словно сонный лесной ручей, втекает в Венские ворота.

И снова мы ходим от дома к дому... Под сенью каменного свода тяжелых ворот, в глубокой нише, еще хранящей тепло дневного солнца, уютно беседуют жильцы маленького готического особняка. Он на несколько веков старше самого старого соседа — дедушки Ласло, пенсионера с завода электромоторов. Слышал ли Ласло Кочиш о доме, где жил Бетховен на улице Танчича? Старик медленно оглядывает знакомые с детства дома и разводит руками. Нет. Он знает и любит Бетховена, его друг, флейтист из оркестра оперы, говорил ему, что Бетховен некогда жил в гостинице «Семь курфюрстов» на улице Ваци. Но то — далеко отсюда, в Пеште, по ту сторону Дуная... Да и гостиницы этой, кажется, теперь уже нет. Будапешт изменился, только улица Танчича — неизменна. Но жил ли здесь Бетховен? Не слышал.

Уже совсем стемнело. Колеблющиеся огни висячих фонарей и внутренний свет узких окон, пробивающийся сквозь узоры решеток, сделали улицу неузнаваемой. Тени домов причудливо смыкались, окружая темными пятнами светлые оазисы у настежь открытых дверей и окон...

И на сей раз мы не нашли на улице Танчича «дома Бетховена». Мы решили когда-нибудь прийти сюда снова со знатоком истории и музыки.

Прощай пока, улица Михая Танчича!

Усталые, двинулись мы к Венским воротам, как вдруг услышали звуки старинной музыки. Окна красного дома с нависшим над ним резным балкончиком были открыты и ярко освещены. На длинной каменной скамье у ворот сидели слушатели. Мы присоединились к ним. Девочка с косичками легко играла на старом клавесине, мальчик в коротких штанишках уверенно водил смычком по маленькой скрипке. Мелодия была простой, душевной, грациозной и певучей и как будто знакомой и родной со времен далекого детства, хотя, возможно, мы впервые услышали ее.

Отзвучал последний аккорд, и слушатели горячо пожимали руки высокому моложавому человеку. Мы решили, что это учитель музыки, но оказалось,

перед нами — счастливый отец, мастер кораблестроительного завода. Его дети — восьмилетняя Ливия и девятилетний Лайош — сегодня впервые давали «концерт» в своей музыкальной школе, расположенной на соседней улице, и сейчас повторяли его родным.

— Что играли ребята? — спросили мы, присоединив свои поздравления отцу, матери, двум бабушкам и всем соседям.

— Вы слушали рондо, рондо облигато — творение Бетховена,— с непередаваемой гордостью ответила мать.— Детей так хвалят, что, надеюсь, сам Бетховен был бы доволен их игрой.

Она сказала это так спокойно и уверенно, что мы и впрямь ощутили себя на улице Бетховена. Он жил здесь. Он живет здесь...

1964—1972 гг.

Остров счастья Ада-Кале

Мы плыли у берегов Румынии.

Медленно поднялся полосатый шар речного семафора на высокой скале противоположного югославского берега, и наш теплоход, осторожно лавируя, миновал Катаракты — самое узкое место Дуная.

Река сразу стала шире, лучи солнца, словно ударами сверкающих мечей, рассекли пелену тумана, и, как по мановению жезла волшебника, перед нами возник сказочный остров — весь в зелени, с белыми строениями и белым шпилем минарета, с красными черепичными крышами.

— Ада-Кале! Слева по борту! — возвестило радио.

— Рай земной — сей остров,— проговорил наш попутчик, старый румын, почетный винодел, один из первых кавалеров ордена Труда Социалистической Республики Румынии Григоре Карафали.— Смотрите! Перед вами поистине чудо природы,— задумчиво продолжал старик.— Смоковницы и миндаль, олеандры и фиги, кипарисы и самшит, и розы всех цветов и оттенков, и сирень, цветущая дважды в год... — Карафали пристально вглядывался в приближающийся берег.— Рай земной... Долгие годы он был для нас адом... Сегодня в это трудно поверить... Но пойдемте, друзья, трап уже спущен.

Слова бедны живописать этот остров на Дунае! Как будто добрый волшебник собрал все дары Средиземно-

морья на небольшом клочке земли — природа дала здесь человеку все, что нужно для счастья, и в былые времена в обездоленных придунайских и дальних краях Румынии из уст в уста передавалась легенда об этом острове благоденствия, где жизнь легка, как в раю... И так же, как безработные шахтеры из долины Жиу, изнуренные голодом нефтяники Плоешти, нищие батраки Олтении и Трансильвании в мечтах о лучшей доле устремлялись за океан — в Америку,— так в поисках лучшей доли пробирались голодные люди на Ада-Кале.

Увы! Все было на острове для благодатной жизни — даже «священные» оливы росли на его земле с мифических времен, но так же, как и в далекой Америке, не находили тут счастья люди труда.

— Все радует здесь глаз,— продолжал начатый на теплоходе рассказ Григоре Карафали, медленно прохаживаясь с нами по цветущим улицам острова, останавливаясь почти у каждого дома. Долго стоял старый рабочий у санаторного парка (некогда владения сановника), где в тени олив и смоковниц отдыхали сталевары из Решицы, шахтеры с берегов Жиу, энергетики Бойчешты. Улыбаясь, Карафали прочитывал вслух все вывески на новых корпусах швейной, табачной, кофейной фабрик, заглядывал в раскрытые окна уютных домиков, перебрасываясь дружескими словами с приветливыми хозяевами. Он одобрительно кивал головой, глядя на сады у каждого дома, на море цветов вокруг.

— Все радует здесь глаз сегодня, радуется мое сердце... Но не забыть мне тех лет, когда цитрусы и розы Ада-Кале цвели лишь для немногих. Страшно вспомнить и трудно поверить, что в этом витаминном раю почти все жители острова болели цингой... Ада-Кале славился своими садами, своей мечетью и самым большим в мире полутонным ковром, его кофейни и кондитерские привлекали своими фирменными изделиями жиреющих гуляк из Бухареста и Вены... Но если бы кто знал, как горько готовились тут сладости! Конфетная фабрика принадлежала губернатору острова турку Али-Кадри, и мы, рабочие, были его бесправными рабами, как и наши жены и дети. Протестовать? Ада-Кале — по-турецки «Островная крепость», он и был глухой крепостью бесправия и гнета.

Печальные воспоминания взволновали старого Карафали. Мы присели среди кипарисов у обвитой розами изгороди маленькой виллы. Кто теперь хозяин всего этого? Хозяева объявились очень скоро. В широко раскрытые ворота, весело обгоняя друг друга, бежали ребятишки, еще влажные после купания, а за ними, едва поспевая, шли девушки — воспитательницы детского сада табачников, расположенного в этой вилле. Все вокруг наполнилось радостным гомоном. Григоре Карафали посветлел.

— Пусть никто не сомневается, друзья: Ада-Кале стал поистине островом счастья и благоденствия!

Поздним вечером мы, простившись с Ада-Кале, вновь плыли по Дунаю. Я стоял на палубе, смотрел на мигающие огни на югославском и румынском берегах Дуная и думал о том, что никогда раньше не видел Ада-Кале, но остров чем-то памятен мне, чем-то знаком.

Бывает же так, что песня, словно залетевшее из сказки сверкающее перо жар-птицы, задолго до встречи с прекрасным как бы возвещает о нем...

Странную песню о легендарном острове я услышал много лет назад, суровой военной зимой сорок третьего года, далеко от берегов Дуная, в заснеженных лесах Карелии.

В час затишья между боями мы навестили своих друзей во фронтовом госпитале. У одной из дальних землянок сидел с повязкой на голове Тудор Чореску. Мы уже слышали об этом молодом румынском солдате, еще осенью перебежавшем к нам от немцев. Огромного роста и большой силы, он пробрался сквозь болотные топи с ротным минометом на спине. Град пуль послали ему вдогонку фашисты, но, истекая кровью, Чореску не бросил миномета.

В госпитале Тудора Чореску дружески называли Федя Черный и любили слушать рассказы о Румынии, грустные напевы его далекой родины. Тут мы и услышали однажды песню об острове счастья.

У него были свои счеты с фашистами — румынскими и немецкими: много горя принесли они его шахтерской семье. Белея от гнева, путая русские и румынские слова, Тудор рассказывал о кровавой расправе бандитов Антонеску над населением долины Жиу.

Дикими зверствами хотели запугать гитлеровские каратели румынских шахтеров, поднявшихся на всеобщую забастовку в апреле 1941 года, долиной слез стал цветущий край, долиной смерти и военно-полевых судов. Отец исчез в концлагерях, всех братьев Тудора угнали в армии гитлеровского рейха, разбросали по дальним странам.

Федор все лучше говорил по-русски и клялся, что вернется в Румынию только после того, как собственноручно придушит последнего фашиста в Берлине...

— О чем ты пел, Федя?

— Об острове Ада-Кале. Есть на моей Жиу такая песня. Песня про счастье. Ее любил петь наш отец. Хочешь, спою по-русски? Фрумос! Красота... Душа-песня.

С давних пор серебристый Дунай
Поет нам о счастье заветном,
Но счастья нет — и горе вокруг...
А волны Дуная о счастье поют...
Где оно? Найди прекрасный остров —
Ада-Кале — остров счастья.

Тудор стоял под заснеженной мачтовой сосной, такой высокой, что, как он говорил, с ее верхушки, наверное, можно разглядеть Бухарест. Большая шапка-ушанка сползла на глаза, Федя совсем закрыл их и, перелагая румынскую песню на русский лад, с чувством пел:

Ада-Кале — далекий и близкий остров!
Ада-Кале!
Как прекрасна твоя чудесная земля!

Песня была такой же странной, как и сам Тудор Череску в этом карельском лесу, но она нашла какие-то ответные струны в наших сердцах, ибо кто из фронтовиков не мечтал о счастье, как и этот румынский солдат!

Нам не довелось тогда дослушать песню Тудора.

Фронтовое затишье кончилось. Испуганно и укоризненно вздрогнули и закачались кроны сосен, осыпая нас чистым снегом: начался дальний артиллерийский налет, предвещая продолжение бесконечного боя. Мы поспешили в свои части.

А вскоре уезжал от нас и Тудор — с какой гордостью принимал он поздравления уже как солдат румынской дивизии имени Владимиреску! И нам не раз довелось потом слышать о ее боевых делах: плечом к плечу с воинами Второго Украинского фронта дивизия гнала фашистов, освобождая родную Румынию, добивала гитлеровцев в Венгрии. Время от времени полевая почта приносила нам измятые солдатские треугольники с далеким приветом от Чореску, и каждое письмо неизменно заканчивалось словами: «Первым советским боевым друзьям от румынского друга. После войны Тудор Чореску ждет вас на Жиу!»

Письма писались разными почерками — видимо, Тудор диктовал их новым русским фронтовым друзьям. Но последние строки он неизменно писал сам: старательно выведенные русские буквы передавали румынские слова сердечного привета: «Ла реведера!» (до свиданья), «Паче!» (мир), «Приетение!» (дружба).

Сколько лет минуло с той военной поры? Многих близких потеряли мы безвозвратно, но многие нашли и находят друг друга через десятилетия, и мы уже давно перестали удивляться самым неожиданным встречам... Нет, не удивились мы, когда во время поездки по Румынии в шахтерском городке Лупени нам преградил путь человек богатырского роста и, протянув обе руки, загремел так, что, наверное, эхо разнесло его голос по близлежащим горам:

— Буне зиуа! День добры! Привет! Узнали? Нет? Мэ нумеск — меня зовут Тудор... Чореску Тудор.

— Федя, друг! Привет, дружище!.. Но не греми ты так — весь город всполошишь!

— О-го-го! Фрумос! Пусть вся Жиу знает, что Тудор встретил своих дорогих гостей! Айда в мой дом, как здорово, что сегодня суббота! Фрумос! Красота! — так говорил наш старшина...— Айда!

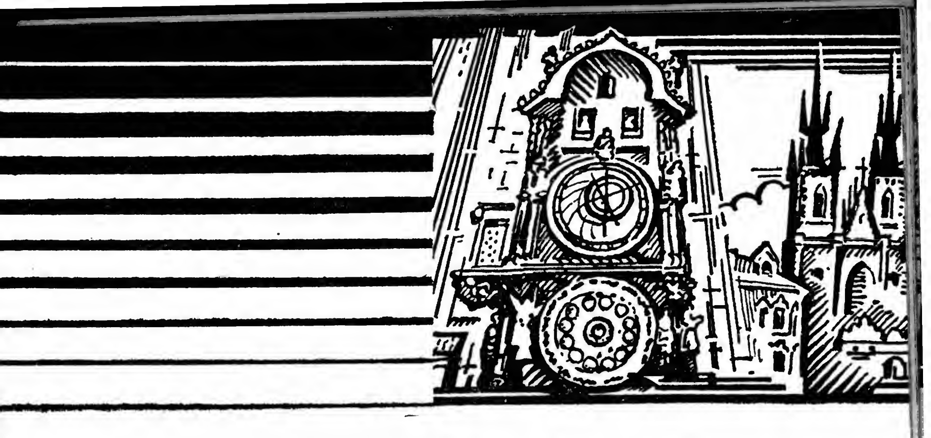
Наш рассказ занял бы много десятков страниц, если бы мы попытались подробно изложить все события этого дня: знакомство с семьей Тудора, с его женой и детьми, с отцом, чудом спасенным Красной Армией в фашистском лагере смерти, с братьями Тудора (увы! только с двумя из шести, угнанных гитлеровцами), с многочисленной родней и друзьями-шахтера-

ми; затем — прогулка по городу и на берег Жиу, той самой реки, что дала имя всей шахтерской долине; цветы у памятника погибшим шахтерам — борцам против произвола и угнетения; и, наконец, праздничный ужин и застольная беседа до глубокой ночи о бесчисленных переменах в жизни людей труда... Но, конечно же, самые волнующие минуты мы пережили, когда были уже высказаны все тосты на румынском и русском языках и станцевали все румынские и русские пляски, и Тудор громадой поднялся над столом и шепотом, от которого задребезжали тонкие рюмки, попросил сына Эмиля принести ему кларнет.

— Лучия, краса моя,— обратился он к жене,— спой гостям нашим песню об Ада-Кале. Ты давно знаешь с моих слов: я недопел ее русским друзьям много лет назад. Пой, Лучия, мой кларнет поет с тобой...

Мы слушали песню об острове счастья. Она улетала в настежь раскрытые окна, на ярко освещенные улицы шахтерского городка, к звездам на копрах у подножия лесистых гор.

1963 г.

Староместский орлой

Прага... Один из старейших и красивейших городов Европы. Она звучит в моем сердце как многоголосый орган. Низко и глухо над мозаичными каменными тротуарами узких улиц Старого города, над седым Карловым мостом стелется мелодия средних веков. Поют серебряные трубы Возрождения, протяжным эхом отдаются в несказанной красоты стрельчатых башенках Тынского храма, замирают на каменной хвое высоченной башни святого Витта, вновь и вновь взлетают над холмами Пражского Града... Древняя земля Праги слышала звон рыцарских мечей и смертоносный топот фашистских полчищ, гул народных восстаний и радостный, как весна, грохот советских танков-освободителей. Стаями голубей взметнулись ныне над Златой Прагой песни новой жизни. Они плывут над широкой Влтавой и над безбрежной Вацлавской площадью, над усыпанным цветами памятником советским танкистам на Смихове и над светлыми кварталами новой, молодой Праги. Звучит песня в самом сердце вечного города — над Староградской площадью с ее исторической ратушей и легендарным Староместским орлоем — сказочными курантами, чьи движущиеся фигуры изумленные пражане впервые узрели в пятнадцатом веке...

О нем, об этом легендарном Пражском орлое, и будет наш рассказ

Каждый день, в любую погоду и во все времена года, уже в самые ранние часы, когда город еще только пробуждается и величавый Ян Гус сбрасывает со своих могучих бронзовых плеч пелену тумана, перед башней ратуши собирается толпа. И до глубокой ночи люди будут спешить сюда к исходу каждого часа, чтобы еще и еще раз увидеть и услышать дивное диво!

Поражает уже огромный циферблат с несколькими золотыми кругами и многими обозначениями — движения часов, минут, созвездий, фазы Солнца и Луны. Но вот истекает шестидесятая минута, и вдруг оживают неподвижные фигуры у циферблата: грозная Смерть неумолимо бьет в колокол, отмеряя секунды, испуганно качает головой Стяжатель с мешком, пытаясь остановить время, в бесконечный путь отправляется Странник, мечется в поисках спасения Турок — олицетворение ненавистного народу гнета. Восхищению зрителей нет предела. Но чудеса продолжаются: внезапно растворяются окна над циферблатом, появляется фигура апостола. Он движется, идет по балкону, и вслед за ним один за другим проходят с запада на восток двенадцать апостолов. Не успели смолкнуть изумленные голоса, как под крышей башни взлетает каменный Петух, и бодрое «ку-ка-ре-ку» несется над Старой площадью. Народная мудрость лукаво смеется над смертью.

Но нелегок путь к бессмертию...

Солнечным днем мы стояли в толпе пражан на Староместской площади, не в силах оторвать глаз от курантов. И, как много веков назад, заученно отзвонила свою норму секунд Смерть, не спеша прошли по балкончику фигурки апостолов, вспорхнул с выкриком каменный Петушок...

— «Мементо мори!» — «Помни о смерти!» — задумчиво произнес наш друг из журнала «Нова Мысль» Ян Плужак.— «Мементо мори». С детства этот латинский афоризм угнетал наши души. И когда гимназический ксендз вот так же стоял с нами перед курантами, он всегда строго повторял эти слова, указывая перстом на фигуру Смерти... Но как меняются времена! Посмотрите на наших детей: никто уже с трепетом не глядит на Смерть, она для них просто — звонарь. С нетерпением ждут дети появления Петуш-

ка с его бодрым «ку-ка-ре-ку»! По всей площади раздается ребячий смех, и веселое петушиное пение на разные голоса живым и радостным эхом повторяют ребятишки. И когда в эти минуты мне случается проходить здесь, я слушаю не древние куранты, а эти детские голоса — они радуют и волнуют каждого чеха!..

— Знаете ли вы,— снова заговорил Ян после продолжительного молчания,— что вскоре после того, как мудрейший мастер Гануш в пятнадцатом веке создал на удивление всему миру эти изумительные часы, они замолкли на двести лет? Наши сказания передают, что спесивые хозяева Праги не радовались творению Гануша. Их грызла дума о том, что золотые руки мастера могут сотворить еще большее чудо и Прага лишится первенства, а вместе с этим и немалых доходов: орлой привлекал много богатых гостей. «И чтобы быть уверенным, что никогда не создаст он другого орлоя, решились они на злодейское дело»,— нараспев прочел Ян памятные ему с детства строки старой книги.— Великому мастеру зверски выкололи глаза! Слепой и больной, забытый всеми, он однажды пробрался к механизму своих курантов и остановил их на века... Так гласит легенда.

— Постойте, постойте, дорогой коллега Плужак! Ведь это же что-то страшно знакомое! — невольно воскликнул я.— Послушайте вы теперь наше, русское сказание! Узнаете что-нибудь?

И спросил благодетель:
— А можете ль сделать пригожей,
Благолепнее этого храма,
Другой, говорю? —
И, тряхнув волосами,
Ответили зодчие:
— Можем!
Прикажи, государь! —
И ударились в ноги царю.
И тогда государь
Повелел ослепить этих зодчих,
Чтоб в земле его
Церковь
Стояла одна такова,
Чтобы в суздальских землях,
И в землях рязанских
И прочих
Не поставили лучшего храма,

Чем храм Покрова!
Соколиные очи
Кололи им шилом железным,
Дабы белого света
Увидеть они не могли.
Их клеймили клеймом,
Их секли батогами, болезных,
И кидали их,
Темных,
На стылое лоно земли.

Ян Плужак долго молчал.

— Узнаю... — медленно проговорил он.— И ничего не понимаю! Что это?

— Это поэтическая легенда о поразительно схожей трагической судьбе других гениальных мастеров из народа. Вы бывали в Москве и, конечно же, никогда не забудете красоту куполов храма Василия Блаженного у Кремля. Его сотворили во времена Ивана Грозного русские зодчие. Легенду об их скорбной участи рассказал наш поэт Дмитрий Кедрин. Я прочел вам отрывок из его «Зодчих».

Мы долго молчали. Казалось, будто сама История пролистнула перед нами страницы своей вековой книги... Действительно, как потрясающе схожим оказывается в разных странах удел талантов из народа под гнетущей пятой власть имущих! Но с какой неодолимой силой пробивается сквозь века — в бессмертие — творчество человеческого гения!

Я смотрел вокруг, слушал голоса детей, веселый грохот трамваев, и перед глазами вставала эта же площадь в майские дни 1945 года... Староместская ратуша изранена немецкими снарядами, страшными провалами зияет башня, кощунственно разбит золотой циферблат. Куранты молчат, фигура Смерти замерла, покрывшись известковой пылью. Казалось, время остановилось.

Но в город в огне народного восстания, слившегося с грохотом советских танков, пришла Победа. Свободно вздохнула Злата Прага, ожила столица, и, как воскресшее сердце вечного города, вновь ожили куранты на седой ратуше. А там, где свежая кладка на ее стенах свидетельствует о ранах войны, белеет мемориальная доска в честь советских войск, «стремительным ударом освободивших Прагу». Но смотрите!

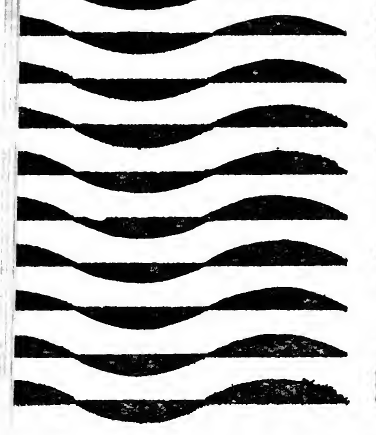
Есть здесь и еще небольшая доска. На ней обозначено лишь одно слово и дата «Дукла. 1944».

В нише в стене хранится горсть земли с Дуклы, с Дуклинского перевала, овеянного славой решающих освободительных боев против фашистских армий, воспетых в народных песнях:

Это там, на Дукле, сквозь дожди и туманы
пробивались к границам Чехословакии
воины-братья: русские, чехи, словаки...
Это здесь, на Дукле, разбив врага,
вступили они на землю Родины...
Это здесь, на Дукле, родилась новая армия,
здесь, на Дукле, зажглась заря нового дня...

И снова звонят куранты. Вспыхивают и сияют в лучах солнца золотые круги циферблата, весело взлетает и бодро голосит Петух. «Мементо мори?» Нет! «Помни о жизни!»

1963 г.

«Здраво, друже!»

«Здраво, друже!» — эти звучные сербские слова раздавались всюду, где бы ни появлялись в Белграде советские гости. Мы слышали их от многих встречных в разноголосом гомоне проспекта Теразие, на бульваре Октябрьской революции, под шумадийскими ветрами горы Авала, у гранитного мавзолея Неизвестного солдата и под сенью необъятного столетнего платана на тихой улице князя Милоша.

Наш путь — к мемориальному кладбищу освободителей Белграда в 1944 году.

— Добро дошли, другови! Здраво! — сердечны слова эти здесь, среди братских могил югославских и советских воинов.

Как и югославские могилы, могилы советских воинов все в цветах: любовно ухаживают за ними жители Белграда. Почти круглый год цветут на могилах розы — то ослепительно белые, как снега далекой России, то красные — цвета горячей крови, то иссиня-черные, как ночи Адриатики. И те же любовные материнские руки сумели сотворить чудо — скромный памятник Советскому воину на Белградском кладбище как бы окружен оазисом родной земли: русский солдат в шинели и шапке-ушанке, с автоматом на груди стоит, прислонясь к уральским сосенкам, по сторонам застыли в вечном почетном карауле волжские березы, над солдатом склонились днепровские плакучие ивы...

Бережно положив к ногам советского воина венок из живых цветов, мы медленно бродили по огромному кладбищу. Сквозь невольно набегавшую на глаза пелену читаем родные имена на бесчисленных могильных плитах... Вся земля цветет здесь, и кажется, будто белые плиты тихо плывут по цветочным волнам.

«Василий Михайлович Михайлов — майор, Герой Советского Союза...»

«Усман Закирович Якубов, майор...»

«Зинаида Николаевна Чакман...»

«Борис Залманович Финкин, полковник...»

«Шайми Назипович Назиров...»

«Ф. Д. Федин — лейтенант, Герой Советского Союза...»

«Мишка — танкист...»

«Маша...»

О многих героях напоминают лишь имена, а часто белеет и такая скорбная плита: «Непознати борец Чрвена Армие» — неопознанный боец Красной Армии... Почти скрыты кустами темно-красных бархатных роз горестные слова на братских могилах:

«70 неопознанных бойцов...»

«119 неопознанных бойцов...»

Мы вышли из ворот военного кладбища. Мысли унеслись далеко, к грозным годам войны... Может быть, «Мишка-танкист» — это наш Михаил Егоров — бесстрашный водитель грозной «самоходки» из Ленинградской танковой бригады? Мы не раз встречались с ним в первые годы войны — не он ли погиб здесь, освобождая югославскую столицу? А «Василь»?.. А «Маша»?.. Может быть, и их мы знали, расставшись на давних фронтовых дорогах, чтобы встретить их имена здесь, вдали от Родины? Может быть, в те прозрачные сентябрьские дни сорок четвертого они стояли где-то здесь, в этих местах, в одном строю с нашим сегодняшним попутчиком — грузным агрономом Юрием Петровичем с Урала,— тогда молодым капитаном 10-го гвардейского стрелкового корпуса...

С честью выполнили освободительную миссию и те, кто дошел с победой до Берлина и вернулся к мирным нивам и городам, и те, кто лежит здесь, в теплой югославской земле, отдав свои жизни за свободу и счастье югославского народа.

Кипит вокруг жизнь солнечного Белграда. И не о смерти — о жизни думаешь здесь, о жизни, завоеванной дорогой ценой. Радуют глаз многоэтажные светлые дома, новые здания физического, технологического, архитектурного факультетов Белградского университета, зеленые детские площадки меж домами, набирают силы посадки на молодых бульварах.

У самых ворот кладбища, там, где беломраморные боевые знамена мемориального барельефа навечно склонились перед светлой памятью югославских и советских воинов, на шумной улице имени Георгия Димитрова, завязалась у нас нежданная беседа с группой белградских рабочих.

У нас не было переводчика, но в славянских странах люди всегда поймут друг друга. А когда высокий, статный седоусый серб вдруг бросился обнимать нашего Юрия Петровича, восклицая много раз подряд: «Помнишь ли Старчево, друже!», когда он бережно передал ему на руки своего светловолосого внука и тот, подражая деду, доверчиво обнял Юрия Петровича, когда стало известно, что Милован Станкович — бывший лейтенант Воеводинской бригады народно-освободительной армии Югославии — двадцать лет назад побратался с нашим капитаном Юрием Петровичем в освобожденном Старчево, на пути к Белграду,— тогда беседа стала общей. Бойцы вспоминали минувшие годы, и все попутчики Станковича наперебой называли места боев, радостно обнимая и тиская при этом Юрия Петровича: «Друже, а Донимилованец зпомнишь? А Клокочевац, а Обрановац?» — Бывший капитан Красной Армии пожимал руки югославских друзей и приговаривал: «Помню, другови, помню!»

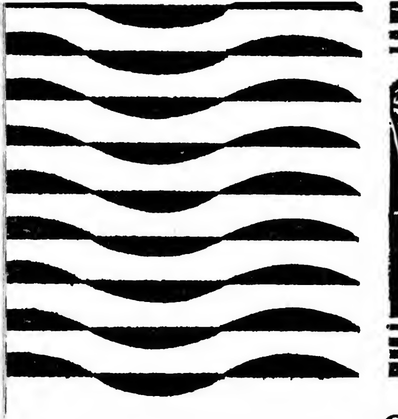
А рядом знакомились женщины и тоже быстро находили общий язык, рассказывая о братьях и мужьях, погибших на войне, о своих детях и внуках, о Москве, Белграде, о Дунае и Волге, об Урале и Словении...

День клонился к исходу. Ветер принес прохладу с Дуная и Савы, благоухание роз с братских могил. Шли после трудовых дел белградцы, замедляли шаги, узнавая русских, и неумолкаемое «Здраво!» звучало вновь и вновь.

1962 г.

Грани

Сколько граней у самоцвета

В книге «День уральской поэзии», изданной несколько лет назад, напечатаны стихи рабочего Степана Яковлевича Черных из Нижнего Тагила. Стихи о войне, о мире, о старых ранах, которые дают себя знать в непогоду, о детях, которых надо уберечь от войн и от ран... Стихи ясные, умные, идущие от сердца человека, много пережившего лично, имеющего что сказать людям...

С автором этих стихов мы знакомы не первый год. Черных уже не молод. Он невысок ростом, черняв, оправдывает свою фамилию, идущую от дедов. За плечами Степана Яковлевича, как принято говорить,— обычная жизнь рабочего человека, но обычность эта, как она ни многотрудна, такова, что ей уже сейчас хорошей завистью завидует молодежь... Да и что такое «обычное» и «необычное»? Если считать обычным для тагильского паренька, в двадцать лет надевшего по зову Родины солдатскую шинель, перенестись с Урала на Север, а оттуда с боями пройти до Кенигсберга?.. Если счесть обычными долгие месяцы и годы орудийного грома, воздушных налетов, поражений и наступлений, страстных сражений за освобождение родной земли и, наконец, долгожданный выстраданный стремительный бросок в далекое логово врага? Если счесть

обычными многие военные награды на груди юноши, повседневное мужество и скромную отвагу боевого связиста на самой передовой линии огня и тяжелейшее ранение почти на берегу холодного Балтийского моря ранней весной сорок пятого — за два месяца до победы,— ежели счесть все это обычным — восславим ее, эту **героическую обычность** нашего поколения!

Черных уже много лет, после войны и госпиталя, работает на огнеупорном заводе. Почему он избрал для себя этот небольшой завод? Ведь есть в Тагиле первоклассные гиганты металлургии и машиностроения... Можно было ожидать ответа, что работают люди везде, что не всем же работать на гигантах. Но Степан Яковлевич ничего такого не ответил, а тепло и просто сказал: «На огнеупорном работала моя мать. Весовщицей...»

Мы бродим по Тагилу белой июньской ночью, такой же светлой и красивой, как и на берегах Невы, но частые взлеты огневого зарева близких домен заливают блеклое небо таким ярким пламенем, что ночь кажется здесь вообще неправдоподобной.

Улица новых домов ведет к пологой зеленой Лисьей горе. В прозрачном тумане встает вдруг перед нами огромный старинный домина со строгими классическими колоннами, как бы перенесенный сюда с одной из площадей Ленинграда... В давние годы здесь было управление демидовскими заводами — то самое «горное гнездо», что запечатлено в романе Мамина-Сибиряка. Ныне в старом здании Нижнетагильский городской Совет депутатов трудящихся... Но особенно прекрасны в дымке белой ночи кварталы новых свежекрашенных светлых домов с балконами в цветах, в густой зелени скверов, с мерцающим блеском заводского пруда меж ними... Степан Яковлевич рассказывает, что еще на его памяти дом демидовских времен с колоннами казался зыбким островом среди необъятного разлива убогих деревянных домишек старого Салдинского тракта, болотной Кочковатки, каменистой Гальянки... Здесь ютился рабочий люд Тагила — творцы первоклассного металла. А время от времени рождались тут, на удивление всей России, то солнечные картины крепостных художников Худояровых, то несравненное мастерство умельцев Черепановых —

создателей первого в мире паровоза, и иные неисчислимые свидетельства неугасимой силы народной, его неиссякаемого творческого духа, неодолимого и под игом подневолья...

Близ Лисьей горы раскинулся и старый «демидовский» завод, обновленный и помолодевший, как и весь Тагил, а вдали, в никогда не гаснущем ореоле огней, дымятся гигантские силуэты домен, мартенов и конверторов флагмана уральской металлургии... Там, под его сенью, приютились и небольшие строения огнеупорного завода, где работает Черных. Там создается поистине прошедшее огонь и воду внутреннее одеяние печей, раскаленных почти до температуры солнца...

Черных — дежурный слесарь по контрольно-измерительным приборам, и, хотя сблизила нас с ним литература, но, встречаясь, мы чаще говорим о технике, чем о стихах. Так уж само собой получается в этой рабочей цитадели технического прогресса, где строительных кранов порой не меньше, чем деревьев, где на домнах, мартенах, конверторах властно вошли в жизнь многие чудеса автоматики, телеуправления... Сотни автоматов регулируют и создание огнеупоров, которые готовит завод. Самопишущие цветные стрелы полны смысла, разноцветные огоньки многочисленных пультов сигнализируют о том, как идет газификация кокса, обжиг, газогенерация. Неисчислимо сложное хозяйство Степана Яковлевича — его задача, чтобы все приборы, вся автоматика работали безотказно... И может быть, в четком ритме механизмов есть для него что-то близкое звонкому ритму стихов... Во всяком случае то, что Черных пишет стихи, известно давно, и в этом действительно нет ничего необычайного — в городе много книголюбов, большая литературная группа при газете «Тагильский рабочий», стихи, рассказы, очерки пишут и печатают сталевары и доменщики, учителя и крановщики, студенты. Среди них есть и авторы книг, и ими коллективно написаны одобренные М. А. Шолоховым «Новые были горы Высокой», создана большая книга о Тагиле... И все же недавно Степан Яковлевич Черных удивил меня.

Для каких-то своих дел листал я четырехтомный «Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и

общественных деятелей», составленный И. Ф. Масановым, изданный Всесоюзной книжной палатой. Известно, что книга эта — специальная, плод кропотливейших, сложнейших исканий и открытий лучших наших библиофилов и литературоведов. Листаешь страницы словаря и с уважением думаешь о том, как много нужно труда, знаний, бескорыстной любви к литературе, чтобы по нарочито запутанным инициалам или специально придуманной мифической фамилии под журнальной статьей, очерком, рассказом распознать истинного автора, пожелавшего остаться неизвестным, нередко раскрыть новые, неведомые штрихи и страницы творчества великих писателей, критиков, художников!..

Отложены тома словаря, почти бездумно пробегаю глазами не раз читанное введение и вдруг удивленно останавливаюсь на такой знакомой фамилии. Разумеется, я видел ее на этих страницах десятки раз раньше, но может быть, только что приобщившись к скрупулезным поискам библиографов, я впервые обратил внимание и на совпадение инициалов: **С. Я. Черных...** Но при чем здесь, в сугубо специальном труде, тагильский слесарь?.. Однако читаю и перечитываю строки введения к академическому изданию: «Большое количество дополнений к «Словарю» сообщил С. Я. Черных, которому Всесоюзная книжная палата приносит благодарность».

«С. Я.» ...Степан Яковлевич?.. Хочется тут же позвонить в Тагил. Но кому? У Черных телефона на квартире нет, а спросить у других, имеет ли отношение рабочий огнеупорного завода к «Словарю псевдонимов» — вопрос прозвучит более чем странно... Но что-то настойчиво зовет меня в Тагил.

И вот дня через три мы встретились со Степаном Яковлевичем. Теперь-то уж разговор был только о литературе! Мы сидели в небольшой квартире по улице Попова (названной в честь знаменитого уральца — изобретателя радио). В доме тихо — жена на работе, дочери и сын — в пионерском лагере у лесного озера. Нас окружают книги, кипы журналов и ящики с тысячами карточек — на них нанесены результаты многолетних изысканий Степана Яковлевича, которым отданы почти все часы его свободного времени.

— Литература, книги — мое давнее увлечение,— тихим голосом рассказывает Черных,— но, может быть, это покажется странным, больше всего уже много лет увлекаюсь я библиографией. Ведь прочесть одну хорошую книгу — большая радость, но узнать, что есть еще сотни, тысячи неизвестных тебе, не прочитанных тобою книг — все равно что выплыть из залива в открытое море... Кажется, что может быть радостнее, чем слагать стихи, слушать голос своего сердца, открывать новые рифмы,— продолжает Степан Яковлевич после длительного молчания.— Но для меня вот ничто не сравнится с тем волнением, с которым открываю новую книгу библиографии...

А если достану что-нибудь редкое — чувствую себя совсем счастливым...

Степан Яковлевич привычным движением руки передвинул к себе из кипы книг на столе два больших тома — новый библиографический указатель «История СССР» и старый фолиант «История Древнего Рима и Древней Греции». Библиография...

— Что это мне дает? — задумчиво говорит Черных, листая любимые книги. — Я сам не знаю, вернее, не смогу определить точно... Да и нужно ли это определять?.. Вот раскрываю книги и как бы уплываю в простор книжный... Вчитываюсь, сравниваю, ищу, обнаруживаю псевдонимы... Встречаю знакомых — прохожу мимо спокойно, незнакомцев вылавливаю — тащу на берег... на стол... Тут и ждут тебя радости и огорчения, волнения и тревоги. Порой часами, ночами вглядываюсь в одну строку: «С. А.»? Кто этот незнакомец? Почему решил скрыть свое лицо под маской псевдонима?.. Кто он?.. И начинаются поиски, рождаются домыслы — одни опровергают другие... Давно уже узнал я, что поиски, подобные моим, интересуют не одного меня, начал изучать справочник, специальные издания, завел переписку с библиографами многих библиотек, выписал словарь псевдонимов Масанова. И он стал как бы компасом — теперь на свои карточки заношу лишь тех, кто не значится у Масанова. Только тех... И как же был потрясен я однажды, когда обнаружил, что на моих карточках есть имена, которых нет в «Словаре псевдонимов»... Долго не верил себе... Без конца, снова и снова проверял и выверял.

И убедился, что не единицы, а многие десятки псевдонимов раскрыты мною... Только мною!..

Степан Яковлевич встает, нервно ходит по комнате, беспричинно передвигает на столе книги, склоняется над картотекой и, то и дело прерывая себя, не в силах сдержать волнение, рассказывает о том, как решился послать все свои записи о раскрытых псевдонимах, которых нет в словаре Масанова, в Москву... Нет, тагильский слесарь Черных не пополнил собой ряды многократно описанных в старых романах неудачников-дилетантов (это, кстати, тоже замечательная обычность нашего времени!)... Рукопись переслали прямо Масанову — главному редактору Всесоюзной книжной палаты, Сергею Ивановичу — сыну основателя «Словаря псевдонимов», продолжателю дела отца.

До получения ответа пришлось, правда, как говорит Степан Яковлевич, пережить несколько «черных недель» — все думалось, что вернется из Москвы пакет с короткой запиской какого-нибудь секретаря о том, что, мол, возвращаем за ненадобностью ввиду напрасного и беспочвенного стремления открыть давно открытые «америки».

Но этого не случилось. В один из дней на обычный тревожный вопрос — нет ли письма из Москвы, ему подали долгожданный конверт. И сразу же радостно екнуло сердце: письмо было тоненьким, значит, пакет не вернули... Отвечал Черныху сам Масанов...

Степан Яковлевич быстрым движением выдвинул ящик стола и сразу же, не ища, подал это памятное письмо. Его лицо стало бледным, губы сжались — пойму ли я, что значили для него эти немногие, но полные уважения и признания строки ученого из Москвы? Черных бесшумно ходил по комнате, пока я читал:

«Глубокоуважаемый Степан Яковлевич! Издательство Всесоюзной книжной палаты передало мне Ваше письмо с изрядным «додатком» к «Словарю псевдонимов» моего покойного отца.

Считаю своим долгом, прежде всего, искренне поблагодарить Вас за внимание к этой работе. Я еще не знаю — сумею ли использовать присланный Вами материал для дополнений в 4-м томе. Если такая возможность будет, то я специально оговорю Ваше участие. Псевдонимов — море, и их все не учесть.

Мне было очень приятно, что и в таком далеком от Москвы городе, как Нижний Тагил, есть люди, которые знают и, что самое главное, любят литературу и, по мере своих сил, стараются что-то собрать от их «крох».

Буду рад Вашим письмам.

С дружеским приветом
С. Масанов.

Москва, 7. V. 1959 г.»

И вот настал праздничный и незабываемый для Степана Яковлевича день, когда прибыл в Тагил четвертый том «Словаря псевдонимов». В научный труд, созданный крупными учеными, включено свыше двухсот дополнений — маленьких открытий тагильского слесаря. И во Введении речь идет именно о нем, и благодарность ученых адресована ему — Степану Яковлевичу Черных...

И хотя книга с публикациями Степана Яковлевича интересует немногих и труды Черных в часы досуга кое-кому покажутся чудачеством — он продолжает свое дело. Он видит уже и некоторые несовершенства того словаря, который не так давно считал непререкаемым, он все увереннее плывет по книжному океану, раскрывая все новые и новые, никому доселе неведомые острова и земли...

— Пожалуй, больше всего сам удивляюсь, когда успеваю...— говорит Черных, устало улыбаясь.— Завод, новая техника, автоматика захватывают, дети-школьники требуют внимания, стихи нет-нет, а постучатся в сердце... И картотека моя зовет... А вот как я работаю, как это все происходит, пожалуй, рассказать так сразу не смогу, да и на смену пора уже...— закончил разговор Степан Яковлевич.— Проводите меня на завод, в пути поговорим, а о том, что вас интересует, лучше напишу как-нибудь, соберусь с мыслями...

И опять шли мы по этому рабочему городу, неповторимому в своей красоте, как бы сочетающей мудрость извечных трудовых традиций и бодрость юности, уверенно устремленной в Завтра... Все более близкий грохот завода-гиганта отвлек наше внимание от белой картотеки, оставленной в небольшой комнате на улице Попова. До самых заводских ворот мы, как всегда,

спорили о новой технике и новых стихах, говорили о детях Степана Яковлевича, о далеком и близком будущем...

Наверное, спустя месяц Черных прислал мне свои стихи для новой книги уральской поэзии и большое письмо, обещанное в последнюю встречу.

«...Сообщаю, как обещал, некоторые сведения о моих занятиях «псевдонимикой», как я сам называю эту работу. Занимаясь этим в свободное от основной моей работы время, я продолжаю известный труд библиографа Ивана Филипповича Масанова (1874—1945) («Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» в 4 томах, издание осуществлено Всесоюзной книжной палатой в 1957—1960 гг.). Собираю я то, что важнее. Это единственное обширное издание такого рода за все время развития русской и советской библиографии. Ценность его значительна. Исследователи литературы, культуры, искусства к нему обращаются очень часто. Все псевдонимы в историко-литературных трудах последних лет даются в расшифровках по «Словарю псевдонимов». Но словарь этот еще не полон. Вот восполнением этим я и занимаюсь, если дело касается псевдонимов дореволюционных авторов.

Но псевдонимы возникают чуть ли не каждый день. Сбор новых псевдонимов, криптонимов, оценонимов и т. д. уже является работой совсем новой. При собирании этого материала я пользуюсь теми же методами, какими пользовался покойный Масанов. Стремлюсь как можно более въедливо, тщательно изучать как ретроспективную библиографию, так и текущую (газетную и журнальную летопись), просматриваю массу журналов, в которых криптонимы имеют место, и ряд других изданий историко-литературного характера. Кроме того, вступаю в

переписку с литераторами, о которых знаю, что они могут сообщить мне что-то интересное.

В картотеке моей теперь около пяти тысяч карточек с записями расшифрованных псевдонимов. Их число растет из месяца в месяц. А что потом буду с ними делать — пока не решено.

Что имеется в моей картотеке? Псевдонимы из различных источников — к ним относятся, как правило, псевдонимы дореволюционных писателей. Но в словаре Масанова этих псевдонимов нет. Таким образом, у меня оказались зарегистрированными и помещенными в картотеку псевдонимы даже таких писателей, как Лермонтов, Некрасов, Бестужев-Марлинский, Одоевский, Огарев, Стасов, Станюкович и многие другие. Есть даже одна псевдонимная подпись (в «Нижегородском листке») Максима Горького. Есть один псевдоним Чехова, один — Герцена. Очень много своих собственных расшифровок криптонимов, а также некоторых псевдонимов, в частности, псевдоним «Мст. Тьму-Тараканьский», которым в альманахе «Возрождение» (М., 1922) подписан шарж «Нашествие юмористов». Автором, как мною установлено, является художник М. В. Добужинский. Убежден также, что автором рассказов за подписью «Мастеровой» был А. П. Чапыгин. В «Сибирской советской энциклопедии» имеется статья «Женьшень», подписанная криптонимом «В. Ш. и В. А.».

На основании тщательных сопоставлений я прихожу к выводу, что вторым автором является Вл. Клавдиевич Арсеньев, а первым — краевед Вл. Болеславович Шостакович. «Сибирскую энциклопедию» я просматривал очень подробно. Арсеньев и Шостакович в ней сотрудничали.

Можно привести и другие примеры, но достаточно этих.

Имеются в моей картотеке расшифровки псевдонимов ученых (историков Блаватского, Бахрушина, Шумкова, Лурье, Бекштрема и др.), композиторов (Ипполитова-Иванова, Мясковского, Книппера, Солодухо и др.), искусствоведов, литературоведов, писателей Зощенко, Зозули, Заславского, Неверова, Александровского и многих других), революционных и общественных деятелей, философов, экономистов, юристов, языковедов, критиков, педагогов.

Стоит ли продолжать это собирательство? Думаю, что стоит... Коллекция псевдонимов моя когда-то кому-то послужит на пользу. Только ради этого — кому-то в будущем оказать помощь — я и занимаюсь своей псевдонимикой».

Деловое и суховатое, это письмо взволновало меня. С радостью думалось о том, как чудесно разносторонен рабочий человек наших дней! Кажется, знаком с ним много лет, все в нем ясно — и вдруг... Невольно вспоминаются слова уральских горщиков: попробуй сочти-ка, сколько граней у самоцветов! Чем больше глядишь — больше граней сверкает, но вот все уже высмотрел, а глянул пристально — еще новая грань, других краше!

1963—1965 гг.

Поет, поет кружало...

Холодный весенний день. Свежий ветер врывается в открытую дверь амбара вместе с солнечными лучами. Легкая пыль кружит в воздухе... Группа крестьян неотрывно следит за тем, что делают несколько стариков. А старики священнодействуют! Их лица кажутся отрешенными от всего земного, как лица знаменитых певцов или танцоров. И то, что они делают, и впрямь напоминает странный, ни с чем не сравнимый танец... С потолка, словно звонкие барабаны, свешиваются сита, наполненные семенами. Старики неуловимо ловкими движениями рук кружат их — вперед, назад, немного вверх, немного вниз, слегка изгибаясь в такт движению... В напряженной тишине поскрипывают сита и чуть слышно шелестят семена...

Это — кружальщики. И свершаемое ими чудо, загадочное, необъяснимое и в то же время простое и обыденное, как рост колоса из зерна,— одно из самых ярких воспоминаний далекого детства Алексея Федоровича Ульянова... Через много лет эта странная картина детства, как упорно повторяющийся сон, памятный до мельчайших подробностей, поможет инженеру Ульянову свершить главное дело его жизни. А дело это, разумеется, ничего общего с чудесами не имеет, как, впрочем, и замечательное мастерство кружаль-

щиков. Уж это-то, последнее, Алексею Федоровичу известно доподлинно, ибо среди именитых стариков-кружальщиков, запечатленных в его памяти с детских лет, был и отец Ульянова.

Но прежде всего, что есть «кружало»? Народное это слово метко обозначает суть дела: издавна крестьянин стремился к тому, чтобы посеять в землю зерно, очищенное от плевел, и лучше всего это издревле делалось вскруживанием... Плывут в таинственном ритме руки кружальщика, как звуки «тамтама» начинают звучать, а затем и кружиться решета, свершая строго определенный круговорот. Поет, поет, поет свою песню кружало, и, повинуясь четкому ритму движения, беспрерывно вскруживаются семена и механически освобождаются от вредных примесей...

Предельно просто самодельное «кружало» — обычное крестьянское сито. Но тот, кто владел редчайшим — загадочным для непосвященных — даром кружальщика, был одним из самых нужных и уважаемых людей в старой деревне — от него во многом зависел будущий урожай.

О кружальщиках знали далеко за пределами родных мест, их приглашали и в дальние губернии. Их чудесное мастерство встречалось несравненно реже, чем талант самородка-певца или гармониста. И свое мудрое умение они передавали от отца к сыну, из поколения в поколение.

Однако Алексей Ульянов не стал кружальщиком, да и отец его к старости, наверное, позабыл о былом искусстве. Иные времена настали. Старик Ульянов был избран председателем колхоза в родном селе, а самодельное кружало вытеснили машины для очистки семян...

Но через много лет крестьянский сын Алексей Федорович Ульянов, к тому времени уже инженер-механизатор, с волнующим чувством радости и уважения вспомнил о дедовском кружале.

Шли тридцатые годы, первые годы становления колхозного строя. За плечами Алексея Ульянова был уже некоторый опыт механизатора. После окончания института он проработал главным инженером зерносовхоза в Сибири, на Безенчукской машиноиспытательной станции, испытывал новые тракторы.

Не прекращал Алексей Федорович испытательной работы и тогда, когда был выдвинут на научную работу на кафедру уборочных машин Московского института сельскохозяйственного машиностроения имени М. И. Калинина. А когда институт перевели в Саратов, Алексей Федорович Ульянов возглавил здесь кафедру сельскохозяйственных машин. Среди многих других практических и теоретических проблем, над которыми работал коллектив, Ульянов занялся усовершенствованием зерноочистительных машин.

Задача состояла в том, чтобы создать новый вид машины, способной очищать семена от самых трудноразделимых сорняков.

Немало разных машин уже было создано к тому времени. Хорошо очищали они от сорняков пшеницу, рожь. Однако осталось немало и таких семян, которые они не могли очистить от вредных примесей. Ну вот, например, семена тимофеевки, люцерны и других трав. Не зря называют их трудноразделимыми: накрепко слит с этими ценнейшими семенами вреднейший паразит — сорняк павилика...

В те дни раздумья, бесконечных экспериментов и опытов Алексей Федорович не раз вспоминал о народном способе очистки семян, памятном с детских лет. Как живые, вставали знакомые картины, и простое кружало все чаще приковывало к себе мысль инженера, ученого.

Почему загадочные движения обычного решета в руках талантливого кружальщика освобождали от сорняков даже самые трудноразделимые семена? Почему не удается это сделать машине?..

Почему?.. Десятки раз разбирал и собирал Ульянов со своими ассистентами все существующие машины, снова и снова изучал их чертежи... Да, как бы ни были различны зерноочистительные машины, ни одна из них не действует по принципу кружала. А в чем, собственно, состоит этот принцип? Ученые до сих пор признавали невозможным даже описать движение кружала. Популярный в тридцатых годах учебник для сельскохозяйственных вузов «Сельскохозяйственное машиноведение» указывал: «Движение это словами описать в точности трудно — его надо почувствовать...»

Ульянов чувствовал его, чувствовал и ощущал с

раннего детства. Порой, казалось, он даже и сейчас слышал знакомую ритмичную, ни с чем не сравнимую песнь кружала, шелест семян, зримо представлял кружало в действии... И все больше зрела мысль попытаться создать машину по типу народного кружала, сочетать народную смекалку с точной механикой.

На первых же порах Ульянов узнал, что уже делались попытки механизировать кружало. Но это были неудачные попытки подражать, а не преобразовать: решето ставилось на шарниры, механизм работал, но процесс вскруживания семян не воспроизводился. Может быть, причина неудач крылась в неуважении к народной мудрости — ничего, мол, сложного в кружале нет, достаточно поглядеть на него, сделать «на глазок» похожую машину, и дело с концом...

Для Алексея Федоровича Ульянова мысль о механическом кружале стала началом большой многолетней работы. Он подошел к ней, как мог это сделать лишь ученый, вышедший из народа, знающий, как оплодотворяет науку народное творчество.

Прежде всего Ульянов решил научно зафиксировать работу кружала, все его движения обозначить точными математическими формулами. Ему советовали применить метод кинофиксации, но это не давало бы математических расчетов, Алексей Федорович подошел к решению проблемы иначе.

Он выехал в колхозы Поволжья с целью, которую не решился раскрыть кому бы то ни было, а тем более обозначить задачей своей командировки: Ульянов намеревался попытаться найти среди стариков живого кружальщика (отец Алексея Федоровича к этому времени умер). Молодые руководители колхозов искренне не понимали, чего ищет ученый, люди постарше разводили руками: и слово-то такое давно забыто... Но Ульянов был крестьянским сыном и сам, легко общаясь с сельским народом, наконец нашел того, кого так настойчиво искал. В дальнем селе при первой же беседе со стариками поднялся высокий бородач и спокойно, как само собой разумеющееся, проговорил:

— Кружальщики мы, Стрельцовы, испокон веков. Да дело-то наше ненужное по нонешним временам... Лично я давно уж сторожем работаю на колхозном зернотоке. Поглядываю, как зерно веется, да берегу.

Ульянову хотелось обнять старика. Он подробно расспросил, не позабыл ли Ефим Авдеич (так звали Стрельцова) свое былое мастерство, невольно посмотрел на его руки — крепкие, жилистые, гибкие, как живые подвижные ветви старого дерева.

Старика пригласили в Саратов, и он стал на длительное время как бы «научным сотрудником» института механизации. Ранним утром являлся Стрельцов в лабораторию и самозабвенно трудился. «Для науки», как он сам с гордостью выражался, многозначительно приподнимая густые седые брови.

За всю свою долгую жизнь старый крестьянин никогда еще так старательно и четко не вскруживал семена, как в этой необычной обстановке, в лаборатории, под зорким взглядом Ульянова, в котором Стрельцов сразу признал своего человека, знающего и любящего крестьянский труд!

Десятки раз записывали специально разработанные механизмы и приспособления все движения кружала, каждый взмах руки старика, разбирали на составные части каждый поворот его решета. Неустанно вычислялись углы, выводились формулы, сверялись и пересчитывались вновь... Прошло много дней упорного труда в лаборатории, много часов напряженных размышлений, исканий, догадок, вычислений — и настал день, когда сквозь сетку цифр неуловимый, казалось, ритм движения кружала стал ясным, как ритм знакомой песни, записанной нотными знаками.

Теоретически осмыслив вековой народный опыт, инженер Алексей Федорович Ульянов впервые открыл и сформулировал закон движения ручного кружала. Теперь уже на основе этого закона движения, обозначенного чеканными математическими формулами, по абсолютно точным чертежам можно было создать совершенную машину — «механическое кружало», чтобы научно воспроизвести его чудесный ритм. И она была создана.

Научный совет Московского института механизации сельского хозяйства единогласно присвоил Ульянову звание кандидата технических наук за открытие «теории кружала». На построенную им новую зерноочистительную машину был выдан патент, и «кружало Ульянова» вошло в практику как незаменимый аппа-

рат для очистки самых трудноразделимых семенных смесей. Было это незадолго до войны.

В Сельскохозяйственной энциклопедии, где «механическому кружалу Ульянова» отведена большая статья с чертежами, так рассказано о работе машины:

«Ранее существовали лишь кружала ручного действия. Инженер А. Ф. Ульянов разработал и ввел в употребление кружала с механическим приводом...

Рабочим органом является плоское круглое решето с бортами, наклоненное под углом к горизонту. Решето опирается краем на опорное кольцо станины, а в центре насажено на кривошип, связанный шарнирно с головкой вертикального вала.

Решето совершает сложное движение, вращаясь вокруг вала и одновременно вокруг своего центра. В результате сложного движения, **воспроизводящего движение ручного кружала** (подчеркнуто мною.— **Б. К.**), более легкие семена сорняков поднимаются на поверхность семенного материала, находящегося на решете, и концентрируются возле центра его, откуда удаляются с помощью съемного лотка.

Более тяжелые семена сорняков проходят через отверстия решета, попадают на скатную доску, с которой выводятся за пределы машины. Очищенные семена высыпаются из решета».

Казалось, цель достигнута, задача решена. Алексей Федорович Ульянов захвачен десятком других больших и малых дел. В трудные годы войны, в послевоенные годы он отдает все силы подготовке кадров — читает лекции студентам, ведет занятия на курсах комбайнеров и механизаторов, консультирует рационализаторов и изобретателей совхозов и колхозов, пользуется каждой возможностью, чтобы выехать в МТС, в совхоз, в колхоз.

И все эти годы, до предела заполненные разносторонней научной и педагогической деятельностью, Ульянов не прекращал дальнейшей работы над усовершенствованием своего «механического кружала».

Еще на защите кандидатской диссертации ученые, подчеркивая значимость машины Ульянова, указывали, что следующим этапом должно явиться создание «механического кружала» не периодического, а непрерывного действия. Но эта, казалось, не столь уж прин-

ципиально сложная задача выдвинула перед ученым совершенно новую проблему большой научной значимости, большой теоретической и практической важности.

Для того чтобы обеспечить непрерывный ход очистки семян в «механическом кружале», нужно было изучить теперь уже сам процесс сепарации, происходящий в толще семян; какие силы обусловливают всплывание легких, но трудно отделимых частиц семян на поверхность при их механическом вскруживании?..

Речь шла уже не о законах движения кружала, а о раскрытии сложнейших законов, о механике самого процесса сепарации — научная проблема, несравненно более широкая, чем создание новой машины.

Много лет упорно, настойчиво и последовательно занимался Ульянов разработкой этой большой проблемы. За эти годы посеребрились волосы на висках ученого с простым лицом умного крестьянина и крепкой коренастой фигурой.

Сотни опытов и экспериментов все глубже раскрывали динамику всплывания частиц семян при вскруживании, десятки уравнений фиксировали и объясняли ее, разработана сложнейшая схема непрерывного действия, стройнее и четче развилась теория: основы сепарации семенных смесей процессом механического вскруживания. Она и составила содержание докторской диссертации Ульянова. А на основе раскрытой Ульяновым динамики процесса сепарации построены и новые сложные машины — «механическое кружало непрерывного действия». Весь процесс засыпки, удаления поднявшихся на поверхность семян сорняков и других примесей, а также отвод очищенных семян происходит здесь непрерывно, без остановки машины. Для беспрерывной подачи семян кружало имеет ковшевой элеватор, бункер и приемную вращающуюся воронку.

Идут годы, поет, поет кружало, а мысли и замыслы Алексея Федоровича уже опередили созданное им же. Решается задача ускорения движения машины: она должна стать рентабельной в условиях укрупненных хозяйств с огромным количеством семян, подлежащих очистке. Для этого кружало замыкается уже

в цилиндр, осуществляется центрифугирование. А это требует разработки и новой теоретической основы.

«К вопросу о центрифугировании сыпучих тел» — так называется новый научный труд Ульянова. Он становится теоретической базой для создания и более совершенных машин.

В кандидатской и докторской диссертациях Ульянова, как и во многих научных трудах крупного ученого-механизатора, среди сложных вычислений и теоретических обобщений с уважением упоминается скромное имя рядового колхозника Стрельцова, которого ученый любовно называет своим «соавтором».

Ибо первоосновой научных изысканий и целой серии сложных машин является простое кружало, как душой и основой музыки является народная песня...

1952 г.

Сильнее смерти

Тот, кто хочет наглядно увидеть картину старого и нового Урала во всей ее красоте, в живой впечатляющей динамике — тому обязательно надо побывать на Нижнетагильском пруду в разгар зимнего дня, когда в ярких лучах солнца с редкой для этих мест ясностью видишь близкое и далекое,— блеск каждой снежинки и всю бескрайнюю захватывающую панораму этого неповторимого горного гнезда Урала.

Сверкающая гладь застывшего пруда изрезана широкими дорожками. Путь налево ведет к старому тагильскому заводу. Его древние домны у Лисьей горы дымят еще с демидовских лет. Дороги направо идут к новому металлургическому гиганту, выросшему в недавние годы и продолжающему расти. Во весь горизонт тянутся громады его корпусов, величественные башни домен, мощные батареи кауперов, устремленные ввысь трубы теплоэлектроцентрали... А впереди, ближе к пруду, раскинулись кварталы новых многоэтажных домов, обнесенные узором чугунных решеток...

Тагильчане уверяют, что в час пересмены на старом и новом заводах движение здесь, на ледяном проспекте, оживленнее, чем на Невском, в Ленинграде. Отменное место встреч — этот застывший пруд в центре рабочего города! Приезжая в Тагил, я тоже люблю бродить по его ледяным дорожкам, и не бывало дня без запоминающихся, интересных встреч!..

Много лет подряд, пожалуй, уже скоро три десятилетия, я часто встречаю здесь Семена Петровича Деменева. Заметный человек Семен Петрович — высокий, плечистый, со взглядом светлых глаз на обожженном и обветренном лице, с густыми усами, именно таким и представляешь себе обер-мастера доменного дела!.. А когда мне довелось познакомиться с Деменевым поближе, побывать в его родовом доме на старой Гальянке, узнать его семью, окунуться в круг их больших и малых интересов — облик этого рабочего человека, вся его нелегкая, но простая и ясная жизнь осветились каким-то особенно теплым, глубоким, внутренним светом.

И было от души приятно писать о нем, рассказать людям об этом хорошем, умном человеке, потомственном уральском металлурге, чья родословная идет с демидовских времен. Один из написанных мною очерков о Семене Петровиче был напечатан в 1949 году — тогда Деменев избирался депутатом областного Совета:

> «Вся его жизнь прошла на старом тагильском заводе. Здесь работали дед и отец — тут прошла их многотрудная жизнь, беспросветная и безрадостная. Отец надорвался в тяжелом труде молотобойца. Ничего лучшего не сулила судьба и Семену Деменеву... С детских лет успел он хлебнуть с избытком горечь подневольного труда. Земскую школу на Гальянке пришлось бросить со второго класса и на десятом году стать уже «добытчиком», помогать больному отцу кормить большую семью. Семен до гуда в ногах, с зари до ночи бегал рассыльным, маялся коногоном на железных рудниках, и только за год до Великого Октября удалось Семену Деменеву попасть на завод, где десятилетиями трудились его дед и отец. Заслонщик у пылающего пламенем мартена, котломаз в литейном, чернорабочий на строительстве — чего только не приходилось делать мальчонке, чтобы не лишиться заветного места. А впереди маячила незавидная судьба деда и отца...
>
> Почти полвека отдал заводу отец Семена

Петровича, но так и остался неграмотным и, потеряв все силы, к старости пошел в сторожа. Так было.

Когда Семен Петрович, продолжая традицию своего рода, много лет назад пришел к домнам завода у Лисьей горы, он представлял собой по крайней мере третье поколение Деменевых, десятилетиями трудившихся на ненавистных хозяев. Но Семену Деменеву довелось открыть новую страницу в истории своей семьи».

К началу первой пятилетки Семен Петрович стал уже старшим горновым. А в тридцатом году с группой инженеров, мастеров и рабочих ездил в длительную командировку на металлургические заводы Юга. И во сне не приснилась бы такая поездка деду и отцу Деменева, не выезжавшим за пределы своей Гальянки! В двадцать восемь лет Семен Петрович уже помощник мастера доменного цеха. Молодых мастеров тогда было еще немного, и Семен Петрович «для солидности» отрастил усы...

Помню долгие вечера в доме Деменевых и горячий спор, в котором приняла участие и Мария Павловна — жена Семена Петровича... Из всего, что я уже знал, было очевидным страстное, горячее стремление Деменева в совершенстве познать доменное дело. Казалось, Семен Петрович хотел наверстать не только ушедшие годы, но и то, что не смогли взять от жизни дед и отец: он использует каждую возможность учиться. В семейном архиве бережно хранятся справки и дипломы всяческих курсов мастеров-доменщиков разных лет.

Показали мне и вызов на экзамены в Промышленную академию, в 1936 году... Вот тут-то и вмешалась Мария Павловна:

— Неужто и об этом надо людям рассказывать, позорить старика!?. Провалился ведь Семен мой, хотя и сидел ночи напролет над книжками. Чего уж...

Но Семен Петрович рассуждал по-другому:

— Да, не достиг я многого, и вершины не достиг. Но стремился! А это — не позор, а наука. Опоздал я, потому и не достиг. Пусть теперь молодые стремятся, они-то должны достигнуть!..

Напечатано об этом было так:

> «В Москву Семен Петрович ездил с женой, Марией Павловной. Каждый экзамен переживали вместе. И когда стало ясно, что знаний, добытых рывками после двух классов земской школы, для академии мало, Деменев не пал духом. «Тут уж опоздал я,— говорил он жене,— ничего не поделаешь, попозже бы родиться надо... Но дети наши не опоздают. Они-то вовремя родились, Мария. В самое время!»
>
> Горячим стремлением к знаниям Семен Петрович сумел зажечь и новое поколение Деменевых. В старшем сыне Александре уже видит он свершение своих мечтаний: Александр закончил горно-металлургический техникум и в двадцать лет стал мастером доменного цеха нового металлургического завода, что вырос в Тагиле. По совету отца отпуск свой он провел в Москве и на заводах других городов страны. Теперь Александр Деменев — студент заочного отделения Уральского политехнического института. Он будет инженером, первым инженером в роду Деменевых. И не последним: дочь Алевтина заканчивает десятилетку. Наташа учится в четвертом классе, Лена — в первом. Будет, конечно, учиться в свое время и малыш Петя».

Очерк этот был напечатан в 1949 году, больше четверти века назад.

Теперь я должен перейти к самому трудному и печальному. Как написать об этом?..

Да, сбылась мечта Семена Петровича. Сын Александр стал инженером, а вскоре и обер-мастером, как и отец. И как радостно было встречать их вместе, на том же знакомом заводском пруду.

Вижу: идут они в час пересмены рядом — отец и сын, два обер-мастера доменного дела. Семен Петро-

вич, высокий, крепкий и моложавый, по привычке крутит светлые усы, неторопливо ведет разговор. Сын, молодой, круглолицый и тоже светловолосый, всем похожий на отца, внимательно слушает... У моста Металлургов они расстаются: отец идет к проходной старого завода имени Куйбышева, сын направляется к домнам нового металлургического завода имени Ленина.

Жизнь семьи Деменевых радовала своим счастливым течением. Молодой обер-мастер получил назначение на самостоятельную работу в Новокузнецк, на Западно-Сибирский металлургический, дети и внуки успешно учились, росли. По праздникам, как всегда, вся семья встречалась в старом доме на Гальянке...

И вдруг пришла в Тагил из Сибири печальная весть — Александр трагически погиб при исполнении служебных обязанностей... Сумрачно стало в доме Деменевых. Сдал, постарел Семен Петрович, а вскоре вышел на пенсию.

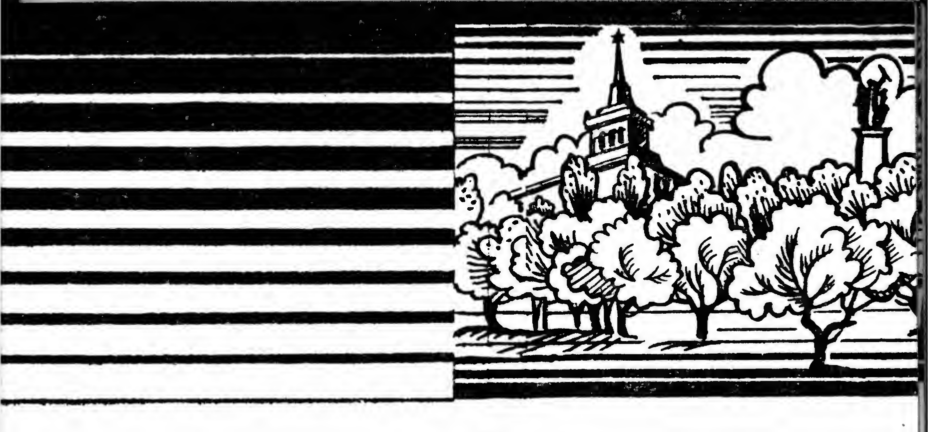
С тех пор прошло уже несколько лет, и память об Александре живет не только в печальных воспоминаниях. Жизнь продолжается. На место старшего брата пришел на Тагильский металлургический комбинат самый младший Деменев — Петр. Он закончил одиннадцать классов средней школы и работает оператором в новом термическом отделении комбината. И по примеру Александра обязательно станет инженером. А сестра Александра — Алевтина — пошла на старый тагильский завод имени Куйбышева, где всю жизнь проработал отец. Она — тоже металлург-оператор.

И как много лет назад, той же дорогой, которой шли, бывало, отец и сын, идут на работу брат и сестра Деменевы. У моста Металлургов они расстаются: Алевтина идет к проходной старого завода имени Куйбышева, Петр направляется к домнам и мартенам Новотагильского.

А из Новокузнецка пишут, что дочь Александра (внучка Семена Петровича) поступила на металлургический факультет, а сын его Саша (дед с гордостью и надеждой величает его: Александр Александрович) успешно учится в школе и мечтает стать металлургом.

Жизнь продолжается...

1949—1971 гг.

«Цветет черемуха в Софии!»

Мы помнили ее длинноногой школьницей, знали студенткой нашего университета, горячей любительницей русской, славянской литературы, песни, музыки. Алоис Ирасек и Христо Ботев, Божена Немцова и Иван Вазов, Петко Стайнов и Антонин Дворжак и, конечно же, Пушкин и Чайковский были ее кумирами. О них она могла говорить неустанно, читать на память отрывки из их произведений, в любой обстановке — к месту и не к месту — напевать их мелодии.

Люда Молодцова была из плеяды тех русских девушек, которые пусть даже не одарены большой красотой, но их обаяние так лучисто, что беседа с ними всегда приятна, само их присутствие радует.

Лучшим другом ее был студент политехнического института, будущий архитектор Тодор Пейков — худощавый и широкоплечий молодой болгарин из Тырново. Все знали, что Люда и Тодор любят друг друга, что, закончив учебу, они поженятся и уедут в Болгарию. В этом не было ничего необычного — девушки нашего города, случалось, выходили замуж за студентов из братских стран — венгров, чехов, болгар. Они уезжали со своими мужьями и вскоре звали к себе в гости родных в Софию, Будапешт, Прагу.

Уехала и Люда Молодцова, и время от времени до-

водилось слышать о ней добрые вести: преподает в Софийском университете, переводит книги своих любимых болгарских писателей на русский язык, растит уже второго ребенка, дети ее говорят и читают по-болгарски и по-русски. Тодор строит жилой массив. Живут счастливо.

Нужно ли говорить, что, едва мы прибыли в Софию, совершив длинный путь автобусом от берегов Дуная, Люда примчалась к нам в гостиницу. Сотни вопросов и ответов о Родине и родных, о Софии, о том, как растут детишки, и нескрываемая радость по поводу приятной для всех встречи вдали от Родины. Люда мало изменилась. Лишь странный акцент в русской речи выдавал уже длительную ее жизнь вне России, да, пожалуй, первые борозды морщин... Но стоит ли замечать их!

Вечером мы бродили с Людой по зеленым улицам и бульварам Софии. Неяркий свет фонарей пробивался сквозь густую листву лип и каштанов, причудливо, бликами, освещая встречных, создавая трепетную мозаику на тротуарах. София благоухала, как необъятный сад, и дом, где живет семья Люды, также окружала роща старых и молодых деревьев. Здесь ждали нас архитектор Тодор — муж Люды, его старый отец — рабочий-металлург, приехавший в гости с Кремиковского комбината, братья Тодора, друзья, подруги Люды, знакомые. Детей дома не было: они вместе с детским садом жили на даче, у подножия Витоши.

Почти все говорили по-русски, да и без того язык Болгарии понятен нам. Все дышало здесь уверенным счастьем, всех интересовала работа друг друга: архитекторы спорили о стихах Пеню Пенева, поэта, Димитровского лауреата Валерия Петрова, о новых стихах советских поэтов. Люда и ее русские и болгарские подруги-филологи живо рассуждали об архитектуре строящегося города Торговиште, в создании которого участвовал Тодор.

Рассматривали фотографии простых изящных зданий, хвалили их, а Тодор говорил о Советском Союзе, где он учился, о «добрых» кварталах (так называл их Тодор) Москвы, Дубны, городов-спутников, Киева. Все обращались к Люде и, смеясь, называли ее «доброй феей» Тодора, а кто-то предложил шуточный тост «за

виновницу проникновения советских влияний в болгарскую архитектуру».

Строго-справедливая с детских лет Люда запротестовала. И когда она, поднявшись, заговорила, мы узнавали ее еще больше, нашу школьницу и студентку, всегда любившую прояснить все «до конца». И, конечно же, Люда сейчас выразит свою мысль стихами. Так и случилось.

— Вместо всяких ответных слов я прочту вам, драги приятели, стихотворение Симонова «Любовь»,— сказала Люда, и гости дружно и шумно одобрили хозяйку.

Случается, в стране другой
Среди людей сидишь, как свой,
Неважно — ты или другой,—
Сидишь, до слез им дорогой
За то, что ты — не просто ты —
Есть люди лучше и умней,—
За то, что есть в тебе черты
Далекой родины твоей...

Люда читала медленно, чтобы донести смысл слов, читала искренне, как всегда, стремясь чужими стихами выразить свои мысли и думы. И гости хорошо понимали нашу Люду, ее волнение заражало.

И будто вся твоя страна
В гостях в их комнате сидит...
Себе не вздумай, не присвой
Всей силы этих чувств людских,
Знай твердо, что виновник их
Не ты — народ великий твой...

Поздним вечером, когда гости разошлись и уютная небольшая квартира Люды и Тодора стала вдруг просторной, мы увидели в вазе у раскрытого в сад окна не замеченную раньше большую кисть черемухи с сухими, уже черно-красными ягодами.

— Уральская,— обрадовались мы.

— Нет! Это маленькое софийское открытие Люды,— улыбаясь, ответил Тодор.— Но сама она лучше расскажет об этом.

В рассказе Люды не было ничего особенного, но он взволновал нас какой-то затаенной грустью, чистой и негасимой тоской по Родине. В ней, в этой тоске, не было гнетущей печали — так грустят о матери род-

ной, каким бы счастьем ни был окружен человек вдали от нее.

— В воскресенье мы любим всей семьей выезжать в лесопарк на горе Витоша, неподалеку от Софии,— начала Люда, удобно усевшись на низкий длинный диван.— Это чудесное место — вам обязательно нужно побывать там. И, конечно, не только у «Белой воды» и «Старческих полян» — непременно поднимитесь до «Золотых мостов»! Мы с девочками особенно любим сидеть у этого грандиозного каменного потока — там так красиво и так много цветов. И вот представьте себе мою радость! В один из дней, гуляя с детьми среди кустов и рощ Витоши, я вдруг увидела высокий куст рябины! Я касалась гладкой серой коры рябины, как будто пожимала руки друга. Зубчатые грубоватые листья казались мне вестью с далекой родины, а ярко-красные ягоды... Я долго не сводила с них глаз, вспоминала детство, юность...

Нагруженные ветками, мы вернулись в город, и весь вечер дети прыгали вокруг вазы с пурпурной кистью, и я учила их петь нашу «Уральскую рябинушку».

Назавтра пришла ко мне подружка-землячка Маша, тоже живущая в Софии, с мужем-горняком. Мы порадовались рябине, вспоминали Волгу и Урал и помечтали о том, как было бы хорошо, если бы здесь росла и черемуха.

— А может, и растет, а мы не знаем,— неуверенно сказала Маша и тут же, загоревшись, стала звонить всем знакомым болгарам.

Маша, кажется, единственная из всех наших русских друзей, живущих в Софии, так и не смогла как следует освоить болгарский язык, но тем не менее не стеснялась этого и энергично вступала в любые разговоры. Болгарские друзья любили Машу и всегда приходили ей на помощь, весело помогая выпутаться из трудной фразы. Люда, смеясь, передала в лицах Машины телефонные разговоры о черемухе.

— Добр ден, другарю Цеянчев! Привет! Это Маша! Заповядайте, будте ласкови, може би ты София бяла черемуха?

— Да-да, черемуха, че-ре-му-ха! — сердясь, переходила она совсем на русский, отвечая на недоумен-

ный вопрос на другом конце провода.— Моля ви! Пожалуйста! Есть ли, растет ли здесь... тук, близо, наоколо, черемуха? Разбирате ли ме?.. Понимаете вы меня?

Друзья-горняки, не большие знатоки флоры, отвечали, что понимать Машу — понимают, но черемухи никогда в Софии как будто не видели.

— Сами будем искать! — безапелляционно решила Маша.— Нашлась же рябина.

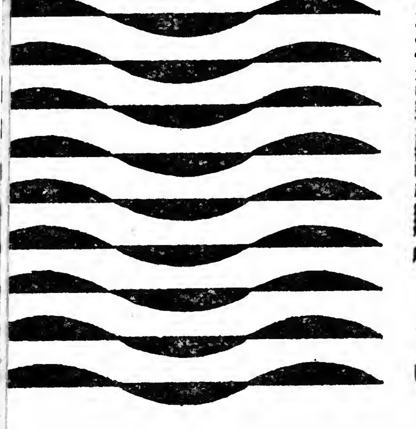
И мы с подругой в свободное время стали рыскать по всем паркам Софии — искать черемуху. Тщательно исследовали все кусты на бульваре Русском, в районе зоосада, на стадионах, методически (разумеется, мето́ду поисков разработала Маша) исследовали мы огромный лесопарк на Витоше. Мы ездили туда и автобусом через село Драгалевцы, и трамваем — через Княжево, добрались до самых «Черни врых» и еще дальше — на зеленую гору Люлин... Черемухи мы так и не нашли.

И, как это всегда бывает в таких случаях, мы забыли в своих поисках лишь об одном софийском парке — о парке Свободы, что у самого нашего дома, в центре города. И представьте, в один, как говорят, прекрасный вечер (а вечера здесь действительно чудесные!) возвращалась я с работы, как обычно, по аллее парка Свободы и вдруг замерла на ходу... Может, это чудится мне? Дурманящий густой запах черемухи! Здесь — рядом! Кинулась на запах — и — надо же — не куст, а большое дерево черемухи в цвету! Тогда оно показалось мне выше липы. Волнуясь и радуясь, сорвала я белую кисть и шла, не видя ничего, уткнувшись лицом в неповторимо родные цветы. Пришла домой, поставила черемуху в воду и долго сидела, глядя на ее белый цвет, а потом, как тогда Маша, над которой посмеивалась, сама начала поспешно звонить всем софийским знакомым и с торжеством, как будто это я сотворила чудо, говорила:

— Цветет черемуха в Софии, драги приятели! Цветет в самом центре белым цветом!

— Отныне,— улыбаясь, закончила свой рассказ Люда,— отныне, как видите, цветы рябины и черемухи не переводятся в нашем доме.

1963—1970 гг.

Прометей из древнего Полоцка

— Перед вами стариннейший печатный станок с русским шрифтом. Говорят, это есть станок из первой русской друкарни в Праге шестнадцатого века. Создал ее доктор медицины Франциск Скорина из Полоцка, что на Белой Руси, в 1517 году...

Наш гид по старой Праге, седая подвижная старушка Мария Карловна, произнесла все это заученной скороговоркой и быстро засеменила к другим экспонатам в огромном зале знаменитой еще с двенадцатого века библиотеки бывшего Страговского монастыря.

Но тут запротестовали даже самые смирные из нас. Мы были покорны, когда почти бегом пронеслись за старушкой по древним дворцам и соборам Пражского кремля, когда, почти не останавливаясь, прошли мимо изумительных дворцов Лоретанской площади и едва скользнули взглядом по госпиталю, где, по преданию, симулировал бравый солдат Швейк. Разумеется, мы сразу же решили, что позже придем сюда сами и всюду походим не спеша. Но доведется ли нам побывать еще раз в монастыре? И как можно равнодушно пройти мимо такой реликвии?

Древнейший печатный станок с русским шрифтом в Праге? Русская типография 1517 года? Почти за полвека до издания первой печатной русской книги в

России? А доктор медицины — первопечатник русских книг Франциск Скорина из Белоруссии? Сколько волнующих вопросов!

Мы настойчиво хотели получить на них ответы, и наша Мария Карловна, улыбаясь и разводя руками, побежала за «самым лучшим» консультантом: оказывается, ей попросту надоели туристы-верхогляды, а искренняя любознательность советских друзей порадовала старушку, влюбленную в памятники Праги.

В ожидании консультанта мы столпились у древнего печатного станка, рассматривали книги, одну интереснее другой — огромные фолианты с орнаментами и гравюрами и первые «книги для пения» с четырьмя нотными линиями, молитвенники и «колдовские книги», и самые ранние первопечатные издания. И среди них — древнейшие русские книги — творения Скорины, может быть печатавшиеся здесь, на этом самом станке, 450 лет назад.

Консультантом, которого мы ждали, оказалась высокая молодая блондинка в сером платье-халате с легкомысленной воздушной косынкой на самой макушке. Научная сотрудница Пражского музея национальной письменности, она начала разговор с того, что представилась сама и представила (почему-то покраснев) своего «уважаемого русского коллегу» — аспиранта из Ленинграда, Виктора Ефимовича. Пришедший вместе с чешской девушкой наш земляк — худощавый окающий волжанин в белой рубашке с короткими рукавами, такой же молодой, улыбаясь, объявил, что его «научный руководитель — товарищ Милослава» сможет ответить на все наши вопросы по истории книгопечатания, что же касается Скорины («подлинное имя которого не Франциск, а Георгий — запомните это для начала!»), то кое-что расскажет нам сам Виктор Ефимович. Милослава добавила, что она лично и ее русский коллега весьма рады, что нас все это интересует.

Завязалась оживленная беседа, и, чтобы не мешать другим, Милослава предложила выйти во двор, в парк.

— Райский двор — его имя,— смущаясь своего акцента (на самом деле очень милого и приятного), сказала она.— Тут в парке действительно очень прекрасно и неповторный вид на нашу Прагу.

В старинном монастырском дворике нас окружали строения разных веков, невдалеке врезались в светлое небо легкие остроконечные, как пики, шпили чешского града. Мы слушали рассказ о русском Прометее, с потрясающим мужеством зажегшем в шестнадцатом веке факел знания, и нам виделись в тумане времени приземистые крепостные башни древнего белорусского города Полоцка, из ворот которого уходил в мир сын местного купца Луки Скорины — Георгий.

То были бурные годы человеческой истории. Зарево эпохи Возрождения разгоняло мглу средневековья, время великих преобразований порождало людей сильных, страстных, целеустремленных и разносторонних, людей смелой мысли и героического действия, путешественников, математиков, художников, астрономов. С блеском проявляли они свой гений во всех отраслях знаний и самозабвенно шли на смерть во имя бессмертных идей света и прогресса...

Мы с детства познаем их славные имена, но очень ограниченно. Эпоха Возрождения — это для многих в основном Италия, это — талантливейшие сыновья Флоренции, Рима... Но вот рядом с ними мы видим молодого парня из далекой Руси, простолюдина из безвестного Полоцка. Как подлинный сын Возрождения, он в совершенстве овладевает многими языками и многими науками, и достойно, как равный среди равных, творит он среди современников Леонардо да Винчи и Микельанджело в Италии, живет в Кракове, Праге, Киеве, Падуе, Венеции, Вильно, встречается с Коперником, Томасом Мюнцером, Мартином Лютером, бесстрашно отстаивает свои убеждения, одинаково смело действуя словом, пером, а когда нужно, и шпагой. Жизнь его полна больших переживаний и горестей, блистательных успехов и мрачных неудач, рыцарски верной любви и невероятных приключений, бесчисленных путешествий и скитаний по многим странам. Но в отличие от авантюристов тех лет, искателей легкой наживы, он бескорыстно и беззаветно служит одной идее, преследует одну благородную цель — дать народам Руси печатное слово разума, знаний... Этой цели посвятил он всю свою жизнь.

И здесь, в Праге, где более четырех веков назад свершил свой самый великий подвиг Георгий Скорина,

с градчанских холмов у древнейшего Страговского монастыря, также связанного с именем и делами доктора Скорины — «сына Луки из Полоцка», мы пытаемся представить себе хотя бы основные вехи его беспримерной жизни.

...Шуршат тихие ветры с Влтавы над старыми стенами, темно-зеленый плющ прижался к пористым камням кладки двенадцатого века, а за воротами бывшего монастыря раскинулся самый современный и один из крупнейших в мире Страговский стадион чехословацкой столицы. Волнами перекатывается в парк веселый гул, но мы не слышим его, зачарованные рассказом Виктора Ефимовича.

Мы видим окруженный башенной крепостью древний Полоцк... рассветные лучи шестнадцатого века проникают и за его крепкие стены, и купеческий сын Георгий Скорина настороженно вглядывается в большой мир. Юноша-подросток, обученный грамоте, знающий латынь, он свободолюбив, нетерпим к гнету и не раз вступает в ссоры с соглядатаями и стражниками воеводы. Спасаясь бегством от угрозы заточения, Георгий Скорина покидает родной город, сохранив в сердце своем любовь к простым людям и ненависть к их поработителям, к злобному, гнетущему невежеству.

Много дорог исходил юноша, пока попал, наконец, в Краков с цепкой думой — учиться. В католическом краковском университете нарекают Георгия Франциском. Но Георгий равнодушен к этому акту. Он живет наукой, и скоро ему подвластны уже все «семь свободных искусств», составлявших программу университета: грамматика, риторика, логика, арифметика, астрономия, геометрия, музыка...

Путь к знаниям идет через ядовитый туман религиозных догм, каждый шаг вперед свершается в жестокой борьбе, и уже с университетских лет Скорина наживает себе смертельных врагов в стане церковников и титулованных мракобесов. Они будут преследовать его всю жизнь. Но еще больше у него друзей. Рождается и крепнет его мечта: дать народу книгу — светоч знания и свободомыслия.

Крылья крепнут в полете... Вот мы видим его уже в Киеве, он продолжает копить знания, приобщаясь к богатой культуре Киевской Руси. И снова в путь.

Скорина совершенствуется в знаменитом чешском университете в Праге, с письмом великого Коперника достигает белорусский хлопец и далекой Италии. Он в прославленном Падуанском университете. В двадцать пять лет Скорина блестяще закончил здесь медицинскую коллегию и, как гласят старые летописи, «первым из восточных славян получил звание доктора в науках медицинских...»

Доктор Франциск из Полоцка — в сказочной Венеции, перед ним — слава, богатство. Но Георгий Скорина не для того устремился к знаниям! «Не только для себя рождаемся мы на свет, но наиболее — для служения общему благу»,— так говорит он друзьям, так напишет он позже в предисловии к одной из своих книг... И из солнечной Италии через всю Европу свершает он длинный и трудный, полный лишений и приключений путь в холодную заболоченную Беларусь — в родной Полоцк. В думах своих он видит себя уже и в Москве.

Тепло встречают Георгия друзья, и он раскрывает им свой замысел о книге для народа. Но их мало, до боли мало, друзей Скорины. А власть имущим ненавистен холопский доктор, увенчанный европейскими дипломами. Само его пребывание в Полоцке опасно. Козни, преследования, угрозы отравляют жизнь, а средств для создания типографии нет, и ждать их неоткуда. А кольцо злобных врагов смыкается, угрожая самой жизни Георгия Скорины!

И он снова, как много лет назад, вынужден тайно покинуть родной город. Но теперь Скорина твердо знает, что делать. То, что не удалось свершить на родине, сотворит он в вольном городе Праге, знакомой и близкой его сердцу славянской столице, где найдет он друзей и единомышленников. Да и сам он теперь силен, как бог!..

Я слушал рассказ Виктора Ефимовича и почему-то подумал о... Герцене. Через три века со времени отъезда Скорины из Полоцка в Прагу Герцен повторит его подвиг, воплотит его идею о вольном печатном слове, проникающем на Русь из-за рубежа, если нельзя печатать его в самой России.

Перекличка веков особенно ощутима здесь, в Праге. По этим камням пять столетий назад шагал молодой Георгий Скорина, недалеко отсюда, где-то в Старом Месте, основал он свою историческую друкарню, выпуская в свет первые книги для Руси. Самая ранняя из них вышла в августе 1517 года!.. «Я, Франтишек, Скорынин сын, из Полоцка, в лекарских науках доктор, повелел сию Псалтырь тиснуть русскими буквами и славянским языком».

То была первая библия на языке Руси. Она была богато иллюстрирована. Среди иллюстраций есть и гравюра самого Скорины.

— Я взял с собой репродукцию этой гравюры. Смотрите! — Виктор Ефимович бережно поднял в вытянутой руке портрет Георгия Скорины.— Больше четырех веков из книги в книгу переходит эта гравюра, ее знают книголюбы во всех странах мира.

Художник — современник Скорины — изобразил его за книгой и в окружении книг. Скорбное лицо, мужественное и умное, взгляд устремлен вдаль, в будущее. Что хотел увидеть в нем полоцкий простолюдин в докторской мантии?

Книгу за книгой посылает в мир Георгий Скорина.

«Людям посполитым к доброму научению» — с таким посвящением шли они на Русь, для «своей братии Руси» из далекой Праги. Их насчитывалось уже 22. Словно два десятка взрывных, светящихся ядер, сокрушающих мглу невежества.

Но недруги настигли Скорину и в вольной Праге. По велению тех, кто хотел держать народ в темноте, его друкарня была разгромлена немецкими ландскнехтами, сам он вынужден был взяться за кинжал и пал смертельно раненный...

Прошли годы, и мы встречаем чудом воскресшего доктора Скорину, теперь уже в Вильно. Он и здесь создает типографию и печатает книги — одну за другой. Но неприязнь тех, кому ненавистна деятельность Скорины, как черная тень, неотступно преследует его. И особую ярость вызывает весть о том, что Скорина приступает к созданию невиданной еще книги, которую сам же сочиняет,— совершенно светской «Подорожной книги», раскрывающей людям окно в мир из душных застенков церковных догм.

И Скорина оказывается в темнице, его друкарня сожжена по наущению барона Рейхенберга, уничтожен титанический труд многих лет.

Но, и скованный, Прометей не сдается. Скорина вырывается на волю и снова берется за создание типографии...

«Не зло связывает людей в сердцах их, а добро и разум, знанием освещенный»,— провозглашает он в шестнадцатом веке, и голос его звучит столетия...

Полные впечатлений и дум, мы шли по улицам и площадям Праги, по аллеям воспетых поэтами широколиственных каштанов. Вглядывались в каждый дом, овеянный дыханием истории, всматривались в открытые лица встречных — наших современников и наших друзей.

На одной из центральных площадей издалека звала к себе огромная витрина магазина «Советская книга». Десятки прекрасных изданий на чешском и русском языках радовали глаз, их хотелось взять в руки, рассматривать, читать неотрывно. И с волнением подумалось о том, как замечательна диалектика истории: почти пять веков назад Георгий Скорина послал на Русь из старой Праги первые русские книги. Ныне советская книга пришла в Прагу другом и добрым советчиком.

1962 г.

Урок человеческого достоинства

Чудесно лето в Западной Чехии! Живописная темно-зеленая лесная дорога окаймляется то ярко-желтой поляной горчицы, то молодой сосновой рощей. Вдруг открывается индустриальный пейзаж шахтерского Кладно с пирамидами терриконов, рудничными постройками с красными звездами на копрах, заводскими трубами и уютными чистыми улицами с невысокими домами разной окраски, окруженными садами. И снова зелено-желтая равнина, и прямая, как лезвие шпаги, дорога пробивает бесконечный коридор среди зеленеющего на подпорах хмеля.

Вдали невысокая горная гряда, за нею — Карловы Вары.

Весь путь в Карловы Вары мы вспоминали, что слышали и читали об этом знаменитом городе-курорте. Здесь бывали Бах и Бетховен, Чайковский и Шопен, Моцарт и Паганини, Гоголь и Тургенев, Карл Маркс и Горький... Карлсбад (так в старые времена именовали Карловы Вары) упоминается и во многих романах, в исторических хрониках, в жизнеописаниях всяческих князей, графов и баронов, не столько лечившихся здесь, сколько прожигавших жизнь в местных казино и на модных великосветских балах.

Ныне Карловы Вары — народный курорт социали-

стической Чехословакии. В этом можно было убедиться, не выходя из автобуса. С путевками на лечение направлялись наши попутчики — молодой Франтишек Полак, шофер автобазы из Брно, сталевар из Раковника Карел Земан и Антонин Вашак — мастер из Бероуна, врач из Лейпцига и бригадир-строитель из далекого уральского городка Кушвы.

В рачительных руках народа-хозяина не только не угасла, а еще более расцвела мировая слава курорта. И, как и прежде, едут сюда разные люди из разных стран, и не только по путевкам профсоюзов — немало приезжает в Карловы Вары богатеев и дельцов-капиталистов. Что ж, это выгодно: пусть оставляют свои доллары и фунты — места в Карловых Варах хватает, а знаменитый неиссякаемый источник «Бржидло» подает десятки тысяч литров целебной воды в сутки.

Но сосуществование на курортном пятачке людей разных миров создает нередко курьезные ситуации.

Наш рассказ о том, как токарь пражского автозавода встретился в Карловых Варах с американским автомобильным королем Фордом и другими миллионерами из США и преподал им наглядный урок человеческого достоинства. Поведал нам об этой истории старый художник из Праги, с которым мы года два назад подружились на золотых песках болгарской Варны.

Историю эту я постараюсь изложить так, как передал ее чешский художник.

Мы сидели в тени колоннады чехословацко-советской дружбы. Вокруг лениво, как воды здешней речушки Теплой, текла курортная жизнь. Был, видимо, час покоя, и лишь редкие одиночки приходили к источнику. У каждого в руках приобретенный здесь традиционный плоский фарфоровый поильник с узким горлышком. С его помощью и совершалось таинство очищения и лечения.

— Я помню Карлсбад в прежние времена,— начал свой рассказ старый художник.— Изредка я бывал здесь и всегда чувствовал себя, как это говорят у вас в России, «не в своей посуде»... Да? Я не жил в жалкой благотворительной лечебнице для бедных, которых лицемерные благодетели заставляли ходить к источнику с издевательской дощечкой на груди: «Бес-

платно». Но и без этого разжиревшее, сверкающее бриллиантами общество «великого и пустого света» находило сотни возможностей, чтобы на каждом шагу попирать, унижать человеческое достоинство простых людей, приезжавших сюда лечиться. Все лучшие отели, парки, прекраснейшие уголки природы были предоставлены тем, кто мог много платить; музыку на концертах мы могли слушать только за их спинами: лучшие места в партере, лучшие ложи нам были недоступны. И как гнусно умели они отравлять концерты в карлсбадских парках! Мы все вынуждены были стоять подальше от эстрады, в то время как лакеи усаживали в принесенные из отелей кресла титулованных бездельников и их любовниц. И мелодии Моцарта и Глюка нередко заглушались глупым смехом и хлопаньем пробок. Кулаки сжимались у нас от гнева, но что могли мы поделать! Они были здесь хозяевами, на нашей наипрекраснейшей земле. Они платили за все и покупали все, что хотели, в том мире, где все продавалось. Но еще больнее было видеть, как отравляет атмосфера тления, как подобострастно встречают и провожают «именитых больных» не только лакеи, но и кое-кто из врачей и сестер, как с нескрываемым благоговением перед богатством расступаются перед ними люди не только на улицах и аллеях парков, но даже у колоннады с источниками целебных вод.

Сцены эти были так отвратительны, что мы с друзьями старались как можно реже появляться на центральных пятачках Карлсбада, уходили в лес, в горы. Излюбленным местом нашего отдыха была сосновая роща на окраине курортного городка, у памятника Бетховену, близ отеля «Ричмонд». Почти рядом находился памятник Мицкевичу, недалеко — памятник нашему Сметане...

Во весь голос читали мы здесь стихи о свободе, гневно клеймили убожество и тупость власть имущих. Нашим кумиром был Бетховен, и, может быть, не столько за его изумительную музыку (тогда мы еще мало ее знали), сколько за свободолюбие, за его смелое пренебрежение чинами и званиями самых высоких рангов. Мы знали, что именно здесь, в этих курортных местах, в соседнем Теплице, где собиралась

самая великосветская знать, Бетховен дал урок человеческого достоинства не кому-либо, а самому Гете, которого полушутя, полусерьезно он именовал «Ваше превосходительство», ибо Гете, как известно, при всей своей гениальности не чуждался чинов при маленьком веймарском дворе.

Почти у каждого из нас хранилась репродукция с нашумевшей картины Ромлинга «Бетховен и Гете в Теплице в 1812 году»: в то время как Гете, сняв шляпу, стоит склонившись перед идущей по парку императорской фамилией, Бетховен, заложив руки за спину, презрительно ринувшись вперед, не снимая шляпы, гордо проходит сквозь строй князей и герцогов.

Мы были убеждены («я и сейчас уверен в этом!» — воскликнул тут старый художник), что Бетховен на памятнике у «Ричмонда» запечатлен именно в тот момент. Таким видится он мне в тот час великого и мужественного единоборства. Вот Бетховен нагнул голову, как бы для боя, весь устремился вперед, пружинясь, и кажется, сейчас он сойдет с пьедестала и разгонит великосветскую камарилью, засорившую карловарские парки...

И мы мстили им именем Бетховена, его словами. Каждый день в то давнее лето у памятника появлялась написанная красными чернилами наивная листовка — отрывок из письма Бетховена. Я столько раз читал и перечитывал его, что и сейчас помню на память, наверное, дословно.— Полузакрыв глаза, старый художник слегка дребезжащим голосом стал читать:

«Короли и князья могут создавать профессоров и тайных советников, могут осыпать их титулами и орденами; но они не могут создавать великих людей, создавать души, которые возвышались бы над житейским навозом... И когда вместе находятся два таких человека, как я и Гете, эти господа должны чувствовать наше величие. Вчера, возвращаясь домой, мы встретили на пути всю императорскую фамилию. Мы издали увидали ее. Гете бросил мою руку, чтобы стать на краю дороги. Несмотря на все мои уговоры, я не мог заставить его сделать хотя бы шаг вперед. Тогда я надвинул шляпу на голову, застегнул сюртук и, заложив руки за спину, врезался в самую гущу толпы. Принцы и царедворцы выстроились в шеренгу: гер-

цог Рудольф снял передо мною шляпу; императрица первая поклонилась мне... В виде развлечения я смотрел, как шествие продефилировало мимо Гете. Он стоял на краю дороги, низко склонившись со шляпой в руке. Потом я задал ему головомойку, не пощадил его...»

То было здесь, в этих местах, много десятков лет назад.

— Я долго рассказываю, простите,— улыбнулся художник, как бы возвращаясь к нам из дальних краев воспоминаний.— Но то все — «перед сказкой», — так, кажется, говорят по-русски... А сказка, то есть самая сердцевина моей истории,— впереди, сейчас будет. Послушайте.— Он замолчал, пристально оглядывая все вокруг.

— Через много лет я впервые при народной власти снова здесь. Тут уже явно не буржуазный Карлсбад, а наши чешские Карловы Вары. Но меня радуют и волнуют не только внешние перемены. Я смотрю на наших людей. Какими они стали! Как расправили плечи! Исчезло былое подобострастие одних перед другими, все чувствуют себя равными, хозяевами, будто приехали на свою пригородную дачу. Кажется, сам воздух стал чище... Я люблю встречать тут, у колоннады, разных людей, молодых и старых, беседовать с ними, знакомиться то со сталеваром из Остравы, то со студентом-поэтом из Кошице, то с седым пенсионером, героем словацкого восстания из Банска Быстрицы, то с инженерами из Брно и, разумеется, с нашими гостями из советской страны, из Демократической Германии, Народной Польши. Не счесть моих друзей, приобретенных в Карловых Варах! Они — лучшее лекарство от всех болезней! Советую и вам...

Я люблю приходить и к памятнику Бетховену. И именно здесь — начало той самой истории, которую хочу вам поведать. Мы подходим к ней медленно, пробираясь через кусты воспоминаний. Помалу, как говорят у нас, но допреду. Медленно, но вперед...

В один из дней я встретил у памятника человека, который заинтересовал меня. Он стоял на том месте, которое я считал уже «своим», и внимательно разглядывал памятник. Лицо его с крупными чертами, широким выпуклым лбом и нависшими на глаза над-

бровными дугами было грубоватым, темным от загара, подчеркнутого густым роем следов давней оспы. Шевелюра черных, осыпанных пылью седины волос явно не привыкла к шляпе. Но, поразительное дело, большие серые глаза этого крепкого коренастого человека в белой рубашке с открытым воротом излучали такое уверенное спокойствие, что лицо его будто освещалось изнутри, как на картинах Корреджо.

— Добру ден! Будте здрав! — приветствовал он меня, словно старого знакомого, крепко пожимая руку и широким жестом приглашая в тень. И я, давно облюбовавший это место «для себя», ощутил, что пришел истинный хозяин. Мы разговорились. Богумил Гоулек оказался моим земляком — токарем пражского автомобильного завода. За плечами его — большой жизненный путь. Годы подневольного труда, муки фашистского концлагеря... Гоулеку за пятьдесят, но он несокрушим, как крепкий кедр, и уверен, что, поскольку до недавних лет жизни ему не было, он только теперь начинает ее ощущать в полной мере. Гоулек учится в вечерней школе взрослых, посещает с двенадцатилетним внуком воскресные симфонические концерты, охотно ходит на лекции о происхождении Вселенной и выписывает все журналы по автомобильной технике. Он слушал недавно Девятую симфонию Бетховена и теперь, сидя у памятника, внимательно вглядывается в ее творца, просит меня рассказать о нем.

История с Бетховеном и Гете потрясла Гоулека. Он вскочил на ноги, вплотную подошел к памятнику, казалось, хотел пожать Бетховену руку.

Солнце клонилось к горам, и мы медленно и молча шли по тропе Бетховена среди скрипящих от вершинного ветра мачтовых сосен. Косые лучи, словно длинные пальцы по клавишам, скользили по стволам деревьев, и тропа Бетховена звучала — мы слышали это оба! Я, старый художник из Праги, и Богумил Гоулек — старый пражский рабочий. Вы можете о том спросить его сами...

С тех пор мы стали друзьями, встречались ежедневно у колоннады и, свершив несложные процедуры с поильником, уходили в лес.

Однажды на своем обычном пути по набережной

реки Теплой, у отеля «Отава», мы увидели большое скопление народа. «Не случилось ли чего?» Оказалось, на набережной прогуливался Форд, тот самый, настоящий американский Форд — автомобильный «король», приехавший на лечение в Карловы Вары. Ничем не примечательный господин, благообразный, с проседью, как преуспевающий клерк, он важно вышагивал с женой и собачкой, а невдалеке, демонстрируя величие «короля», стояла его машина — длинный, как трамвай, сверкающий лаком и металлом, единственный на весь курорт огромный «форд», рекламно запечатлевший фамилию своего уникального хозяина на десятках деталей, в том числе и на невероятных размеров багажнике.

Зеваки во все глаза смотрели на заокеанскую знаменитость, и меня охватило знакомое с давних лет чувство гнева, когда на некоторых лицах я прочел плохо скрытое благоговение перед богатством. «Жива — не сгинула старая хвороба!» — думал я.

В это время к «Отаве» медленно и важно подкатила еще одна по-купечески шикарная машина — длинный «шевроле», с какими-то дополнительными сверкающими фарами. Из нее вывалился уже популярный среди курортников достойный коллега мистера Форда — мультимиллионер из Чикаго, по происхождению чех. Он некогда покинул свою родину, разбогател на спекуляциях и ныне назойливо демонстрировал землякам, «чем он был — и чем стал». То ли по глупости, то ли подвыпив, «чех-американец» вел себя, как боксер-победитель в цирке: он слал дамам воздушные поцелуи, махал жирной рукой, щелкал толстыми пальцами, и тупое лицо его лоснилось от пота.

Пройти было невозможно. Толпа зевак увеличивалась, иностранцы приветствовали своих кумиров, к ним присоединился и кое-кто из чехов, потерявших стыд и гордость. Раздались даже жидкие аплодисменты. Форд чинно поклонился, а чикагский богатей, сияя, восторженно поднял вверх обе руки.

Я не знал, что предпринять, хотя все во мне кипело. Я даже забыл, расстроившись, о своем друге. Но Гоулек сам дал о себе знать. Он подтолкнул меня вперед и процедил сквозь стиснутые зубы (я уже знал,

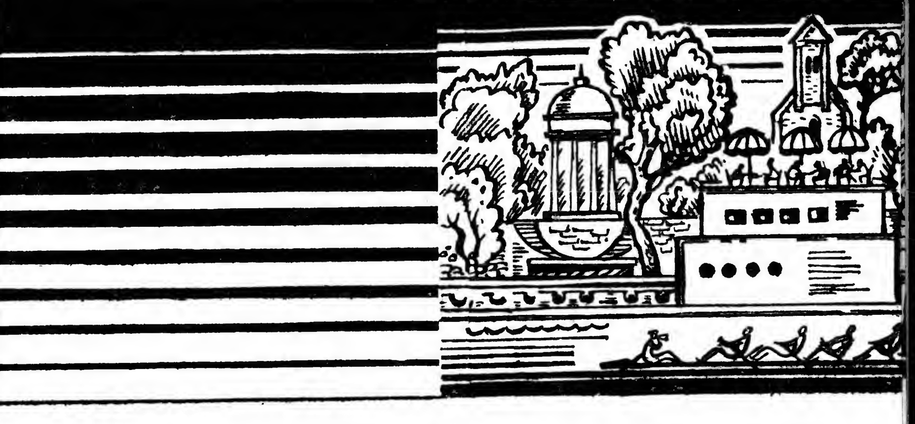
что это означало у него высшую меру гнева): «Пойдем, художник. Разгоним их... Как Бетховен...»

И, стремительно рассекая толпу, Богумил Гоулек двинулся прямо на Форда. Я едва поспевал, но шел, не отставая, плечом к плечу со своим другом. Он подошел к американскому автомобильному «королю» и негромко сказал: «Здесь люди ходят, сэр! Вы мешаете...» Форд стушевался, слегка приподнял шляпу и, натянув поводок собачки, сохраняя важность, ушел за угол. Жена, семеня в туфлях на «шпильках», поспешила за своим «королем»...

Гоулек резко повернулся к чикагскому миллионеру. Наверное, для своего заокеанского «земляка» у него нашлись бы более крепкие слова. Но тот уже сидел в лимузине, и блистательный «шевроле», право же, напоминал в эту минуту павлина с поджатым хвостом.

Богумил Гоулек, взяв меня под руку, буквально таранил редеющую толпу, гневно восклицая: «Позор вам!.. Позор и стыд!» Все молча расступались, ибо сказать им было нечего: по главной улице народного курорта шел хозяин, подлинный хозяин всей чешской земли. Как это прекрасно говорят у вас в России, Его Величество Рабочий Класс! И я был несказанно счастлив и горд тем, что мне довелось шагать с ним рука об руку.

1962 г.

Петер и Ион

Возможно, вы никогда не слышали о широком и печально известном в Венгрии «бузгаре», и тем более можете вы не знать, что такое «фланец», о котором одно время много писали румынские газеты. Но нет сомнения — вы не только все поймете в нашей короткой истории, но проникнетесь, как и мы, глубоким уважением и любовью к двум юношам — венгру Петеру Радаи и румыну Иону Стэнеску, чьи имена прославились именно в связи с бузгаром и фланцем. Случай свел их вместе, и он же помог нам узнать об этом.

Они встретились на одном из спортивных пляжей острова Маргит в Будапеште. Ион, молодой монтажник из румынской Олтении, в составе своей команды готовился к соревнованиям с подводными спортсменами Венгрии. Целые дни проводил он на Дунае или здесь, у прозрачных бассейнов Маргита. Часами не сводил Ион глаз с будапештских аквалангистов, носившихся под водой, как речные боги. Мог ли он не заметить Петера — высокого красавца, с ярко-красными ластами, стремительного в воде, как меч-рыба? Мы не знаем, как познакомились юноши, но у нас на глазах стали они друзьями, часто вместе уходили в дунайские волны, подобно двум коричневым торпедам. Они были неразлучны все дни соревнований, и после игр Ион остался гостить в семье Петера...

Тот, кто бывал в Будапеште, на всю жизнь запомнит гору Геллерт с ее монументальными реликвиями, дорогими сердцу каждого венгра и каждого советского человека, старинные улочки древнего крепостного района и сверкающие огнями проспекты, рабочие районы, сродни нашему Уралмашу или Московскому автозаводу, и прежде всего индустриальный остров Чепель — трудовое сердце венгерской столицы. Но каждый, кто хотя бы на день остановился в Будапеште, не мог не побывать на другом дунайском острове — на Маргите и, конечно, никогда не забудет его многообразную красоту. Рассказать об этом изумительном оазисе зелени, цветов, воды, веселья и тишины в самом центре шумного двухмиллионного Будапешта невозможно. Маргит нужно увидеть, медленно перейти Маргитхид — мост через Дунай, пройти по аллеям парка, вдоль огромных платанов и дубов, кронами уходящих в высокое небо, осторожно прошагать по хрупким резным мостикам Японского сада, меж крошечными деревцами этого цветущего игрушечного садика... Нужно самому услышать здесь серебряный перезвон колокольчиков и тихие старинные напевы, журчащие, словно водяные струйки. И не удивляйтесь — это в самом деле звучит вода! — в тени карликовых вишен играет водяной музыкальный ящик, он поет свои песни почти два столетия — разве можно пересказать их?.. Лабиринт густых аллей полон сюрпризов, они приведут вас то к грохочущему водопаду, то в безмолвные уголки влюбленных, то к огромному летнему театру, то к вольере с жар-птицами из племени павлинов, то к древнему замку... Но куда бы вы ни шли, на пути обязательно будет большой или малый стадион, площадки для тенниса, волейбола или крокета, открытые или крытые бассейны, купальни, корты. Остров Маргит — легендарное пристанище юной венгерской королевы — дочери короля Белы IV, властвовавшего много веков назад; остров Маргит, обретший ныне своих подлинных хозяев, называют народным царством красоты, отдохновения и музыки. Но прежде всего — это королевство спорта, излюбленное место многих международных спортивных соревнований и самых различных и порой неожиданных встреч.

И возникшая на наших глазах дружба двух молодых людей из братских стран осталась бы в нашей памяти еще одним из многих штрихов всего того доброго и хорошего, чем запомнились нам часы и дни, проведенные здесь, если бы не вечер на том же острове Маргит, неожиданно раскрывший характеры наших молодых друзей.

Мы были приглашены на праздник спортсменов по случаю окончания международных соревнований пловцов. Летний театр на Маргите походил на ярко освещенную большую яхту, да и весь иллюминированный зеленый остров с тысячами разноцветных огней, отражавшихся темной водой Дуная, казался огромным лайнером, полным веселья и музыки... Но не станем занимать время читателя описанием праздника. Вернемся к нашему рассказу.

Петер и Ион были, конечно, здесь. Как и все участники вечера — в черных строгих костюмах, в белоснежных рубашках, с галстуками в тон вечернему костюму. Но что привлекало всеобщее внимание — и у Петера и у Иона на лацкане пиджака золотился орден. Если вспомнить их совсем юный возраст, исключающий какие-либо заслуги военного времени,— это было тем более удивительно. Да кроме того, они ведь граждане разных стран... Догадкам, предположениям, спорам не было конца. Нужно ли говорить, что мы с нетерпением дожидались возможности поговорить с нашими друзьями, расспросить их.

Беседа состоялась тут же, в аллее у летнего театра, куда нам с трудом удалось на полчаса увлечь Петера и Иона, а с еще большим трудом заставить их хотя бы кое-что рассказать о себе. Наверное, удить рыб в Дунае с шумного берега Маргита было легче, чем выудить ответы на интересующие нас вопросы у двух молодых спортсменов. И если нам все же удастся довести рассказ до конца, то лишь благодаря тому, что, как всегда, тут же оказалось несколько добровольцев переводчиков-студентов, и они не только всячески побуждали скромников разговориться, но и в меру своих способностей сами сплетали их отрывочные ответы в более или менее стройное повествование.

Итак, Петер Радаи. Он настолько молод, что свой Андялфельд, близ Западного вокзала Будапешта с

самых малых лет помнит как благоустроенный рабочий район с красивыми светлыми домами на улице Мира, с Дворцом культуры, стадионом. Лишь по рассказам отца — старого инструментальщика депо — Петер с трудом может себе представить, что всего два десятилетия назад Андялфельд был темным и грязным поселком. Петер закончил школу, работает токарем в соседнем Уйпеште — на тракторном. Учится в вечернем техникуме, будет мастером, а его второе увлечение — плавание под водой. Нередко акваланг он берет с собой на завод и прямо с работы — на тренировку. Не раз он защищал уже честь Венгрии на международных встречах.

И вот в один из дней взволнованный комсорг Геза подошел к станку Петера.

— Акваланг с собой?

— Да.

— Пиши записку домой, после смены команда аквалангистов едет в Дунафалву. На несколько дней.

Спрашивать было не о чем. В те дни вся страна поднялась на борьбу с наводнением, против грозного стихийного бедствия выступили рабочие отряды и воинские части, студенты и школьники... В Дунафалве бушующая вода начинала рвать дамбу, угрожая неисчислимыми бедствиями округе. Когда было испробовано все что можно, решили вызвать и аквалангистов.

— «Ищите бузгар!» — тревожно сказали нам еще в автобусе,— вспоминает Петер.— А я и не представлял даже, что это такое... Оказалось, «бузгар» — трещина или отверстие в дамбе, которое нужно срочно обнаружить под водой и забить, заделать, любой ценой, любыми средствами закрыть дорогу воде, чтобы сохранить дамбу.

Прошло много месяцев, но и сейчас волнуется Петер, рассказывая, как он с товарищами снова и снова устремлялся в бушующие волны, как к их поясам прикрепляли тяжелый груз, чтобы внезапно образующиеся водовороты не унесли в смертельные воронки легких аквалангистов, как долгие минуты ползали они по дну реки, вдоль дамбы и как, наконец, почти задыхаясь, ему удалось обнаружить большую дыру, в которую уже ринулась струя воды.

— Бузгар, большой бузгар! — закричал Петер, всплыв на поверхность, и тут же снова устремился на дно, схватив с баржи тяжелый мешок с песком. За ним бросилась вся заводская команда аквалангистов, и каждый тащил вниз мешок песка... Битва с бузгаром под водой продолжалась больше пяти часов. На минуту всплывал на поверхность один из группы, глубоко и тяжело дышал и снова бросался в волны. Всплывал другой, а остальные ни на секунду не прекращали работу на дне Дуная. И так долгие часы, пока бузгар не был покорен.

Дамбу в Дунафалве отстояли, мужество покорило стихию, но Петер не видит во всем этом ничего особенного, а о себе лично вообще не считает нужным много говорить: «Кто-нибудь из наших ребят все равно нашел бы бузгар. Мне просто повезло...» А орденом Труда Золотой степени Петер, конечно, гордится, но и награду ведь получил не он один.

В Румынской Олтении, где живет и работает Ион Стэнеску, к счастью, не было наводнения и вообще никаких стихийных бедствий. Молодой монтажник со своей молодежной бригадой, уже завоевавшей авторитет точной и умелой работой, выполнял сложнейшее задание — монтаж установок масляной смазки мощной турбины на стройке крупнейшей в этом шахтерском крае теплоэлектроцентрали. Ион охотно и подробно говорит о своих товарищах, влюбленно рассказывает о могучей турбине, о тонкой работе монтажников-энергетиков. Разумеется, все члены бригады во главе с бригадиром учатся в вечерней школе, в техникуме. Он как будто не слышит вопроса об ордене Труда Румынии, сияющем на его темном пиджаке.

— Знания и точность — вот наш девиз! Посмотрели бы вы, как прилаживают ребята многотонные детали, как рассчитывают, мерят и перемеривают — будто не турбину монтируют, а дамские часики собирают. Именно так и требуется: на долю миллиметра ошибись — турбина, сердце электростанции, даст перебои.

Было ясно, что хитрый Ион готов всю ночь говорить о монтаже турбин, чтобы уйти от наших вопро-

сов, но с помощью венгерских друзей мы все же постепенно узнаем хотя бы самую суть того, что свершил юный бригадир вместе со своей бригадой.

Ну что ж, монтаж турбины, как обычно, шел быстро и сноровисто. Точно в срок начались испытания электростанции.

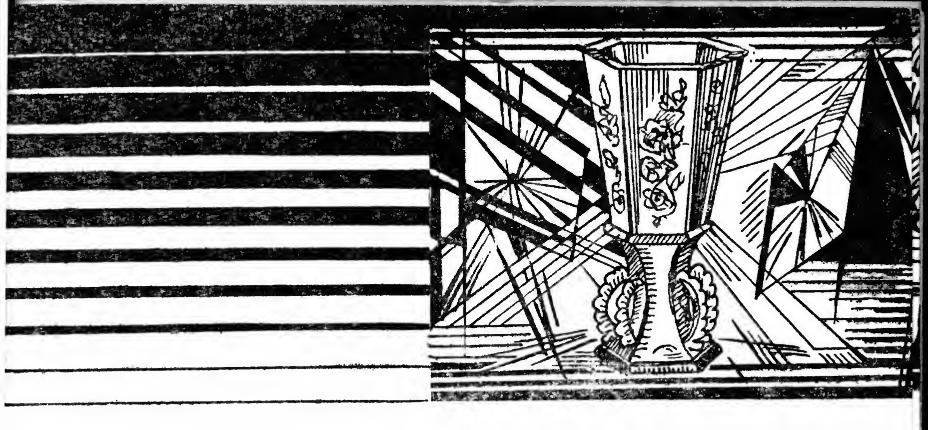
— Бинэ! Хорошо!

И вдруг — авария. Из большого бассейна перестало поступать масло в цепь. Выход один — освободить резервуар от масла и разобраться в том, что случилось. Бассейн огромный, на все работы уйдет дней двадцать. «Не бывать этому!» — сказала бригада и внесла предложение, которое сразу же было отвергнуто руководством стройки. Ребята предложили не терять времени на освобождение, а затем наполнение резервуара, а спуститься в полный маслом бассейн и быстро исправить повреждение. «Масло — не вода!» — резонно говорили старшие. «А вы и в воде не поработаете на дне,— отвечала бригада,—у нас же отличные пловцы, а Ион — мастер акваланга».

Словом, добились разрешения, правда, со многими оговорками, со строгой дозировкой пребывания в масле, с врачебным контролем и прочим. И бригада свершила необычное: Ион Стэнеску в очередь с другими пловцами из своей бригады много раз опускался на дно полного маслом бассейна более чем трехметровой глубины,— нашли причину аварии, заменили (в масле!) глухой фланец на исправный... Вместо двадцати дней аварию ликвидировали за три часа, и намного раньше срока электростанция дала энергию заводам и шахтам.

Когда Ион вот так же, спокойно и кратко, рассказал о том, что сделал он и его друзья, надолго воцарилось молчание. Ион удивленно посмотрел на всех, а мы с еще большим удивлением смотрели на хрупкую фигуру юноши, на его открытое лицо с тонкими чертами... Неужели такое возможно?! Какие вопросы нужно еще задавать?

1965 г.

«Все розы мира»

Наверное, не все знают, что у Карловых Вар, рядом с целебными источниками, струится и неиссякаемый родник мастерства создателей чудесного чешского стекла.

К нему и лежал наш путь.

Карловы Вары — это курорт и город. Мимо пышных отелей и санаторных корпусов, мимо магазинов и ресторанов дорога, поднимаясь вверх, ведет на скромные улицы обычного современного чешского городка. Автобус взбирается еще выше, и перед нами — аллея пирамидальных украинских тополей. Словно серебряный коридор, трепещущий на горном ветру. Он кончается у квадратных ворот с небольшой фиолетовой вывеской «Мозер».

Мы в гостях у рабочих знаменитой народной фирмы чешского стекла. Изумительные стеклянные изделия с маркой «Мозер» создаются здесь, в Карловых Варах, уже более ста лет, но лишь в годы народной власти труд мастеров-стеклодувов, граверов и художников стал поистине отрадным.

Сколько рассказов о тяжелом прошлом услышали мы от рабочих! Творцы хрусталя слепли у точильных станков, над которыми они, как прикованные, просиживали четырнадцать и шестнадцать часов. Уже в сорок-пятьдесят лет прославленные мастера не могли разглядеть созданных ими узоров на хрустале, и бес-

просветная нищета ждала их за воротами фабрики «Мозер». Нищета венчала и короткую жизнь стеклодувов. Мучительным был их труд. Красота стекла рождалась напряжением всех сил в закопченных цехах, в иссушающем зареве дымного пламени, в удушливых парах, разрывающих легкие...

Печальная легенда гласит о том, что багровый отблеск на старом хрустале — то цвет крови стеклодувов. Горловая чахотка была страшным уделом многих мастеров «Мозера».

Мы сидели в выставочном зале фабрики. Солнечные лучи струились, дробились, сверкали, зажигались, гасли и вспыхивали, как жгучие молнии, на гранях сотен сказочных изделий из стекла и хрусталя.

О новом в жизни создателей чудо-стекла, о светлых цехах и умных машинах и инструментах, помогающих мастерству, об ордене Труда, которым народное правительство наградило коллектив фабрики «Мозер»,— обо всем этом с гордостью говорили стеклодувы и граверы, перенявшие свое умение от отцов и дедов, рассказывали молодые мастера — выпускники Пражского художественно-промышленного втуза, техникума в Новы Боре, юноши и девушки из художественной школы в Железном Броде, из ремесленных училищ и творческих мастерских. Словно художники и поэты о своих картинах и стихах, говорили они о том, как гравируют, гранят, золотят, гелошат, протравливают, морозят стекло, как создается резьба, раскраска, мозаика стекла, как гранится, шлифуется хрусталь на радость людям...

И как бы завершая беседу, мастер Иозеф Брихт вдруг поднял на колени своего маленького внука, который до сих пор неслышно стоял за широкой спиной деда.

— Пусть Франтишек скажет гостям стих. Он уже три года учится русскому языку и может прочесть нашего Иржи Гавеля на русском. Читай, Франтишек! — Дед погладил внука по стриженой голове, подбадривая мальчика.— В устах младенца есть истина,— подмигнул старик в нашу сторону.

Франтишек читал нараспев, как читают дети во всех странах, на всех языках, читал уверенно, опираясь на плечо деда:

Мой край,
задумчивый мой тихий край...
Отец мой
был искусный стеклодув,
всю жизнь — в труде, однако сытым не был,
и видел старика за черствым хлебом
рассвет, к нему в окошко заглянув.
У матери моей
потоки слез
текли из глаз жемчужинами горя...
Но край теперь преобразился наш,
и слезы горькие былых лишений
теперь сверкают в блеске украшений,
в граненой красоте хрустальных ваз.

Франтишек передохнул, серьезно посмотрел на деда и продолжал читать. Он протягивал руки к сверкающим кубкам и вазам, и они чуть слышным звенящим эхом повторяли тихий голос мальчика:

И я хотел бы стеклодувом стать —
из хрусталя создать такую вазу,
чтобы она в себя вместила сразу
все розы мира! В хрустале таком,
чтобы они дышали. А над ними
витало б счастье вечным мотыльком!

Хрустальную вазу, о которой писал поэт, мы увидели тут же, на выставке изделий мастеров «Мозера». Казалось, она действительно была соткана из лепестков роз — так прекрасна и тонка была эта ваза!

Но виденное минуту назад затмевалось еще более изумительными творениями стеклодувов, граверов, художников «Мозера»... Хрустальное блюдо с чешской ручной шлифовкой, гравированные золотом бокалы, сервизы, радующие, как гармоничная симфония, кувшины и чаши с невиданной облицовкой, тончайшие кубки, окаймленные рисунком, легким, как серебристый полет ласточки, и вазы и корзины из хрусталя, сверкающие, как горный лед в лучах солнца... А как описать изделия из цветного стекла! Краше самых драгоценных камней, они по праву носят их гордые имена — берилл и эльдор, дымчатый топаз и розалин и легендарный александрит, загадочно меняющий свой цвет у вас на глазах.

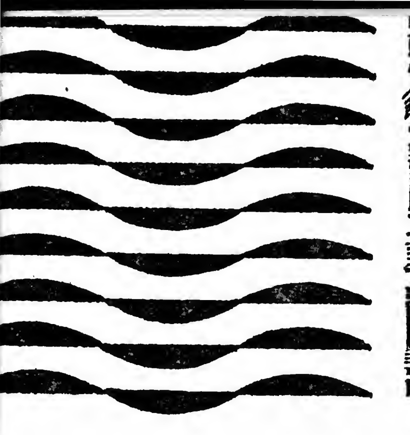
Казалось, мы видели уже все, что могут сотворить вдохновенные мастера стекла, и, перебивая друг друга,

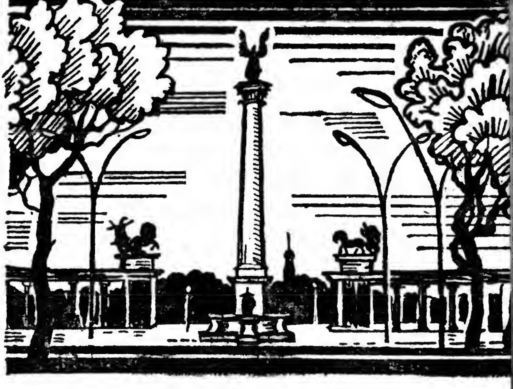
выражали свое восхищение. Но Иозеф Брихт поднял руку:

— Я покажу вам сейчас творение Дружбы! То есть хрустальный кубок — наш привет и подарок Гагарину.

Кубок действительно был прекрасен. Тончайший хрусталь, самой благородной формы, окаймленный золотым вихрем, как дымчатым следом ракеты, устремленной ввысь в лучах восходящего солнца. А в голубоватой пустоте бокала, как в бездонной глубине неба, ободок чудом отражался плавающим золотым серпом, создавая непередаваемую, действительно ни с чем не сравнимую красоту.

1962 г.

Дорога всех дорог

Давно я не слышал эту старую русскую революционную песню. У нас поют ее теперь лишь на редких комсомольских вечерах, когда глухие басы комсомольцев первого призыва сливаются со звонкими голосами юношей и девушек в едином хоре нескольких поколений революции:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

Сколько воспоминаний будят наши славные старые песни!

Но как передать те чувства, которые захватили нас, советских людей, когда знакомый и родной напев этой песни мы услышали вдруг, подъезжая к Будапешту! Ее пели молодые венгры на своем языке, юноши и девушки со старейшей спичечной фабрики, провожающие нас в город.

— Кэрэм!.. Оросул!.. Просим... Пойте с нами на русском!..

И мы подпевали венграм песню нашей молодости. Она неслась по вечернему пригороду венгерской столицы, к Дунаю, к горе Геллерт, где вечным сном спят

советские воины — освободители Будапешта... Им была эта песня близка, как и нам...

Заводской автобус ускоряет ход. Мы въезжаем в шумный и светлый поток Надькерута — Большого кольца Будапешта. Где-то здесь вскоре простимся с нашими новыми друзьями, надолго запомнив сегодняшний день.

Ранее нам довелось бывать на «Красном Чепеле» — промышленном центре Венгрии, комбинате мощных заводов. Теперь мы попросили познакомить нас с рядовым небольшим предприятием Будапешта. Нам назвали фабрику спичек, и вот мы среди ее гостеприимных хозяев. Друзей из Советского Союза встречают цветами, теплыми объятиями, и все, что мы видим: изумительно чистый двор, зелень, умные автоматы, расщепляющие большие стволы деревьев в ажурные спичечные эскадроны,— все это было невероятно знакомо. И даже треугольные красные вымпелы над станками и агрегатами — почетные светочи трудовой славы — запечатлели рядом имена великого венгерского поэта-революционера Шандора Петефи и советской героини Зои Космодемьянской.

И когда через много часов в заводском клубе за кружками пива мы обменивались сувенирами и впечатлениями и в обмен на красивые спичечные венгерские наборы преподнесли друзьям свои наборы спичек — «Города СССР» и «Малахитовая шкатулка», один из нас выразил общее чувство:

— Мы проехали немало стран Европы, многое повидали и в самой Венгрии. Но вот миновали проходную вашей фабрики, увидели зеленую елочку у входа, цветы, вымпелы ударных бригад в цехах и открытые лица рабочих — и словно на наш уральский или московский завод попали, будто домой приехали...

В дружеских беседах раскрываются судьбы людей новой Венгрии, страницы их жизни.

Маленький, болезненного вида пожилой человек кажется невзрачным. Но вот он обращает к вам спокойный и уверенный взгляд своих светлых глаз, о которых так и хочется сказать «стальные», вот звучит его неторопливый рассказ о тюрьмах старой Венгрии, о жизни в далекой советской Сибири в двадцатые годы, после сдачи в плен в первую мировую войну... Он говорит о

баррикадах смерти у Будапештского горкома партии в дни фашистского мятежа, о людях фабрики спичек, любовно и заботливо обновленной умелыми руками... Звучит неторопливый рассказ Габора Сакони, гаснет и вновь вспыхивает его старая трубочка, и вы чувствуете: это вожак, закаленный в испытаниях и горестях, знающий цену радости, умеющий улыбаться так, что люди от всего сердца отвечают улыбкой.

Красавица Ирен, обнявшись с нашими девушками, что-то говорит так быстро, что гид Стефан не успевает переводить и сердито бросает по-русски: «Пулемет...» А Ирен, наладчица автомата укладки спичек, украшенного почетным красным вымпелом с именем Зои Космодемьянской, Ирен, похожая на кинозвезду, рассказывает о своей жизни и большой победе, одержанной над собственным мужем. Представьте, он не хотел, чтобы она работала на фабрике, запирал ее в квартире, грозил разводом. Ирен бежала из окна третьего этажа, как в кинофильме, много дней и ночей скрывалась у подруг-работниц, но с фабрики не ушла. Чем кончилось все? Ирен улыбается. Ее бабку, по семейному преданию, грозный дед сгноил в келье монастыря на каком-то дунайском острове. Муж Ирен пришел к секретарю комсомола фабрики — Регине Гараи — и слезно просил вернуть ему жену; с него взяли три клятвы: любить, уважать, не притеснять — и Ирен вернулась. Сейчас портрет ее (явно напоминающий кинозвезду) —на Доске почета фабрики.

А вот и Регина Гараи. В ярком платье, с яркими бусами, с черными волосами, раскинутыми на плечах, она кажется цыганкой. И она действительно оказывается цыганкой. Фашисты расстреляли весь ее табор. Пятилетнюю Регину подобрали в лесу без сознания. Ее ждала судьба бездомной попрошайки. Но в Венгрии ныне иная жизнь. Регину взяли в детский дом, она окончила школу, пришла на фабрику... Она активист общества дружбы с СССР, ездила в Советский Союз, на спичечные фабрики Белоруссии, изучает русский язык.

— Давайте погадаю! — вдруг прерывает свой рассказ Регина, и перед нами истая цыганка, но с таким сиянием глаз, что веришь — она может нагадать счастье.— Ждет вас близкая дорога в автобусе,— скры-

вая улыбку, нараспев говорит Регина.— Ждет вас дальняя дорога по Дунаю, справа и слева от вас будут друзья и песни, над вами солнце...

«Гадание» секретаря комсомола сбывается быстро и полностью. Мы мчимся в заводском автобусе к Дунаю, вокруг нас друзья и песни, залетевшие сюда из времен нашей молодости:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе...

Мы мчимся по большому кольцу — Надькеруту, и песня все время обгоняет нас.

— Куда наш путь, Стефан?

— Если хотите знать, все дороги в Будапеште ведут к проспекту Ленина. Разумеется, краса столицы нашей — площадь Кошута, улица Ракоци, но проспект Ленина — душа ее...

Впереди засияли зовущие огни проспекта, и мысль о том, что мы видели ленинские проспекты и бульвары во всех столицах социалистического мира, рождала образ необъятной дороги всех дорог, носящей имя вождя нашей эпохи...

В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе...

1965—1972 гг.

Зори Урала

Главное действующее лицо «Уральских зорь» Михаил Андреев является одним из немногих героев этой книги, с которым автору, к сожалению, не довелось встречаться лично. Но вот уже ряд лет я вновь и вновь возвращаюсь к изумительной истории его жизни, и каждая новая ее страница приобщает к событиям поистине исторического звучания...
Молодой уральский рабочий Михаил Андреев не случайно оказался в самом центре революционных бурь, свершений и преобразований 1917 года, и рассказ о его замечательной жизни, устремленной в Будущее, правомерно завершит эту книгу.

I

Жизнь Михаила Андреева до 1917 года мало чем отличалась от обычной трудовой жизни рабочего, сына рабочего. Родился он в последние годы прошлого века в бедной крестьянской семье, в отдаленном уезде Казанской губернии. И, как это было обычным в те тяжелые времена, в поисках лучшей доли отец решил бросить голодную кабалу на земле — подался с груп-

пой односельчан на Урал, откуда шли вести о спросе на рабочие руки. Попал Ананий Андреев на строительство Надеждинского завода и сменил «шило на мыло» — одну кабалу на другую. Четверть века не разгибаясь гнул спину чернорабочим и так и умер, не увидев лучшей доли, о которой мечталось в далеком голодном селе...

С малых лет впрягся в эту лямку сын Анания — Михаил. Детство промелькнуло как пасмурный день — пареньку не было еще тринадцати, когда отец привел его в болтовую кузницу механического цеха, и мастер из милости (за немалое угощение) определил Михаила подручным — на побегушках. Было это в памятном 1905 году.

И пошли, потянулись годы подневольного труда на самом северном в России Надеждинском заводе, где рабочие были бесправны больше, чем где бы то ни было. «Мальчик на крышках» в мартеновском цехе, чернорабочий дворово-ремонтного цеха, помощник машиниста парового крана, ученик электромонтера, слесарь, электромонтер... С места на место порой приходилось переходить из-за придирок мастера, из-за сокращений, по болезни. Заработки были грошовые, жизнь трудна в суровом северном краю. И страшно было видеть, как равнодушны хозяева и их подручные к рабочему человеку, к его труду!.. Вот в лютый мороз, на ледяном ветру, почти вплотную к раскаленным болванкам возятся с тяжелыми клещами канавные. Никакой техники безопасности не было и в помине: вспыхнет одежда, обожжет, искалечит руки, лицо — сам виноват. А на место твое тут же возьмут других, давно мучительно ожидающих любой работы.

Надеждинск — почти самый крайний уральский завод, за ним — отроги Каменного Пояса, и тут, на забытой богом стылой земле, принадлежавшей царскому сановнику Половцеву, как хотели, хозяйничали его опричники. Жалованье рабочим деньгами платили редко, выдавали боны, по которым отпускали гнилой товар в заводских лавках. Давили бессчетными штрафами...

Жили в рабочей казарме, зачастую в одной комнатушке-клетушке по две-три семьи, в скученности и грязи. Школа была доступна немногим, да

и то лишь начальные классы. Детство кончалось быстро...

Всего три года довелось ходить и Мише Андрееву в так называемую народную школу в Надеждинском заводе, а дальше школой становилась сама жизнь... У рабочего юноши было два пути: либо спиться и покориться, либо бороться и не сгибаться. Михаилу Андрееву, как и многим его сверстникам, старшие товарищи помогли найти верный путь.

В 1914 году Андреев был арестован за распространение конфискованных номеров большевистской газеты «Правда», разоблачавшей антинародный характер мировой империалистической бойни. С тех пор и до самого 1917 года молодой рабочий — под гласным надзором полиции в числе явных заводских «смутьянов», тех, кто активно боролся против произвола эксплуататоров, против самодержавия, посильно помогал надеждинским большевикам.

Через несколько лет после победы Октябрьской революции Михаил Ананьевич просто и сердечно записал в автобиографии: «В партию РКП(б) официально вступил в апреле 1917 года на Надеждинском заводе. Я считал, что только партия большевиков может освободить рабочий класс от цепей буржуазии... Рекомендовали меня товарищи Корнеев и Усатов. Оба рабочие — члены Коммунистической партии большевиков. В других партиях не состоял».

Тут уместно вспомнить народную поговорку: «Скажи, кто твои друзья, и мы скажем, кто ты».

То, что в бурные дни апреля 1917 года молодого рабочего рекомендовал в ряды ленинской партии Александр Федорович Корнеев,— верная порука преданности Михаила Андреева делу революции. Корнеев сам в партии с 1904 года, прошел тюрьмы и ссылки, на север Урала приехал, скрываясь от царских ищеек. Работая токарем на Надеждинском заводе, был одним из руководителей надеждинских большевиков, любимым вожаком рабочих...

Теперь Михаил Андреев — член партии. Он в самой гуще революционных событий, активист созданного в марте Надеждинского Совета рабочих и солдатских депутатов, рьяно выступает против меньшевиков, против «Комитета общественной безопасности», сколо-

ченного из местных богатеев. Вместе со своими друзьями Щербининым и Курлыниным Андреев ведет большую работу в профсоюзе металлистов — самой массовой рабочей организации Надеждинска. И с каждым днем все жарче накал классовой борьбы, все чаще столкновения рабочих и заводчиков.

Революционные свободы, первые шаги рабочего контроля вызывают злобную ненависть управителей горного округа, завода. Как и в Петрограде, здесь, на Севере, они стремятся задушить революцию костлявой рукой голода... К осени запасы продовольствия в Надеждинске на исходе, а пополнять их заводчики не собираются. Рабочий получает всего полфунта мякинного хлеба в день, семьи, дети голодают, а управители грозят вообще закрыть завод.

Но Надеждинский Совет рабочих и солдатских депутатов теперь уже сила — орган революционной власти, выросла, окрепла и большевистская организация. Михаил Андреев становится одним из руководителей Совета, верным и надежным соратником Александра Федоровича Корнеева, Петра Карловича Зорина, прибывшего из Екатеринбурга профессионального революционера, большевика-матроса Никонова, возглавившего отряд Красной гвардии...

27 октября в Надеждинск пришла весть о победе пролетарской революции в Питере. С красными знаменами весь трудовой город собрался на митинг. Большевистский Совет заявил, что власть принадлежит ныне ему, и назавтра рабочий контроль предъявил свои права и требования управителям горного округа и завода. Саботажники долго не давали ответа, не являлись на вызовы в Совет. И в один из дней Андреев и Курлынин — от имени Совета и профсоюза металлистов — сами пришли в горное правление. Разговор был короткий. Знакомый чиновник с молоточками на петлицах форменного сюртука, хитро улыбаясь, разводил руками:

— Директор местного правления барон Таубе спешно убыл из Надеждинска, сейчас горный округ подчиняется только Центральному правлению в Петрограде, мы же, разумеется, лишь исполнители, решать нам ничего не дано... Что касается смены власти, сие горного округа вообще не касается — заводы и рудники,

как известно, принадлежат не большевикам... Со своей стороны, мы, естественно, все что положено донесли в Петроград, ждем ответ свыше...

Прошло еще несколько дней, и ответ «свыше» пришел. У заводских ворот появилось объявление Богословского горного округа. Оно провозглашало рабочий контроль «незаконным вмешательством со стороны самочинных организаций в дела общества» и нагло предупреждало, что «все лица и все учреждения, которые позволят себе принять участие в вышеупомянутых противозаконных действиях, по восстановлении правого порядка (!) будут привлечены к законной уголовной и гражданской ответственности».

Рабочие сорвали наглое «объявление», принесли его в Совет. Здесь уже знали о нем и бурно обсуждали создавшееся положение. Горячие головы требовали разнести горное правление, на тачках вывезти чинуш, как делали это с ненавистными мастерами в заводских цехах... А дальше что? Чем платить рабочим, чем кормить голодные семьи?.. А зима, долгая, суровая северная зима неумолимо надвигается...

Звонили в Екатеринбург. Областной Совет ответил, что такое положение на всем Урале — и в Тагиле, и в Челябе, и в самом Екатеринбурге.

Совет связывается с Петроградом, принимает меры.

— До зимы не решат, самим надо действовать! Зима на носу — пропадем...

Поздно ночью Надеждинский Совет рабочих и солдатских депутатов, заседавший совместно с большевистским руководством, решил: срочно послать своих делегатов в Петроград, найти управу на горное правление, дойти до главной Советской власти, до Ленина!

— Заводчики хотят показать рабочим, что они, управители, по-прежнему остаются хозяевами в округе и Советская власть их не касается,— горячо говорил на Совете Александр Федорович Корнеев.— Они хотят удушить революцию, грозят нам расправой. Заставим их подчиниться Советской власти, нас поддержат партия, Ленин!..

Екатеринбург тоже не возражал против посылки ходоков в Питер — быстрее вопрос решится.

Кому ехать?.. Выбор пал на Михаила Андреева — рабочего-большевика, члена исполкома Совета, и на

Алексея Курлынина — председателя комитета профсоюза. Хорошо знают они нужды надеждинцев, разбираются во всех делах. Повадки саботажников им тоже знакомы — немало крови попортили, воюя с ними. Да и друзья они, земляки...

II

Бывает, прожил человек большую жизнь, многое повидал, многое свершил, но есть в его жизни одна страница, которая так значительна, что как бы затмевает все остальное и немеркнущим светом на долгие годы освещает облик этого человека в памяти современников и потомков. В жизни Михаила Андреева это была встреча с Владимиром Ильичем Лениным.

Поездка двух надеждинских рабочих в Петроград, к Ленину, в ноябре 1917 года — в первые недели после победы Великой Октябрьской социалистической революции — давно уже стала живой легендой. Попытаемся восстановить, как все это было в действительности, пользуясь весьма скупыми записками самого Андреева, архивными документами, пожелтевшими газетными листами.

В своих воспоминаниях, написанных через два десятилетия после тех дней, Михаил Ананьевич скромно рассказывает о поездке как о простом и обычном деле: «В конце 1917 года приехали мы с председателем Центрального Совета фабзавкомов Богословского горного округа А. Курлыниным в Петроград искать управу на правление округа. Ходили мы по учреждениям, ходили, ничего для Надеждинского завода не выходили. Решили написать докладную записку на имя Председателя Совета Народных Комиссаров... 2 декабря 1917 года мы с утра забрались в Смольный, чтобы встретиться с секретарем Совнаркома Н. П. Горбуновым и передать ему бумагу...»

Долог и труден путь в столицу из затерявшегося в глухой уральской тайге Надеждинского завода — через всю страну. Разбитые, леденящие вагоны — то «классные», то теплушки, бесчисленные остановки и мучительные пересадки на разрушенных станциях и полустанках, голод, холод и гнетущий вид замерших заводов на всем пути...

Но еще мучительнее терять дни за днями в самом Питере, куда добрались с таким трудом. Бесцельное, безрезультатное хождение по канцеляриям и приемным лишало сил. «Неужели так и вернуться ни с чем в далекий Надеждинск, обманув доверие Совета, друзей большевиков, голодающих семей?!»

Тогда-то и решили они писать Ленину.

В своей комнатушке — общежитии при трактире — сели двое надеждинских рабочих к столу, подкрутили фитиль керосиновой лампы, стали обдумывать вслух свое обращение к главе нового рабоче-крестьянского правительства России. За окном была вьюжная петроградская ночь, далеко-далеко родной завод, но не чувствовали они ни робости, ни смущения. Ведь пишут-то Ленину!..

«Тут у нас спор вышел,— вспоминает Андреев.— Я говорю: «Ты пиши записку». А Курлынин говорит: «Нет, ты пиши». Взяли лист графленой бумаги, вынул я карандаш, наточил его, начал писать. Когда все было написано, Курлынин прочитал и сказал, что надо выправить и переписать лучше. А у меня рука устала, не писаря мы были: он каменщик, я слесарь... Так и передали написанное для Председателя Совета Народных Комиссаров. Горбунов только спросил: «Зачем вы карандашом написали, ребята? Ну, ничего. Завтра придете, ждите внизу в столовой...» 3 декабря Горбунов сообщил, что Ильич примет нас 5-го числа в 11 часов вечера. В комендатуре нам выдали пропуска на указанный день».

И день этот наступил. Едва стемнело, Андреев и Курлынин уже в Смольном. Ходят по коридорам, слушают разговоры таких же, как и они,— ходоков со всей России. Ближе к одиннадцати заглянули в приемную, где назначена им встреча.

«Я был очень удивлен, что в Совнаркоме такая простая приемная»,— заметит позже об этом вечере Андреев... И вот сидят они в большой, скромной, выбеленной известкой комнате, за простым некрашеным деревянным столом — двое уральских рабочих и Председатель первого в истории Совета Народных Комиссаров.

Ленин выговаривал Андрееву и Курлынину, но они чувствовали себя счастливыми, ибо эта беседа с Ильи-

чем была пределом, вершиной их чаяний, она означала успешное разрешение того многотрудного, ответственного и жизненно важного дела, которое поручили им рабочие Надеждинского металлургического завода.

— Разве можно так? — говорил Ленин.— Ведь сейчас пролетариат у власти. Почему же вы не арестовали членов правления, злостных саботажников, врагов революции?.. Плохо и не так действуете. Ведь власть-то сейчас ваша!..

Владимир Ильич обращался к ним, именно к ним, но двое рабочих, приехавших в Смольный за тысячи верст от родных мест, сердцем чувствуя огромную значимость ленинских слов, понимали, что через них Ильич обращается ко всем надеждинским, а может, и ко всем уральским рабочим.

— Я читал вашу записку,— сказал Ленин и взял из папки, лежавшей на столе, листы графленой бумаги, исписанные карандашом.

Андреев вдруг густо покраснел. Вспомнил, что вчера Горбунов пожурил их за то, что не смогли переписать свою бумагу чернилами. Он подумал, что вот и Ленин скажет об этом. Но Ильич, прищурясь, сосредоточенно листал их записку...

Наверное, Андреев на словах лучше сумел бы рассказать Ильичу, как беспросветно тяжела была рабочая жизнь на дальнем Севере. Но разве передать словами, с какой радостью встретили надеждинцы весть о революции, как единодушно встали под ее знамена, воскресив памятные здесь традиции боевых дней 1905 года... А как рассказать о страданиях рабочих семей от голода и холода, от начавшихся эпидемий, от всевозрастающей безработицы и длительного безденежья!..

— Я читал вашу записку,— повторил Владимир Ильич, как бы отвечая на мысли Андреева.— Это правильно и хорошо, что вы приехали в Смольный, мы поможем найти управу на саботажников. Но что же делает Советская власть, большевики на месте? Ведь сила в ваших руках...

Алексей Курлынин, горячий в спорах с товарищами, возбужденно стал рассказывать о том, что представители Совета и фабзавкома не раз ходили в горное правление.

Ленин встал, нахмурился, хотел что-то сказать, но сдержался:

— Продолжайте, продолжайте...

В разговор вступил Михаил Андреев.

— Власть-то наша, Владимир Ильич, да сила-то пока у тех, кто заводами и хлебом владеет и рабочий люд на голод обрекает.

Ленин стремительно подошел к Андрееву, положил ему руку на плечо.

— Вы не представляете, как вы правы,— негромко проговорил он как бы про себя.

Курлынин заговорил о том, как равнодушно их принимали везде, кроме Смольного. И добавил, что не только в коллегиях не нашли они правды, но у самого наркома труда Шляпникова побывали и тоже ничего не решили.

Ленин развел руками, как бы говоря: «Сами виноваты».

— Да, жаль,— сказал Ильич,— что вы сидели безрезультатно, когда у вас на местах столько дел. И, повернувшись к Андрееву, Владимир Ильич закончил прежнюю мысль, которая, видимо, весьма его занимала:

— Вы очень правы. Не может быть настоящей рабочей власти, если заводы остаются в руках капиталистов. Но на то и власть завоевана, чтобы довести революцию до конца. Негодяев, морящих голодом рабочие семьи, саботажников, закрывающих заводы, надо немедленно арестовать и судить. Немедленно. Революционным народным судом. Судить всенародно. А заводы отбирать. И хозяйничать самим... А сумеете? — спросил Ленин после небольшой паузы и сел между Курлыниным и Андреевым.— Сумеете? — переспросил он и повел деловой разговор о том, как обстоят дела на заводе, как завод работает, что вырабатывает, куда идет продукция, сложно ли перейти на мирное производство.

Рабочие отвечали обстоятельно и уверенно. Ленин одобрительно улыбался и вдруг спросил, употребив при этом такое знакомое и емкое народное, уральское слово:

— Так что, при переходе на мирное производство никакой особой передряги не будет?

— Не будет передряги,— разом ответили Андреев и Курлынин.

Тут в дверях приемной показались Горбунов и нарком труда. Владимир Ильич предложил срочно подготовить все документы по Богословскому горному округу к Совнаркому, предварительно доложить лично ему.

Нарком заверил Ленина, что все будет сделано, и попросил Андреева и Курлынина завтра с утра приехать к нему в Народный комиссариат труда. Кстати, он спросил, правомочны ли они подписывать документы и обязательства о передаче завода в руки местного Совета.

Михаил и Алексей переглянулись, замялись.

Ответил за них Ленин:

— Безусловно, правомочны. Один из них, насколько я помню, председатель заводского профсоюзного комитета, другой — представитель Совета. Не ясно ли, что их полномочия несравненно весомее полномочий всяких саботажников. Более того, я бы сказал, что эти двое рабочих — самые правомочные хозяева завода за всю его историю. Не так ли? — Владимир Ильич весело рассмеялся и слегка подтолкнул Андреева и Курлынина к наркому, как бы приглашая их увереннее решать с ним все свои вопросы.

Обо всем договорились быстро, и нарком труда стал объяснять, как добраться к Мраморному дворцу, где размещался комиссариат труда. Курлынин не очень вежливо и хмуро бросил:

— Знаем, ведь бывали у вас...

Ленин, беседуя в это время о чем-то с Горбуновым, внимательно следил за разговором. Чутко уловив их сомнения, он подошел к уральцам, крепко пожал руки.

— Не беспокойтесь. Через день-два прочтете в газетах постановление правительства по вашим делам. Все будет как нужно,— сказал Ленин, прощаясь, желая успеха, передавая приветы рабочим Урала.— Спешу на заседание Совнаркома,— говорил он уже в дверях.

Когда Андреев и Курлынин вышли из Смольного, была уже ночь. Ведь Ильич назначил им встречу на одиннадцать часов вечера, да беседовали почти час. А Смольный бодрствует, живет кипучей жизнью. Вот

Ленин пошел на заседание. Когда же оно кончится? Под утро, видимо. А с утра Владимир Ильич снова будет на посту...

Долго стояли уральцы на высоком крыльце Смольного под каменной аркой, укрывающей от пронизывающего ветра. Отсюда хорошо видна не только площадь, вся в огнях, кажется, никогда не гаснущих костров, у которых согреваются сотни людей, прибывших в Петроград со всех концов необъятной России — за правдой. Далеко видно с высоты смольнинского крыльца. Вся поднимающаяся к новой жизни Россия видна отсюда — до самого таежного Надеждинска... Там тоже не гаснут, наверное, этой ночью огни во многих домах. Знают надеждинцы, что их судьбу решает именно сейчас сам Ленин. Ведь как только Горбунов сообщил Андрееву и Курлынину день и час приема в Смольном, на завод пошла телеграмма: «5 декабря одиннадцать вечера будем беседовать Лениным...»

И вот теперь поздней петроградской ночью снова шагают они через весь огромный город — к телеграфу, чтобы сообщить землякам радостные, обнадеживающие вести.

Ранним утром направились они в Мраморный дворец. После встречи с Лениным они чувствовали себя здесь спокойно и уверенно.

И когда пришел нарком, и члены коллегии, и секретари с бумагами, Андреев и Курлынин, не колеблясь, с полной верой не только в правоту своего дела, но и в несокрушимую силу товарищей в далеком Надеждинске, которые послали их сюда, поочередно и не спеша прочли каждый про себя (так понятнее) подготовленный для них текст «Обязательства представителей Центрального совета фабрично-заводских комитетов Богословского округа перед Советом Народных Комиссаров».

— Все правильно,— негромко сказал Михаил Андреев и осторожно взял переданную ему тонкую хрупкую ручку с золоченым пером (таких ему никогда не приходилось видеть). Так же осторожно обмакнул перо в огромную, граненого стекла чернильницу и уверенно поставил свою подпись на двух экземплярах документа.

Рядом подписался Алексей Курлынин.

Нарком пожал руки рабочим и поздравил всех присутствующих с оформлением впервые в истории акта о передаче управления заводом коллективу рабочих.

Секретарь поставил на документе дату: «7 декабря 1917 года» — и вручил один экземпляр «Обязательства» Андрееву, предварительно аккуратно вложив его в конверт...

Андреев и Курлынин поспешили в общежитие, где их с нетерпением ждали соседи, ходоки из разных краев России, горячо интересовавшиеся результатами «дела» надеждинцев. Конечно же, каждому хотелось взять бумагу в свои руки, но этого им не разрешили. Алексей Курлынин развернул документ, показал его и громко прочел:

— «Мы, нижеподписавшиеся, представители Центрального совета фабрично-заводских комитетов Богословского горного округа и исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Надеждинского завода, принимая от имени указанных учреждений заведование предприятиями Богословского горного округа, обязуемся перед Советом Народных Комиссаров (Курлынин при этом многозначительно посмотрел на всех):

Поднять производительность предприятий и работ в округе...

Установить в предприятии полный порядок и трудовую дисциплину...

Организовать вооруженную охрану как вверенного имущества, так и свободы рабочих и крестьян...»

И хотя документ был коротким, чтение продолжалось долго. Каждый пункт обязательства становился предметом обсуждения и споров, как будто он непосредственно касался всех — и рабочих из Донбасса, и крестьян из Воронежа, и солдат из-под Бреста, собравшихся в прокуренной комнате общежития.

А еще через день все общежитие поздравляло двух рабочих с Надеждинского завода с полной победой. В газетах был напечатан за подписью В. И. Ленина «Декрет Совета Народных Комиссаров о конфискации и объявлении собственностью Российской республики всего имущества акционерного общества Богословского горного округа».

Газеты читали и перечитывали, и не только надеж-

динцы, все дальние и близкие соседи бережно уложили их в свои котомки и мешки — будет о чем рассказать дома!

Дочитав до конца декрет, Андреев и Курлынин с особым удовлетворением и гордостью подметили, что и он датирован 7 декабря 1917 года,— значит, Ленин подписал декрет в тот же день, когда они подписали свое «Обязательство». Наверное, Ильич видел его и лишь после того поставил свою подпись на декрете.

— Все верно,— произнес Михаил Андреев любимые свои слова, выражавшие высшую меру удовлетворения.— Все верно...

Ну что ж, теперь, пожалуй, все дела решены, можно и на завод спешить.

Итак, заводы перешли в руки рабочих. Но нелегко налаживалась новая жизнь в Надеждинске. Как и в Тагиле, да и в других местах, здесь большинство специалистов по указке хозяев саботировали, многие сбегали с завода вместе с семьями, оставляя записки с проклятиями и угрозами.

С трудом сформировали Деловой совет, а чтобы крепче был рабочий контроль и над ним, фабзавком, Совет депутатов и партийная организация назначили комиссаром завода слесаря-большевика Михаила Андреева, получившего напутствие у самого Ленина.

Пришлось занять Михаилу Ананьевичу директорский кабинет, но в кресле директорском Андреев не восседал, с утра до ночи — в цехах, на заседаниях да на митингах.

И заработал завод, вперегонки со своим старшим братом — Тагильским — стал отправлять по той же горнозаводской дороге надеждинский металл в центр России.

Успехи в абсолютных цифрах были еще невелики. Повсеместная разруха, непрекращающиеся происки врагов молодой Советской власти, острый недостаток сырья, машин, специалистов — все это создавало неимоверные трудности на пути восстановления: даже до уровня 1913 года было еще пока очень далеко. Но это были первые шаги нового строя, и каждый пуд угля и железа весил теперь несравненно больше, радовал, вдохновлял, обнадеживал...

Недолго пробыл в комиссарах завода слесарь Андреев. Через два месяца настойчиво попросил парторганизацию и Совет сменить его: «Пусть и другие рабочие поуправляют, завод-то наш — народный...» Поспорили и уважили просьбу. С радостью вернулся Михаил Ананьевич в цех, слесарем-электриком. Но ненадолго... Всегда уважали рабочие Андреева, а после поездки к Ильичу — тем более. И снова избрали Михаила Андреева в Совет рабочих депутатов, теперь поручили ведать финансами. Дело, разумеется, незнакомое слесарю. Но революция учила быстро!.. (Через много лет выйдет на киноэкраны мира молодой рабочий Максим, которому партия поручила руководить банком. Михаил и тысячи его сверстников, безотказно выполнявших любое революционное задание партии, могли быть прообразом Максима...)

Да, «крутится, вертится шар голубой»...

Слесарь Андреев стал комиссаром финансов Совета рабочих депутатов. Тяжелое бремя легло на плечи двадцатишестилетнего большевика! Деньги нужны заводу, нужны на закупку муки и дров для рабочих, нужны больницам и школам... А их мало, катастрофически мало, и поступают они все хуже и хуже. И, видимо, не случайно все это. Полна тревог весна 1918 года: разоблачен заговор горнопромышленников Урала против Советской власти, арестованы его главари, но нити заговорщиков не обрываются в Екатеринбурге, они тянутся издалека... А возня троцкистов вокруг Брестского мира тоже была на́ руку провокаторам. И ползли бесчисленные ядовитые слухи, расползались по Уралу. Особенно упорным был слух о том, что Богословский горный округ, национализированный первым декретом Ленина, будет... возвращен хозяевам. Поспешили, мол, большевики, не идет дело без хозяев и специалистов. «То-то!» — многозначительно кивали при этом головами провокаторы. «То-то! Это только начало...»

Слух был так живуч и упорен, что заколебался кое-кто из советских чинуш в Екатеринбурге. Надеждинску стали задерживать всякие поставки: «подождем — увидим»...

Андреева в ту пору избрали председателем Надеждинского Совета, но все это тревожило и волновало его

и лично: ведь он сам привез Ленинский декрет и Ленинский наказ — беречь и крепить дело революции!

Андреев нервничал, звонил в Уралсовет. Там возмущались вместе с ним, но тонкая и липкая паутина провокаций продолжала плестись.

Тогда, в канун Первомая, после торжественного вечера в рабочем клубе, омраченного напряженной обстановкой, вечером 30 апреля 1918 года Андреев послал телеграмму в Москву Ленину, с просьбой разъяснить положение.

Видимо, в секретариате Совнаркома сочли телеграмму не заслуживающей особого внимания и 1 Мая ее Владимиру Ильичу не вручили — Ленин выступал в этот праздничный день на Красной площади, в Сущевско-Марьинском районе, на параде воинских частей на Ходынском поле, на митинге в Кремле... Назавтра с утра Ильич председательствует на большом заседании Совнаркома, принимает посетителей и лишь вечером в этот день, 2 мая, взволнованная телеграмма из Надеждинска легла на стол Ленина.

Чутко и прозорливо ощутил Владимир Ильич большую тревогу рабочих, их напряженное ожидание ответа из Москвы и огромную важность этого ответа для отпора провокаторам. Немедленно Ленин продиктовал ответ, краткий, четкий и резкий. Ответ отправлен, но Владимир Ильич держит в руках телеграмму Андреева, вспоминает умные глаза коренастого рабочего человека, участвующего ныне в управлении большим заводом на далеком Севере, в такой трудной и сложной обстановке. «И двое суток напрасного ожидания. Возмутительно!»

Ильич берет карандаш и своим мелким почерком пишет на полях надеждинской телеграммы: «Получил 2/V. 1918 в 7 час. веч. Требую расследования, почему опоздание на 2 дня. Ленин».

А в Екатеринбурге и Надеждинске в этот же вечер читали телеграмму Ленина:

«Слухи о денационализации Богословского округа — глупый вздор. Москва, 2. V. 1918 года. Ленин».

Глупый вздор! — иначе и не назовешь злобное стремление врагов лишить рабочий класс самого главного его завоевания, повернуть историю вспять.

III

Было в жизни Михаила Ананьевича Андреева еще одно знаменательное событие.

Весной 1920 года Андреев избирается делегатом на IX съезд РКП(б) от Надеждинской партийной организации...

Всего два года прошло с памятных дней в далеком Петрограде, зимой девятьсот семнадцатого. Но как много прожито и пережито!.. Рабочему Уралу пришлось не только свершать революционные преобразования, но и встать на смертный бой, на защиту революции. До последнего часа обороны Надеждинска от белогвардейщины Андреев возглавлял Совет рабочих и солдатских депутатов, а когда решено было временно оставить завод, он с группой товарищей, преодолевая тысячи опасностей, эвакуировал и сдал все дела и ценности в Пермь. Отсюда по поручению партийной организации был направлен в Лысьвенский округ... После освобождения Красной Армией Перми Андреев возвращается в Пермь с тем, чтобы быстрее отправиться на родной завод. Но его направляют в Москву, выдвигают в Центральный Комитет профсоюза металлистов.

Весь свой немалый уже опыт работы в массах энергично передает Андреев московским, питерским, донецким заводам. Но душой он всегда на Урале, никогда не порывает связи со своим заводом. И когда осенью 1919 года надеждинцы на конференции металлистов единодушно избирают своего земляка и товарища в состав профсоюзного райкома, Андреев с радостью возвращается на Урал. Он отдается профсоюзной работе в родном Надеждинске, многие годы возглавляет здесь райком металлистов. Со всей страстью и энергией участвует в восстановлении завода, в борьбе за новую жизнь. Ремонт доменных печей и школ для детей, ликвидация неграмотности и борьба с болезнями, военное обучение и охрана труда подростков — чем только не приходилось заниматься...

Михаил Андреев продолжает дело своего друга Алексея Курлынина — первого председателя совета фабзавкомов Богословского горного округа, погибшего в боях с белобандитами. А память об Алексее неотрывна от незабываемой поездки к Ленину... И только

вспомнишь обо всем этом — встает перед глазами улыбка Ильича, слышишь каждое слово его проникновенной беседы о передаче завода в рабочие руки и тот памятный задушевно-лукавый и вселяющий веру в свои силы вопрос о передряге, которую надо преодолеть...

Задолго до начала заседания съезда партии собрались в Большой театр делегаты всей России. Многие приехали прямо с фронтов, героически разгромивших армии Юденича, Колчака, Деникина. Впереди были новые трудные бои против врагов революции, но газеты, которые нарасхват брали в фойе Большого театра делегаты, с полным правом называли IX съезд партии «первым после того, как 9-й вал мировой и русской контрреволюции разбился о стальную грудь российского пролетариата».

Заголовки газет отражали бурную революционную жизнь России:

«Красные войска заняли Екатеринодар, Новороссийск и Грозный...»

«С Деникиным покончено».

«Конец колчаковщины. Подробности ареста Колчака и Пепеляева».

«На фронте труда. Всероссийский субботник».

«В этом году будем с нефтью и керосином».

«Знание — рабочим. Рабочие факультеты».

«Эпидемия тифа идет на убыль»...

Уральские делегаты, как и посланцы других краев, привезли на съезд свою газету. По рядам передавали шершавые листы «Всероссийской кочегарки», «Омской правды», «Уральского рабочего». Андреев с гордостью обратил внимание своего соседа — донецкого шахтера — на страницу в «Уральском рабочем»:

«Красная доска.

Молодцы — надеждинцы!

На Надеждинском заводе недавно начались работы в сортопрокатном цехе...

На каждого рабочего в один час приходится уже 63 фунта железа, а в 1918 году приходилось немногим больше 11 фунтов. Производительность поднялась почти в 6 раз!

Эти цифры дают нам уверенность в неизбежности нашей победы над разрухой...»

Сверкающий огромными люстрами театр поражал делегатов, но все их внимание было приковано к сцене.

И вот — Ленин!.. Большинство сидящих в зале видят его впервые. Андрееву же думается, что он счастливее многих — ведь он лично знаком с Ильичем, сидел с ним за одним столом, беседовал с глазу на глаз...

С первым же словом Ленина в зале стало так тихо, что, казалось, замерли сердца делегатов. Каждый глубоко ощущает значимость слов вождя о величии революции в России, о международном значении быстрой победы в гражданской войне, победы «над соединенными всемирными капитализмом и империализмом». Немало трудностей на дальнейшем пути революции, но Ленин уверенно глядел вперед.

— После этих побед,— говорил Ильич, обращаясь к делегатам съезда партии, ко всей партии, ко всему народу,— мы можем теперь со спокойной и твердой уверенностью приступить к очередным задачам мирного хозяйственного строительства... трудной и сложной задаче хозяйственного строительства.

Владимир Ильич выступал на съезде несколько раз. И в речах его, в решениях съезда зримо виделись широчайшие горизонты коммунистического созидания — восстановленные железные дороги и заводы, лучистые электростанции, поднятые из руин города и села, новые школы, библиотеки... И вместе с этим каждый делегат, слушая Ленина, предельно ясно сознавал, как нелегок путь к победам, как много мужества, непримиримости к врагам партии, идейной убежденности требуется от коммуниста, чтобы стать вожаком масс, поднимать их на революционные свершения...

Разъезжались делегаты под впечатлением последнего вечера съезда, когда горячо чествовали родного Ильича в связи с его пятидесятилетием.

Съезд закрылся 5 апреля 1920 года. И вскоре после возвращения домой, в день 50-летия Ленина — 22 апреля — Андреев выступал с рассказом о своих встречах с Ильичем перед молодыми рабочими. Он принес в цех праздничный номер «Уральского рабочего», весь посвященный Владимиру Ильичу.

— «Чем является для нас Ленин? — читал Андреев.— Душою революции, вождем рабочего класса... Он отрывается от своих книг для того, чтобы спуститься в окопы революции; он поднимается на баррикады гражданской войны, чтобы под пулями врага творить теорию и тактику борьбы пролетариата против его угнетателей... И если наследство Маркса перешло в руки его друга и соучастника в трудах — Энгельса, то прямым наследником Маркса и Энгельса является Ленин».

Андреев передохнул и, волнуясь так же, как и его слушатели, прочел:

— «Сегодня в день пятидесятилетнего юбилея учителя и вождя рабочего класса — Ленина — хочется сказать:

— О, если бы Вы, наши старые вожди, Маркс и Энгельс, стояли бы рядом со своим учеником, чтобы увидеть собственными глазами, как кипит котел социальной революции!»...

Михаил Ананьевич Андреев прожил долгую жизнь. Рабочий, большевик, он прошел суровую и славную школу революции, впоследствии вырос в крупного хозяйственного руководителя, дожил до великой победы партии и народа в крупнейшем испытании силы советского строя — в Отечественной войне 1941—1945 годов. Умер Андреев в 1945 году.

Активный участник пятилеток, он видел, как развивается, растет Урал по Ленинским заветам, сам претворял в жизнь наказы вождя, полученные от него в декабре 1917 года.

* * *

Недавно довелось мне побывать в городе Серове. Мало что осталось здесь от бывшего Надеждинска. Как и все уральские города, он преобразился, вырос, украсился улицами новых домов. Город радует обилием ярких цветов на улицах и площадях, густой зеленью скверов и парков, хотя и расположен на 60-й параллели. А Дворец культуры металлургов, построенный еще в предвоенные годы, по-прежнему любимое место от-

дыха серовцев, хотя есть в городе и другие дворцы и клубы.

Серовцы сердечно хранят память о своих земляках-революционерах, героях гражданской, Отечественной войн. В местном краеведческом музее на видном месте — картина, запечатлевшая М. А. Андреева и А. В. Курлынина, беседующими с В. И. Лениным в Смольном, в декабре 1917 года...

В тот же вечер во Дворце культуры металлургов я увидел... Ленина.

Серовские артисты ставили на сцене своего дворца «Третью патетическую» Погодина.

Ленин приходит в цех металлургического завода. Он беседует со старым мастером Сухожиловым о людях будущего, коммунистического общества.

Старик не может представить себе, что молодой рабочий Прошка будет управлять государством.

— Будет! — убежденно говорит Ленин.

Сухожилов: Не будет!

Ленин: Обязательно будет!... Я верю в нашего российского Прошку в тысячу раз больше, чем он сам верит в себя. Я верю в него до конца... Придет время, оно не за горами, когда Прошка осознает свои удивительные достоинства, когда он уже не станет называть себя кличкой Прошки и ему покажутся унизительными многие его привычки. Тогда явится действительно новая, действительно Коммунистическая личность. О нет, я не предаюсь мечте, взятой с неба. Я уже теперь в невероятном хаосе ломки общественных отношений, в бездне противоречий вижу людей завтрашнего дня... Людей, которыми можно гордиться перед всем миром.

Мечта Ленина осуществилась. Это время пришло. И одним из многих первых его провозвестников был молодой уральский рабочий Михаил Андреев.

1966—1973 гг.

Живые свидетельства очевидца

Прочитана последняя страница. Хочется понять, чем книга пришлась по душе.

Думается, что одно из главных ее достоинств в том, что мы услышали голос человека, который сам прошел через все, что он описывает. В его произведениях нет выдумки — они в большинстве документальны, все в них выверено жизнью и непосредственным участием автора в событиях и судьбах, о которых он повествует.

Любую книгу формирует личность автора, его жизнь, его опыт.

Борис Крупаткин родился в Донбассе в рабочей семье за пять лет до Великого Октября. Учеба его в молодые годы проходила в Ленинграде — в Коммунистическом институте журналистики имени Воровского. Молодой журналист плавал редактором многотиражной газеты на крейсере «Красный Кавказ», потом вернулся в Ленинград и, когда устремились на Родину коричневые изуверы, пошел воевать. Был комиссаром, редактировал армейскую газету. Еще в тяжком и грозном сорок первом привинтил на походную гимнастерку орден боевого Красного Знамени. Кто помнит и знает сорок первый, тот поймет, что значит этот орден...

А сейчас Борис Крупаткин очень мирный человек, заслуженный работник культуры РСФСР. Он редактирует книги и в Уральском государственном университете ведет курс публицистики. И пишет сам. Его книги «Душа народа», «Голубой Дунай», «Дунайский венок», «День встреч» говорят о горячей заинтере-

сованности партийного публициста и художника в нашей многообразной жизни.

Книга, которую мы прочли,— пятая художественно-публицистическая книга Бориса Крупаткина.

Она взволновала меня прежде всего тем, что это — ряд честных, достоверных и ярких свидетельств очевидца о людях и событиях, которые автор пережил вместе со своим поколением.

Книга состоит из двух разделов: «Военные ветры» и «Грани». В первом, как мы увидели, собраны новеллы и повести военных лет, во втором — рассказы о встречах автора с различными интересными людьми уже в годы послевоенные.

О Великой Отечественной войне сказано немало. И все же новые свидетельства очевидцев продолжают нас волновать. Одно из таких свидетельств Б. Крупаткина относительно войны представляется мне принципиально важным. Я хочу повторить и подчеркнуть строки, прочтенные в книге:

«Тем, кто родился и вырос после войны, приходится порой встречать в книгах описания первых месяцев Отечественной как сплошное отступление наших войск. До самых деталей, дотошно изображают некоторые авторы окружения и поражения... Было это? Было, конечно. Война пришла тяжелая и грозная. И самым тяжелым и грозным был Сорок Первый, когда вся подлая сила коварной внезапности и превосходства отработанной фашистской машины обрушилась на наши войска. Но «чудо» победного Сорок Пятого смогло совершиться потому, что Красная Армия и Флот воевали и били немцев и в Сорок Первом, и родная земля из месяца в месяц наращивала, умножала силы своих богатырей.

В декабре Сорок Первого мне выпало счастье быть среди тех, кто громил, обращал в бегство фашистские дивизии под Тихвином и Волховом... И в том же декабре далеко на юге со сказочной отвагой, беззаветным героизмом и умением громили укрепления фашистских войск корабли Черноморского флота, буревестниками они неслись на врага. И все это было в декабре Сорок Первого».

Так автор отвечает и тем, кто пытался умалчивать о периоде первых месяцев и лет войны, когда Красная Армия уже наносила сокрушительные удары по врагу, и тем, кто пытался сосредоточить внимание лишь на наших поражениях. И убедительным подтверждением правоты автора звучат эпизоды поистине героических сражений крейсера «Красный Кавказ» в боях на Черном море, переданные автором в рассказах ветерана Флота, бывшего старпома крейсера Константина Ивановича Агаркова.

С документальной героической повестью «Поют черноморские волны», которая и дала название сборнику, перекликается вторая — «Опергруппа». Перекликается не формальными стилистическими приемами, а своим существом, своей тональностью, своим настроем. Ощутить все это необходимо молодому читателю, которому, в частности, адресована книга.

Автор вспоминает, как наше поражение под Тихвином было преодолено, как отступающие части буквально на ходу были переформированы, заняли оборону и затем по властному приказу командования и собственных сердец ринулись в наступление и разгромили врага на этом участке фронта. Автору, непосредственному участнику опергруппы, выполнявшей задачу организации отпора врагу, удалось показать, насколько массов, насколько народен был героизм солдат и офицеров Красной Армии и какую цементирующую роль сумели при этом сыграть наши политработники.

Поведав о победных боях Красной Армии на земле нашей Родины, автор рассказал и о том, как Вооруженные Силы Страны Советов выполняли свой интернациональный долг, неся народам Европы освобождение от фашистского ига. И это не просто привычное публицистическое повествование об освободительных боях, это волнующие, своеобразные рассказы о людях, их судьбах, их характерах, их подвигах на землях Югославии, Румынии, Болгарии, Венгрии. Истории, рассказанные нам, типичны и в то же время привлекают своей новизной, своей неповторимостью и жизненной правдой.

Вспомним хотя бы совсем юного, всего двенадцати лет, югославского партизана, который спасает семилетнюю девочку, скрыв ее во время боя в зарослях леса; после войны Станко и Златица соединяют свои жизни («Квадратура круга»). Вспомним новеллу «У горы Геллерт», передающую историю ивановского текстильщика Василия Головцова, с которого венгерский скульптор изваял бронзовую фигуру советского солдата для памятника Освобождения в Будапеште.

Сила психологического воздействия этих и других произведений сборника заключена прежде всего в их документальности, в том, что многие герои их носят подлинные имена; и факты, о которых идет речь, не выдуманы — они тоже подлинны. И потому так впечатляют очерки и документальные рассказы о великом братстве людей социалистических стран, о глубокой благодарности их народов советскому народу-освободителю, о том, как свято болгары, румыны, венгры, югославы чтут память погибших на их земле советских воинов.

С интересом и читательским волнением воспринимается и раздел «Грани», повествующий о разных людях послевоенного времени, о человеческом достоинстве тружеников братских стран, о их славной доле. Одна из лучших новелл этого раздела, на мой взгляд,— «Поет, поет кружало».

«Почему загадочные движения обычного решета в руках талантливого кружальщика освобождали от сорняков даже самые трудноразделимые семена? Почему не удается сделать это машине?! Почему?..»

Спокойно и неторопливо рассказывает автор о том, как ученый, крестьянский сын Алексей Ульянов создал математическую теорию кружала и как была наконец сконструирована машина, повторяющая сложные движения решета кружальщика. А началось все с того, что... конструктор «выехал в колхозы Поволжья с целью, которую не решился бы раскрыть кому бы то ни было, а тем более обозначить задачей своей командировки: Ульянов намеревался попытаться найти среди стариков живого кружальщика...» И он-таки его нашел! Старый колхозник Ефим Авдеич Стрельцов становится «научным сотрудником» института механизации, помогая создать необходимую машину.

В этом произведении, пожалуй, с наибольшей полнотой проявился авторский почерк: доскональное знание событий, личное знакомство с героем, умение выстроить факты в строго организованное повествование.

Это мы видим во всех новеллах и повестях книги.

Несколько отличается от других произведений раздела «Грани» завершающее его повествование о том, как во время революции рабочие Надеждинского, ныне Серовского, завода послали своих ходоков к Ленину. Вождь революции принял уральцев, Совнаркомом был издан декрет о национализации завода. Отличается этот рассказ от других тем, что автор... не был свидетелем описываемых событий. Ну что ж! Все равно мы обнаруживаем в произведении присущий Б. Крупаткину почерк, да и материал повествования важен и нужен в этой книге.

Естественно, что многие материалы в сборнике посвящены Уралу и уральцам. Но хорошо, что в рамках Урала автор не замыкается: перед нами встает и наша страна, и другие, близкие нам земли — встает мир социализма.

...Итак, перевернута последняя страница. Мы закрываем прочитанную книгу с чувством благодарности автору за те живые, яркие свидетельства очевидца жизни эпохи, которые он подарил нам, читателям.

Сергей БОЛДЫРЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

Крупаткин Б. Л.

К 84 Поют черноморские волны. Повести и рассказы. Средне-Уральское кн. изд-во, 1976

288 с. с ил.

В книгу входят повести «Поют черноморские волны» (о легендарном крейсере «Красный Кавказ», о героизме его моряков) и «Опергруппа» (о первых контрударах по фашистским дивизиям зимой 1941 года, о героях этих боев), а также рассказы, действие которых развертывается на Урале и за рубежами СССР в годы войны и в наши дни.

$К\frac{70803 - 072}{М\ 158(03) - 76}$ Р2

Борис Львович Крупаткин

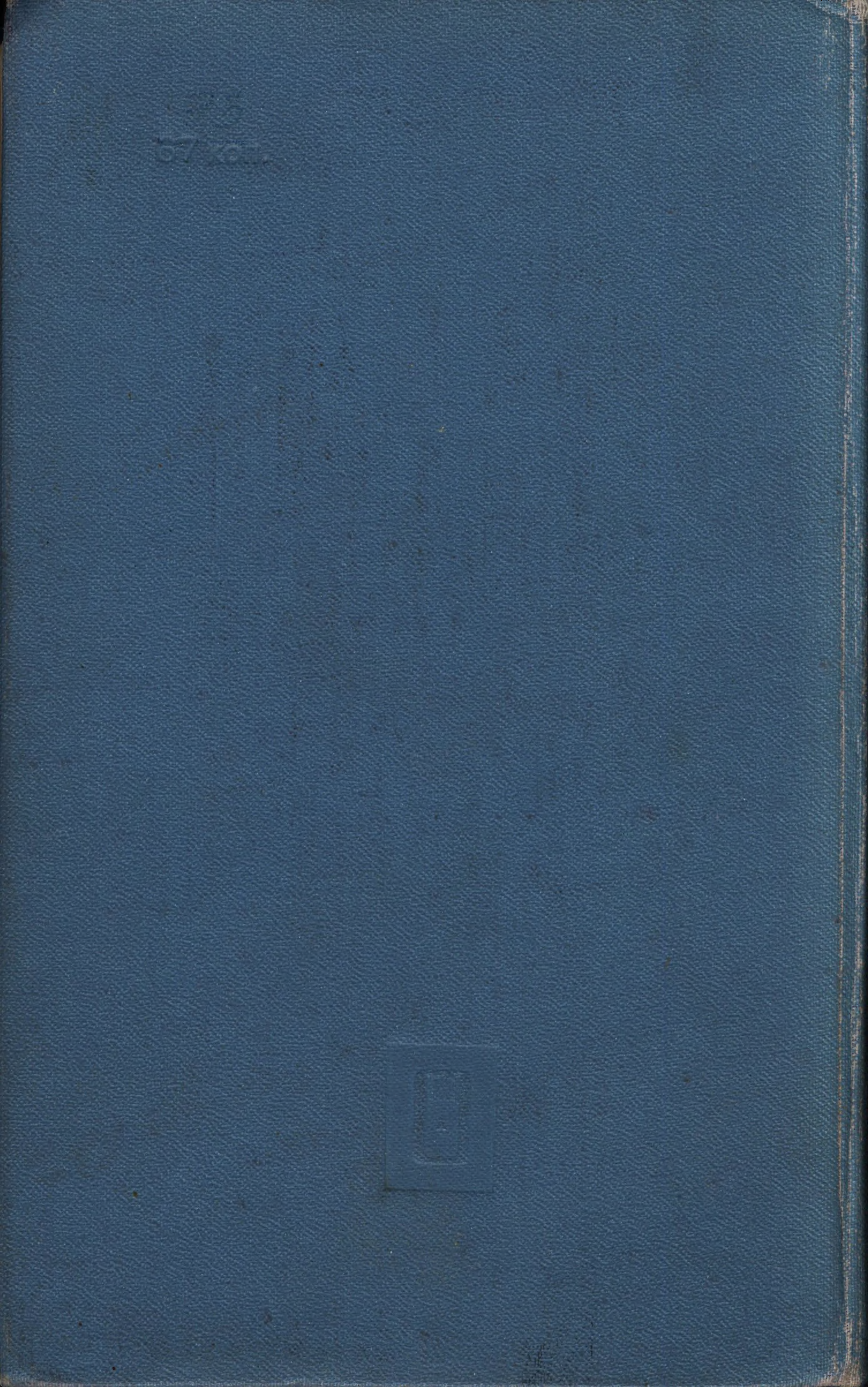
ПОЮТ ЧЕРНОМОРСКИЕ ВОЛНЫ

Редактор И. А. Круглик
Художник А. А. Казанцев
Художественный редактор Г. И. Кетов
Технический редактор Н. Н. Заузолкова
Корректоры А. Г. Богородская, Л. А. Гупало

Сдано в набор 25/IX 1975 г. Подписано в печать 20/I 1976 г. НС 12020. Бумага типографская № 1. Формат 84×108 1/32. Усл. печ. л. 15,1. Уч.-изд. л. 14,2. Тираж 70 000. Заказ 552. Цена в коленкоре 67 коп., в ледерине — 69 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

Б. КРУПАТКИН
ПОЮТ ЧЕРНОМОРСКИЕ ВОЛНЫ